

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

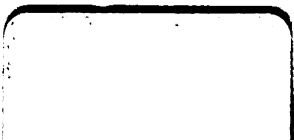
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1955

Из истории брачных дѣлъ
в царскомъ семействѣ...

44
L6

35

568 ИЗЪ ИСТОРИИ БРАЧНЫХЪ ДѢЛЪ

ВЪ ЦАРСКОЙ СЕМЬѢ

МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА.

Т. Светаевъ, Д.

Д. М. Цвѣтаева:

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1884.

Дозволено цензурой. Москва 28 августа 1884 года.

5-568 О Г Л А В Л Е Н И Е.

Введеніе.	Стр
I. Бракъ Марьи Владиміровны съ Магнусомъ Датскимъ.....	8
II. Сватовство Грознаго за Марію Гастингсъ	19
III. Ксенія Борисовна Годунова и ея женихи.....	28
VI. Сватовство Михаила Теодоровича за Шлезвигъ-Голштинг- скую принцессу Доротею Августу.....	49
V. Сватовство Михаила Теодоровича за Екатерину, маркгра- фию Бранденбургскую.....	61
VI. Дѣло Вальдемара Датскаго и Ирины Михайловны.....	67

ИЗЪ ИСТОРИИ БРАЧНЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ ЦАРСКОЙ СЕМЬѢ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА.

Въ семейномъ устройствѣ князя удѣльно-вѣчеваго періода не чувствовали особенныхъ стѣсненій. Сами они женились и сыновей женили на нашихъ княжнахъ, боярышняхъ, или греческихъ царевнахъ и на дочеряхъ польско-литовскихъ и другихъ королей; дочерей выдавали за князей, бояръ и принцевъ. Ко времени укрѣпленія московской централизаціи дѣло измѣнилось. Самостоятельные удѣльные князья отжили свой вѣкъ; полунезависимые бояре стали въ подожженіе слугъ; прежнее юридическое помятіе „по рабѣ холопѣ“ захватывало все большій и большій районъ. Изъ иновѣрныхъ принцевъ и принцессъ, съ паденіемъ Византіи, остались одни иновѣрные, вступать въ бракъ съ которыми въ Москвѣ считалось крайне опаснымъ для достоинства и чистоты православія и неудобнымъ въ смыслѣ народномъ; допускали такой бракъ лишь подъ условіемъ обращенія чужаго лица въ православную вѣру, чего конечно достигнуть было весьма трудно. Въ свою очередь, на Западѣ не настолько знали и уважали Русь чтобы по доброй волѣ ѣхать сюда за невѣстами или посылать своихъ принцевъ и принцессъ. Татарское иго рѣзко отдѣляло Русь отъ Запада, обособило ее: Московія казалась тамъ какою-то отдаленною варварскою страной.

Измѣненіе обстоятельствъ тяжеле всего отразилось на судьбѣ московскихъ княженъ. Для нихъ выходъ замужъ остался возможнымъ только за подданныхъ Московскаго государя; но великіе московскіе князья наши что выдава своихъ дочерей за подданныхъ или, какъ тогда начали называть, за „холоповъ“ значить увижать себя; великіе князьямъ подражали ихъ кровные родственники, князья с того съ ними московскаго корня: и имъ также не хотѣло равняться съ „холопами“. И нарасно Писемскій, посоль свать Грознаго, съ необычайною настойчивостью увѣря Англійскую королеву Елизавету что „государи наши даю свои дочери за государей и государскихъ дѣтей“, въ подтвержденіе чего сослался на примѣръ Елены, дочери Ивана III, выданной въ 1495 году за Польскаго короля Александра; * примѣръ Елены Ивановны лишь печальный отголосокъ предшествовавшей исторіи, который не только не повторился, но еще повелъ къ разрыву Россіи съ Польшей. Дѣри московскаго терема запылались все крѣпче, оберегали все ревнивѣе.

Софія Палеологъ была послѣднею великою княгиней въ томъ изъ иноземныхъ принцессъ. По необходимости бе за себя подданныхъ, большею частью дѣвицъ знатнаго дворянства, московскіе государи какъ бы утѣшались мнѣнію что тѣмъ они возвышаютъ этихъ лицъ до себя. Но въ теоріи удовлетворяла не всѣхъ; прочность ея постоянно не реализовалась мнѣніемъ что для государей приличіе же изъ царствующихъ въ Европѣ родовъ, и это парализованіе сказывалось иногда даже въ крайне уродливой формѣ. Отправляя Писемскаго въ Англію въ качествѣ своего свать первый же Московскій царь, на возможный вопросъ: какъ жемиться ему при живой жемѣ? наказалъ ему держать такъ отвѣтъ: „государь нашъ по многимъ государствамъ послалъ о томъ чтобы ему, государю великому, по себѣ поискати невѣсту, да тотъ случай не ваялъ: и государь взя за себя въ своемъ государствѣ боярскую дочь, а не побѣ; а будетъ королевнина племянница дородна и того ве-

* Списокъ тайнаго посольства Федора Писемскаго о сватовѣ царя Ивана Васильевича и княжны Маріи Гастингсъ, въ *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, XXXVIII, также въ *Северномъ Архивѣ*, 1824, IV, 315.

каго дѣла достойна, и государь нашъ царь и великій князь, свою оставя, сговорить за королевину ллемяницу.“*

Сознаніе важности браковъ между лицами Московскаго царствующаго дома съ членами западно-европейскихъ государскихъ домовъ вызвало цѣлый рядъ попытокъ къ ихъ устройству; но и эти попытки, когда онѣ принимали серьезный характеръ, производились не на обѣихъ половинахъ Западной Европы, а по преимуществу на одной, протестантской. Какъ ни худо смотрѣли вообще у насъ на католиковъ, послѣ реформаціи кредитъ ихъ лалъ еще ниже. По общности вражды къ католическому міру и различнымъ практическимъ разчетамъ, Русскіе, едва научась различать католиковъ отъ протестантовъ, отдали предпочтеніе послѣднимъ, мало-по-малу предоставляя имъ то чтѠ въ былую пору отдавали однимъ „латинянамъ“. ** Протестантамъ была предоставлена сравнительно бѠльшая свобода вѣры: первая лютеранская церковь въ Москвѣ явилась около половины XVI вѣка, костель же лишь въ концѣ XVII. Поворачивая на новый путь и выходя изъ своего замкнутого состоянія, Москва, постоянно раздражаемая религіозными и политическими обидами и притязаніями Польши и просками Австріи и палства, тѣснѣе сблизалась съ сѣвѣрною половиною Западной Европы, то-есть съ протестантскою, нежели съ южною, католическою. Протестантскія государства были лодатливѣе и живѣе, и съ ними заводились у насъ многозначительныя связи: торговыя, культурныя, политическія. И если наше стремленіе завладѣть Ливоніей и удержать Лаландію приводило къ частымъ столкновеніямъ и здѣсь, то эти же вопросы по преимуществу служили вѣшнимъ ближайшимъ ловодомъ къ брачнымъ сношеніямъ, а Данія и Англія выставяли главный контингентъ подходящихъ для брака лицъ.

Несмотря на желаніе и стараніе нашихъ государей, изъ всѣхъ этихъ брачныхъ сношеній увѣнчалось услѣхомъ только одно, да и то какъ бы случайно; остальныя лишь открыли

* Память послу дворянину и намѣстнику Шацкому Федору Ондрѣвичю Писемскому, *Сборникъ* И. Р. И. О. XXXVIII, 6.

** См. объ этомъ наши статьи: „Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1883, IX — X; „Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи“, *Русскій Вѣстникъ*, 1883, XI.

сокровенныя тайны Московскаго дворца и всю глубину тогда ней розни между Россіей и Западомъ. Что при другихъ, (а дѣе благоприятныхъ условіяхъ должно бы устроиваться са собою, безъ особенныхъ затрудненій, то потребовало тои съ нашей стороны самыхъ хитрыхъ подходовъ дипломат различныхъ политическихъ махинацій, а иногда и веломі ныхъ напряженій въ области богословской науки. И одна домовитая Москва руководясь своимъ религіознымъ ч ствомъ и политическимъ смысломъ ни разу не поступила здѣсь своими прямыми интересами; въ вѣкоторыхъ случаяхъ когда личныя стремленія правителей уходили слишкомъ ; леко отъ общаго настроенія народной массы, роковой п градой являлись постороннія обстоятельства. Тутъ на все; лежитъ ничѣмъ неизгладимый отпечатокъ тогдашней, чис московской эпохи.

Прослѣдить этотъ интересный рядъ попытокъ къ устр ству браковъ между членами нашего Московско-царскаго протестантскихъ королевскихъ домовъ и составляетъ зада настоящаго труда.

I.

Бракъ Маріи Владиміровны съ Магнусом Датскимъ.

Первое и вмѣстѣ съ тѣмъ приведшее къ цѣли брачное дѣ. случилось при Иоаннѣ Грозномъ, во время его долголѣтн Ливонской войны и на почвѣ чисто политическихъ ливо скихъ интересовъ

При покореніи Ливоніи, Ивану Васильевичу, кромѣ мѣс ныхъ жителей, пришлось вести счеты съ Польшей, Даніей Швеціей, державами въ то время первостепенными. Не н дѣясь на услѣхъ, онъ задумалъ подчинить Ливонію пока ; правахъ вассальныхъ, и съ этою цѣлью предложилъ слер Фюрстенбергу, а затѣмъ Кетлеру титулъ ливонскаго коро Оли отказались, и Таубе и Крузе, агенты Иоанна, обратили къ Магнусу, юному владѣтелю Эзеля, выставляя въ самы радужныхъ краскахъ всѣ выгоды вассальнаго подчинені Предложеніе агентовъ лало на добрую почву.

Положеніе Магнуса было не завидно. Получивъ въ наслѣ ство отъ отца, Датскаго короля Христіана III, Шлезвигск герцогство, онъ сталъ въ двусмысленное отношеніе къ своимъ

старшему брату, королю Фридриху II, который счелъ болѣе удобнымъ взять эти земли себѣ, а герцогу въ замѣнъ ихъ купить часть отдаленной Ливоніи, епископство Эзельское и Пильтенъ, куда Магнусъ и направился (1560 года) вмѣстѣ съ датскою дружиной и щедрыми обѣщаніями рыцарству, если оно пожелаетъ подчиниться ему. Открытымъ и уступчивымъ характеромъ, щедростью, доходившею часто до расточительности, юношескимъ пыломъ и склонностію къ веселымъ пирамъ Магнусъ дѣйствительно понравился привыкшимъ къ шумной жизни ливонскимъ дворянамъ; вскорѣ ему удалось присоединить Зонненбургъ и купить обширное епископство Ревельское. Но затѣмъ счастье ему измѣнилось. Своими успѣхами онъ вызвалъ звергическое противодѣйствіе со стороны своихъ соперниковъ, и они то тамъ, то самъ начали вредить ему. Шведы даже отгнали его отъ богатаго Ревеля; а король Фридрихъ, не вида выгодъ въ содѣйствіи брату, не только почти совсѣмъ покинулъ его на произволъ судьбы, но и задумалъ еще захватить самый Эзелъ въ свои руки. Борьба съ соперниками и роскошная жизнь требовали между тѣмъ отъ Магнуса непосильныхъ расходовъ. Съ цѣлію поправиться, онъ посватался за сестру Польскаго короля Анну, въ посадьствіи же ну Стефана Баторія, и въ приданое просилъ всю Ливонію, но въ отвѣтъ отъ Сигизмунда-Августа получалъ лишь вѣдкій отвѣтъ подумать прежде о томъ куда привести свою будущую супругу... И въ самомъ дѣлѣ, безпомощность и безсиліе Магнуса достигли того что и съ русской стороны съ нимъ вздумали войти въ сношенія только послѣ неудачи съ Кетлеромъ. Молодой герцогъ обрадовался предложенію Ивана Васильевича, какъ нечаянной дорогой находкѣ. Ему казалось что зависимость отъ Московскаго царя дастъ ему необходимую внѣшнюю поддержку и быть-можетъ всю Ливонію въ руки. Чтобъ ускорить интересные переговоры, Магнусъ самъ, не съезжая напередъ съ братомъ, послѣдшнею отправился (въ мартъ 1570 года) въ Москву въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, имѣвшей назначеніе прикрыть его безсиліе; его не оставовили даже достигшіе до него слухи о производимой Грознымъ расправѣ съ Новгородомъ *.

* A. Richter's, *Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen*, Riga, 1857, I; Sonntag's, *König Magnus* въ Grave's *Caritas*, Riga, 1831; K. H. von Busse, *Herzog Magnus, König von Livland*, Leipzig, 1871.

Въ Москвѣ хотя и правили кровавыя поминки по н родскомъ погромѣ, но встрѣтили Магнуса со всѣмъ томъ, свойственнымъ гостепріимной русской столицѣ, въ вый разъ видѣвшей въ своихъ стѣнахъ такого высокаго гостя. Грозный царь прикинулся что онъ строгъ только своимъ, а къ чужестранцамъ милостивъ. Ливонскіе дѣти цы разказываютъ какъ онъ ради своего дорогаго гостя пустилъ изъ лѣвна нѣсколько тысячъ дерптскихъ гражд, одарилъ всю свиту Магнуса—совѣтниковъ, дворянъ, сла давалъ ей богатый пиръ, на которомъ прямо заявилъ „теперь онъ любитъ Нѣмцевъ всѣмъ своимъ сердцемъ. Въ то же время предупредительно выслушана была пр вѣдъ любимаго магнусовскаго придворнаго проповѣдник царя, противъ обыкновенія, даже мягко отозвался о Лю и лютеранствѣ **. Самъ герцогъ въ одномъ изъ торжест выхъ собраній провозглашенъ былъ королемъ Ливоніи, залогъ будущаго королевства данъ ему Оберламенъ; за ковно религіозными и гражданскими законами Ливоніи скимъ царемъ признана полная неприкосновенность, въ самое время какъ въ Западной Европѣ шла самая ожест ченная религіозная война. Въ виду того Магнусу сове че тяжело было присягнуть Русскому царю, и онъ то ственно призналъ его своимъ сюзереномъ. Разошедшійся милости царь промолвилъ, впрочемъ, уже не въ торжест номъ собраніи, что онъ не довольствуется однимъ высок званіемъ верховнаго господина надъ новымъ Ливонскимъ родемъ, но желаетъ быть еще его и родственникомъ: вмѣ сть ливонскою короной онъ совершенно неожиданно пре жидъ ему руку своей двоюродной племянницы. ***

Предъ пріѣздомъ Магнуса въ Москву Грозный лиш жизни своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича, л за Старикаго, обвинивъ его въ различныхъ измѣнническихъ замыслахъ. Отъ несчастнаго остались двѣ дочери—Евфр и Марья Владиміровны, едва ли, какъ дѣти ненависти

* *Scriptores Rerum Livonicarum*, II, Russow, Bl. 70 a u b.; Henr Bl. 51 b.

** Oderborn's *Joan Basilidis Leben*, Görlitz, 1596. 46.

*** *Historica Russiae Monumenta*, I, № CLI. Schreiben des Heil Ulrich an d. Kais. Maximilian II, von 24 Sep temb. 1571, у Карамс IX, пр. 335, и въ *Mittheilungen aus d. Gebiete d. Gesch. Liv-Ehst-Kurland's*, Riga, 1845, III, 124.

брата, пользовавшіяся расположеніемъ дяди, и въ свою очередь едва ли любившія дядю, жестокаго убійцу ихъ отца. Иванъ Васильевичъ держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, въ неизвѣстности; люди, даже очень близкіе къ нему, напримѣръ Таубе и Крузе, считали ихъ убитыми вмѣстѣ съ ихъ отцомъ и матерью. * Очень вѣроятно что царю думалось иногда объ ихъ судьбѣ; нечаянный пріѣздъ холостого принца натолкнулъ его на счастливую мысль, выдать за этого заѣзжаго гостя старшую изъ сиротъ, Евфимію Владиміровну. Ивану Васильевичу не было нужды ни до новаго, уже извѣстнаго намъ, укоренившагося обычая, ни до того что современные ему русскіе архіереи въ своихъ вѣроисповѣданіяхъ клятвенно обязывались не дозволять браковъ православныхъ Русскихъ съ западными иновѣрцами. ** Нѣтъ сомнѣнія, ему казалось что при помощи этого брака ему удастся какъ избавиться отъ части непріятной ему тягости, такъ и крѣпче прибрать къ своимъ рукамъ Магнуса и Ливонію, гдѣ положеніе Русскихъ становилось не совсѣмъ удобнымъ. Могла ли дочь Владиміра Андреевича содѣйствовать своему нелюбимому дядѣ? Но не въ томъ вопросъ: не въ обычаѣ Грознаго было разбирать средства для дѣйствія. Съ другой стороны, и жениху также было не до разбора невѣсты: какую ни предложилъ бы ему царь, онъ, чтобы не оскорбить Грознаго, едва ли нашелъ бы возможнымъ отказаться. Позаботиться же о согласіи невѣсты, никому, кажется, не приходило и въ голову.

Надъ брачными переговорами царица непроницаемая тайна; по крайней мѣрѣ ничѣмъ иначе нельзя объяснить значенія о нихъ Таубе и Крузе, которые и послѣ того преспокойно продолжали думать что ни Евфимія Владиміровна, ни ея сестры уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Приданое обѣщано было богатое: кромѣ другихъ маловажныхъ вещей пять бочекъ золота. *** Все сложилось съ чрезвычайною быстротою и неожиданностію. Но самые сборы къ свадьбѣ еще далеко не были кончены, а съ ливонскими дѣлами медлить было тоже нельзя, и потому бракосочетаніе отложили до болѣе

* *Sendschreiben an Gotthard Kettler von I. Taube und El. Kruse*, 1572, въ G. Ewers, *Beiträge z. Kenntniss Russland*, Dorp. 1816, I, 168.

** *Акѣ. Археогр. Эксп.* I, 162; Соловьевъ, *Ист. Россіи* VII, 90; Невольна, *Ист. рос. гражд. зак.*, I, 273—274.

*** *Oderborn*, 39; *Mittheil.* III, 124.

благоприятнаго времени. Эта отсрочка, едва не разстроивъ всего дѣла, привела къ непредвидѣннымъ послѣдствіямъ.

Съ освобожденными ливонскими латвскими и русскимъ войскомъ только что произведенный и единственный въ исторіи ливонскій король (кромя Магнуса никто больше не носилъ этого титула) отправился въ обратный путь, не имѣвъ, кажется, случая видѣть свою невѣсту. Провозглашенное имъ объединеніе всѣхъ орденскихъ земель подъ своею королевскою властью, какъ вѣрѣннѣе средство для страны освободиться ото всѣхъ терзавшихъ ее невзгодъ, получило сочувственный откликъ, но неудачная осада Ревеля положила преграду его услѣхамъ, и онъ отступилъ къ Оберлапену. Данія и Швеція заключили между собою союзъ; приставленные къ Магнусу, Таубе и Крузе переданы Польшѣ. Самъ Магнусъ, опасаясь что все это Грозный можетъ объяснить не въ его пользу, боясь подозрѣній и мести, послѣдшилъ убраться на Эзель. Отошла къ отцамъ и его невѣста, Евфимія Владиміровна.

Тутъ, казалось, и конецъ дружественнымъ отношеніямъ между царемъ и королемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ затѣянной исторіи брака. Разумѣется, такъ бы и случилось еслибы взаимные интересы не тянули болѣе другъ къ другу главныхъ дѣятелей въ этой исторіи. Нужда въ обоюдной помощи, напротивъ, значительно у нихъ усилилась.

Союзомъ со Швеціей Фридрихъ показалъ своему брату чего тотъ можетъ ждать отъ него. Ревельцы въ свою очередь оскорбляютъ Грознаго. День снятія осады (16 марта 1571 года) ими положено праздновать каждый годъ какъ день освобожденія отъ „московскаго тирана“ и тѣмъ, вмѣстѣ съ горькимъ сознаніемъ тяжести потерь, возбуждается въ Грозномъ чувство злобы, личная месть. И вотъ, вмѣсто того чтобы разрывать связи, вассальный король слѣдуетъ оправдаться предъ царемъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта, а царь рѣшается продолжать разыгрывать роль великодушнѣйшаго изъ людей и посылаетъ Магнусу любезное письмо, въ которомъ, успокоивая его, проситъ возвратиться въ Оберлапенъ и обязательно предлагаетъ ему на прежнихъ условіяхъ руку Марьи Владиміровны, мадшей сестры умершей невѣсты. Магнусъ тотчасъ же соглашается; свое согласіе на этотъ бракъ шлетъ въ Москву и король Фридрихъ. *

* *Mittheil.* III, 124; Büsching's *Magazin für die neue Historie*, Halle, 1773, VII, 303—304.

Одно прелатствіе лежало еще на пути къ совершенію бракосочетанія—война со Швеціей, но и она благодаря не замедлившемуся перемирію (весной 1573 года) вскорѣ прекратилась. На возвратномъ пути изъ Ливоніи, гдѣ Иванъ Васильевичъ провелъ послѣднюю зиму, онъ остановился въ Новгородѣ чтобы послѣ военныхъ трудовъ найти покой и веселье.

Когда такимъ образомъ прелатствія устранились, свадьбу, не откладывая далѣе, назначили въ Новгородѣ на 12 апрѣля 1573 года. Свидѣтелями ея пришлось быть многимъ. Кромѣ возвращавшагося съ Грознымъ войска, Магнусъ прибылъ со свитой до 200 дворянъ и немалымъ числомъ дамъ; съ невестой пріѣхали царевичъ Иванъ Ивановичъ и много московскихъ бояръ и боярынь. * Въ первый разъ Русскіе и Нѣмцы встрѣтились такъ близко.

Марья Владиміровна была очень милоудная дѣвочка; ей считали всего около 13 лѣтъ, а Магнусу 23 года. Слуста шесть мѣсяцевъ братъ послѣдняго писалъ Мекленбургскому герцогу что она чистое дитя: достаточно яблока и немного сахару чтобъ она оставалась спокойною. ** Впрочемъ, бракъ въ такіе годы у насъ не былъ рѣдкостью. Стоглавымъ соборомъ (1551 года) запрещалось выдавать замужъ лишь только двѣнадцати лѣтъ; *** у западныхъ же путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, передается что имъ часто встрѣчались молодыя женщины которыя, преспокойно играя на улицѣ съ другими дѣтьми, ничѣмъ не отличались отъ своихъ маленькихъ сверстницъ, кромѣ развѣ особаго способа залетать косу.

При наступившемъ, по обычаю, изготовленіи „свадебнаго разряда“ или „чина“, отъ составителей его потребовалось самождательности значительно болѣе чѣмъ при другихъ подобныхъ случаяхъ. Особаго чина для свадебъ княженъ съ инозѣрнымъ принцами Москва еще не имѣла случая выработать; къ тому жь, теперь устраивалась свадьба съ лицомъ протестантскаго вѣроисповѣданія, то-есть съ такимъ „еретикомъ“ за котораго до сихъ поръ еще совсѣмъ не приходилось выдавать нашихъ княженъ. Гдѣ дѣло касалось религіи

* Dr. Wheling's *Sendung nach Nowgorod im J. 1572*, въ F. G. v. Bunge's *Archiv*, I; F. Nyenstädt's *Livland. Chronik*, въ *Monum. liv. antiqu.* II, 76.

** *Mittheil.* III, 124; VIII, 266—267.

*** *Стоглавъ*, гл. XVIII.

составители „разряда“ ввели нѣкоторыя новости, во все же остальномъ послѣдовали прежнимъ образцамъ, хотѣсь не миновали отступленій. Выбрали тысяцкаго, дружка свахи и т. п.; невѣствъ назначили посаженаго отца и лажную мать, но не видно чтобы назначили ихъ для женовеза замѣтно также „держальщиковъ ширинокъ“, „мыльникъ и нѣкоторыхъ другихъ; за то видимъ новую должность дядиныхъ бояръ и боярынь“. Бóльшая часть должностей и мыльничества были замѣнены Русскими.

Согласно „разряду“, въ назначенный день всѣ свадебныя соборались „на царскомъ дворѣ“. Невѣсту, богато разодетую, окруженную ея многочисленными „чинами“, торжественно ввели въ ту комнату гдѣ стояло приготовленное для нея и жениха „чертожное мѣсто“. На послѣднемъ лѣдѣ одинъ поддѣ другаго два сорока соборей, третій сорокъ „хивальный“ держалъ стоявшій поддѣ дьякъ. Тотчасъ одинъ сорокъ принялъ дьякъ Пушкинъ, и на освобожденное мѣсто свахи посадили невѣсту. Рядомъ съ нею сѣлъ вошедшій женихъ. Другой сорокъ принять Яровымъ. Всѣ присутствующіе размѣстившись гдѣ кому слѣдовало. Началось обручение. Обручалъ и смѣнялъ кольца у невѣсты новгородскій священникъ Дмитріевской церкви, у жениха—его придворный ласторъ. По окончаніи обряда княгиня Мстиславская, чтобы окончательно приготовить невѣсту къ вѣчанію, разчесала ей голову, „смачивая гребень въ чарѣ съ виномъ“, надела на нее куклу; взявъ у дьяка „осыпало“, вѣроятно съ золомъ, символомъ любви, осыпала имъ вмѣстѣ жениха и невѣсту и въ заключеніе оплахнула ихъ третьимъ сорокомъ соборей. Когда все было готово, открылся свадебный поѣздъ.

Поѣздъ направился на Пробойную улицу что на Славнѣ къ Дмитріевской церкви. Женихъ ѣхалъ на конѣ; невѣсту везли въ саняхъ, вмѣстѣ съ нею сидѣли свахи, около нея шли „оберегатели пути“—четыре князя и до 30 бояръ и дѣтей, обязанностью коихъ было наблюдать чтобы никто не перешелъ пути между невѣстой и женихомъ. Много при поѣздѣ пышности почетные „лоѣзжане“, 26 князей и бояръ, 15 королевскихъ дворянъ, приставшіе къ поѣзду у крыльца гдѣ должны были дожидаться выхода и встрѣтить виновниковъ торжества. Кромѣ большихъ чиновъ, видѣлось множество малыхъ. Изъ посажденныхъ кто несъ фонари, кто свѣчки, кто короваи, сткаяицу, подножія, сголовья, осыпало и т. д. О.

изъ фонарей отличался такою величиною что его несли два человѣка. Свѣчи были трехъ сортовъ: одна большая, ее несли двое, другія поменьше, горѣли въ фонаряхъ; третьи, „обручальныя“, небольшія. Короваи тоже раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ; большой коровай несли четыре человѣка.

Предъ церковнымъ входомъ брачной четвѣ постлали большой красный коверъ,—честь пріятно поразившая иностранцевъ, по незнавію русскихъ обычаевъ, принявшихъ это за знакъ особеннаго уваженія къ Магаусу; другой коверъ и два сорока соборей были разостланы на лалерти и въ церкви. По нимъ православная невѣста торжественно вошла въ самую церковь, а женихъ на лалерть,—даже идти ему не дозволили: вѣнчальный обрядъ надъ нимъ, какъ протестантомъ, долженъ былъ совершиться здѣсь. На лѣвой сторонѣ отъ княжны видѣлись чины съ короваемъ, свѣчамъ и фонаремъ, съ тѣми же принадлежностями стояли и близъ жениха. Какъ расположились остальные присутствующіе и были ли впущены въ церковь протестанты—неизвѣстно. Вообще, послѣднимъ изъ предосторожности чтобъ отъ нихъ, какъ „нечистыхъ“, „нехристей“ не осквернился православный храмъ, входъ въ наши церкви строго воспрещался и ни откуда не видно чтобъ и на этотъ разъ сдѣлано было исключеніе, хотя бы то для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наконецъ, наступилъ и вѣнчальный обрядъ, давно ожидаемый и по нѣкоторымъ частностямъ единственный въ нашей исторіи. О предшествовавшемъ ему бракосочетаніи Елены Ивановны съ Александромъ Польскимъ нашъ лѣтописецъ отмѣтилъ: „Въ лѣто 7003... февраля въ 15... вѣнчаша ихъ въ Станиславѣ въ римскаго закона церкви бискуль (еписколь) Виленскій по-латински, а великаго князя полъ Эома по греческому закону единъ“ *. Какъ бы въ подражаніе этой формѣ бракосочетанія, но еще съ большею долей рѣзкости теперь устроили такъ что въ то время какъ мѣстный священникъ вѣнчалъ въ церкви княжну по православному чиноложенію, на лалерти, гдѣ продолжалъ стоять принцъ, его придворный пасторъ совершалъ надъ нимъ лютеранскій обрядъ. Въ такомъ именно видѣ совершился первый бракъ нашей русской православной княжны съ протестантскимъ прин-

* *Полн. Сборн. Русск. Лѣт.* IV, 165; VIII 229; *Русскій Зритель* 1828, ч. 2, №№ V—VI: Поѣздка Елены Ивановны въ Вильну.

цель, бракъ, послужившій основаніемъ для подобныхъ и дующихъ. Петръ I и Теофанъ Проколовичъ ссылались на него какъ на законное историческое основаніе. Своею гиняльною формою далеко превосходя своихъ предшесниковъ, онъ рѣзко отличается и отъ послѣдующихъ. Въ подобный бракъ нашей княжны, состоявшійся во вре Петра Великаго, былъ совершенъ однимъ православнымъ ховнымъ лицомъ и притомъ въ православной церкви.

По окончаніи вѣнчанія, когда новобрачные выходили храма на улицу, ихъ, по русскому обычаю, осылали.

Отъ церкви поѣздъ въ прежнемъ порядкѣ направиле государеву дворцу. Здѣсь открылся пиръ на славу. Пирс вмѣстѣ всѣ—и Русскіе, и иностранцы, но первые си выше послѣднихъ. Изъ русскихъ боярынь „большое мѣ занимала жена окрещенаго татарскаго царевича Мих Камбуловича, а противъ нея сидѣлъ князь Иванъ Ѳедоро Мстиславскій. Русскія забавы, начавшіяся послѣ обѣда, шались вмѣстѣ съ иноземными. Гости разбушевались. представленіяхъ, пляскахъ и пр. они, по словамъ одного ливонскихъ лѣтописцевъ, дошли до такихъ безобразій ка не испорченными глазамъ и ушамъ нельзя ни видѣть слышать. На общей радости развеселился и царь И Васильевичъ. Не гораздый въ пляскѣ, но большой охот до пѣнія, онъ собралъ маленькихъ послушниковъ и за съ ними символъ Аевасія Великаго. Пѣлъ онъ бы наизусть, и маленькіе товарищи не могли послѣть за ло книгъ. Это его сердило, и когда они сбивались и о вали онъ до крови билъ ихъ тяжелымъ посохомъ, котор регентовалъ. Нѣмецкіе ученые, случившіеся тутъ, видно принимали участія въ увеселеніяхъ. Между ними и оди русскимъ игуменомъ, хорошимъ начетчикомъ, завязался с ный религиозный споръ, причемъ игуменъ выказалъ желѣ: неуступчивость, чѣмъ очень не понравился иноземцамъ; с лосокъ этого неудовольствія слышенъ и въ насмѣшкахъ нимъ ливонскаго лѣтописца.

На ночь молодыхъ отвели въ опочивальню, приготовлен въ одномъ деревянномъ домѣ. Въ прихожей помѣсти нѣсколько знатныхъ пожилыхъ женщинъ. Около дома въ

* *Полн. Собр. Зак.* VI № 3814; *Полн. Собр. Пост. и Расч. Вѣд. Прав. Испов.* 1, № 151.

двое сильныхъ дворцкихъ, на обязанности коихъ лежало охранять покой новобрачныхъ. По утру царь надѣлся молодыхъ богатыми мѣховыми шубами. Пировае продолжалось нѣсколько дней *.

Свадьбу сыграли; наступило время расчета. Магнусъ мечталъ о богатомъ приданомъ. Онъ надѣялся что получить общаея даремъ бочки золота, все завоеванныя Русскими земли и будетъ жить со своею молодою женой въ довольствѣ, пригвѣваючи. Но недавнiя измѣны Таубе, Крузе, Фаренбахъ и другихъ пноземцевъ научили Грознаго осторожности. Прейшій обычай хвалиться своимъ необычайнымъ довѣрiемъ къ иностранцамъ онъ уже оставилъ; Фелигу, послу Мекленбургскаго герцога, онъ сказалъ около этого времени: „Нѣмцы нѣтъ извѣрились“. Неудивительно посазъ того что онъ задумалъ похитрить, постыдиться Магнуса, и на его требованiе отвѣтилъ ему чтобы онъ, пока не докажетъ своей вѣрности, довольствовался давнымъ ему равныне Оберпаленомъ и Каркусомъ.

Новобрачная чета поселилась въ этихъ своихъ владѣнiяхъ. Въ одномъ Оберпаленѣ принадлежало ей до тысячи крестьянъ; жить бы еще можно было, пожалуй, не особенно бѣдно, если бы чета была по-практичнѣе; жена была не хозяйка и совершенное дитя, а супругъ—довѣрчивый, до расточительности щедрый юноша. Вскорѣ онъ раздарилъ своимъ придворнымъ почти всѣхъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на бѣдность, взаимныя отношенiя супруговъ были добрыя. Марья Владимировна вполнѣ подчинилась влiянiю своего мужа. Оставивъ въ покоѣ ея религiозныя убѣжденiя, онъ преобразовалъ лишь ея влѣкчюность, такъ что въ изыщности манеръ она потомъ не уступала ливонскимъ дамамъ. У нихъ родилась (1580) дочь Евдокиа, крещенiе которой, по словамъ Флетчера **, совершено по обряду православному.

* Гл. Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, Историческiя и церемонiальныя дѣла 1578 года, св. 1, № 1; *Визлiоника*, XIII, 97—108; Сахарова, *Сказанiя Русскаго народа*, С.-Пб. 1849, II, 65—66; Nyenstädt, s. 76; Hennig, Bl. 55 a и b; Russow, Bl. 82 b; D. P. 4 Buschau, *Moscowe ortus et progressus*, Gubense, 1679, 222—224 (русск.перев. Бухау, составленныи Барсовымъ, печатается въ *Чт. Илж. М. О. Ист. и Др. Россiйскiямъ*). Все эти документы настолько неполны и отрывочны что пользоваться ими возможно только при смесени ихъ съ извѣстiями о другихъ княжескихъ свадьбахъ той эпохи.

** Флетчеръ *О Государствѣ Русскомъ*, Лондонъ, 1591.

Родство съ Грознымъ не привнесло Магнусу того чего добивался: основать самостоятельное Ливонское королевство подъ номинальною зависимостью отъ московскаго царя ему удалось. И хотя счастье ему потомъ нѣсколько разъ улыбалось, когда былъ въ союзѣ съ Грознымъ, иногда возвышая на такую высоту что, казалось, былъ уже близокъ къ цѣли; но это поспѣшному случалось только затѣмъ что тѣмъ быстрее и сильнее извергали его внизъ. Число войнъ его увеличилось; враги московскаго царя превратили въ его собратья. Братья Фридрихъ всталъ у него Эммануилъ Шведы обрѣзывали его съ отвѣра, Поляки съ юга, и когда Баторій началъ одоливать наши войска, онъ, чтобы спасти остатки своихъ владѣній, избѣжалъ Иоанну (не даромъ авиъ прежде не довѣрялъ ему влоавъ), послѣдствіемъ даться новому северу. Это мало ему помогло. Стѣна его во всемъ, Поляки обнаружили свои хитрыя притязанія и на его послѣдній укромный уголокъ, отдаленный Пилтенъ. Политическая его роль была доведена до ничтожнаго. Онъ пересталъ употреблять даже свой почетный титулъ ливонскаго короля. Огорченіа свели его въ могилу раннимъ времени. Онъ умеръ 18 марта 1583 года, 42 лѣтъ отъ рожденія и былъ похороненъ въ дворцовой Пилтенской киркѣ. Тамъ его потомъ * перевезли въ Данию.

Не осталась на мѣстѣ и его супруга. Щедрыми обѣщаніями сначала убѣдилъ (1583 года) ее переселиться въ свои владѣнія Баторій, потомъ заманилъ (1586 года) ее въ Россію Борисъ

* По автописи Руссова (Russov, Bl. 184 a), въ слѣдующемъ году, а по пилтенскимъ церковнымъ книгамъ (Kalmeier, *Wo ist der Magnus begraben? Das Inland*, 1837, № 25, s. 414—418), 5 апр. 1662 года.

** Вспадъ за Горсеемъ (Записки о Московіи XVI вѣка, *Библ. Чтен.* 1865, № 6, стр. 8—11) въ нашей исторической наукѣ (Ксенофонтъ, *Русская исторія*, 1890, I, 599) до сихъ поръ держится такъ будто она съ ея согласіемъ была похищена тайно отъ комендантъ крѣпости. Дѣло, какъ показываютъ официальные документы (*Лит. Общ. И. и Др. Росс.* 1837, VIII, 392—393), обошлось иначе, вслѣдствіе романтическихъ похищеній: наше правительство, заручившись тайнымъ согласіемъ Марьи Владиміро夫ны, обратилось къ Польскому правительству о добровольномъ ея отпускѣ въ Россію, а послѣднее давно тяготившееся несприятною для него обузой, съ полною готовностію исполнило эту давно желанную просьбу.

и ни тотъ, ни другой не исполняли своихъ обѣщаній: Ваторіи отпривилъ ее въ Рижскую крѣпость, Борисъ—въ монастырь. Лишившись дочери, она подъ именемъ инокини Марыи долго еще влѣчила здѣсь свою несчастную жизнь, хотя съ точностію и не извѣстель годъ ея смерти *. Въ послѣдній разъ упоминается о ней въ 1609 и 1611 годахъ ** — во время осады Троицкой Лавры Поляками и разграбленія московскаго Новодевичьяго монастыря казаками Заруцкаго. Казаки до-вага ограбили ее вмѣстѣ съ другою подобною инокиней, дочерью Бориса, Ксеніей, и обѣихъ ихъ подвергли лоруганію... Гробница ея и ея дочери находится въ Успенскомъ соборѣ Троице-Сергіевой Лавры ***.

Тяжело было житье нашихъ князей въ теремахъ, но все же трудно сравнивать его съ судьбой кн. Марыи Владиміровны. Первый бракъ между нашею православно-русскою княжною съ нѣмецко-протестантскимъ принцемъ какъ-будто и устроился только затѣмъ чтобы подвергнуть эту чету самымъ тяжкимъ невзгодамъ.

II.

Сватовство Грознаго за Марію Гастивгск. †

Еще прежде чѣмъ родилась Марья Владиміровна, Иванъ Васильевичъ задумалъ поискать себѣ невесту „въ иныхъ государствахъ, у короля или у царя котораго“. Митрополитъ склонилъ его оставить эту мысль, и царь заявилъ (1547) ему: „азъ, отче, ту мысль отложилъ, въ иныхъ государствахъ не хочу женитися: для того что послѣ своего отца и матери

* Дата на ея гробницѣ („лѣта 7206 (1597) іюлія 71 (13) дня, преставилася благовѣрная королева инока Марья Владиміровна“) не-вѣрна и ошибка сдѣлана, вѣроятно, при подновленіи.

** *Альби историческіе* III, 286; *Собраніе государственныхъ грамотъ и дозоговоровъ* III, 585.

*** Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей статьѣ: *Марья Владиміровна и Магнусъ Датскій, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1878. III.

† Главные относящіеся сюда документы хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, среди Ангаійскихъ дѣлъ, св. I, №№ 1 и 2, и издаемы въ 1883 году въ XXXVIII томѣ *Сборника Имп. Русск. Историч. Общества*.

остался малъ, привести мнѣ за себя жему изъ другаго государства, и у насъ въ правахъ будетъ разное и иное между нами будетъ тцетно“ *. Выборъ лалъ на невѣсту изъ своихъ, на Анастасію Романовну. Послѣ ея смерти вліяніе духовенства и лучшаго боярства на Іоанна ослабло. Онъ намѣтилъ себя въ супруги дочь ревностнаго католика, Сигизмунда I Польскаго, и продолжалъ свататься за нее даже по выходѣ ея за Шведскаго короля Іоанна, пока ея мужъ съ позоромъ не высадъ (1567) его пословъ изъ Стокгольма. Несмотря на то, подъ конецъ жизни, въ немъ воскресла мысль о супругѣ изъ знатныхъ цноземокъ. Вышнимъ предлогомъ къ возобновленію попытки олатъ посаужилъ Ливонскій вопросъ.

Стѣсненный Баторіемъ и Швеціей, Іоаннъ вынужденъ былъ на невыгодный для насъ миръ: мы были совсѣмъ отрѣзаны отъ балтійскихъ береговъ, изъ-за которыхъ погубили столько усилій, средствъ и людей. Это убѣдило насъ какъ непосильна для насъ борьба съ западными сосѣдами пока мы неравны съ ними въ ратномъ искусствѣ и пока у насъ тамъ нѣтъ вѣрнаго союзника. Потому, не покидая надежды воротить балтійскіе берега, Іоаннъ завелъ сношенія съ Англійскою королевою Елизаветой о заключеніи наступательнаго союза противъ Польши и, чтобы лучше закрѣпить его, владѣлъ сюда переговоры о женитбѣ на одной изъ родственницъ Елизаветы, Маріи Гастингсъ, дочери графа Гвѣтингдонскаго **. Бракъ долженъ былъ служить къ закрѣпленію и другаго предпріятія Іоанна. Одновременно съ тѣмъ царь велъ переговоры съ Елизаветой о тайномъ для себя убѣжищѣ. Какъ родственникъ королевы, онъ, конечно, былъ бы принять тамъ лучше еслабы дѣйствительно когда-нибудь пришлось воспользоваться выхлопатываемымъ имъ дозволеніемъ. То же обстоятельство что онъ былъ женатъ и его жена Марія Нагая находилась въ добромъ здравіи, ему не казалось прелатствіемъ. Женившись въ пятый или седьмой разъ и привыкши замѣ-

* *Царственина книга*. Слб. 1769. 127.

** Извѣстіе нашей лѣтописи (*Полное собр. Русск. Лѣтоп.* IV, 318) и сообщеніе Горсея (*Библиотека для Чтенія* 1865, № 5, 53), будто бы Грозный, введенный въ заблужденіе Елаусемъ Бомеліемъ, первоначально думалъ жениться на самой Елизаветѣ, не засаживающъ вѣротіа. См. объ этомъ у графа Ю. Толстаго: *Аналія и ея виды на Россію въ XVI вѣка, Вѣстникъ Европы* 1875, VIII, 507—508.

нять своихъ супруговъ другими, сластолюбивый старикъ съ такою же свободой могъ взять и восьмую, и считалъ это такъ естественнымъ что переговоры о Маріи Гастингсъ онъ поручилъ сначала вести, между прочимъ, брату своей жены, Аванасію Нагому.

Началось съ того что Іоаннъ попросилъ Елизавету о присылкѣ ему хорошаго доктора и аптекарей. Подобныя просьбы были тогда въ обычаѣ, и Елизавета охотно исполняла ее: прислала доктора Роберта Якова *, рекомендуя его съ самой выгодной стороны и выставляя на видъ какъ онъ и аптекари дороги ей („себя есмь ими оскудѣли“) и если отпавляетъ, то чтобы доказать ему, Іоанну, свою дружбу Царь оговорокъ понятна: побуждать государя оказывать свое покровительство англійскимъ купцамъ. Въ бесѣдѣ съ Робертомъ, Іоаннъ какъ-то спросилъ его: есть ли въ Англіи какая государская дочь, вдова, жена или дѣвица? Докторъ указалъ на королевину племянницу Марію Гастингсъ. Царь велѣлъ оружейнику Богдану Бѣльскому, думному дворянину Аванасію Нагому и дьяку Щелкалову разспросить полподлиннѣе доктора о той „дѣвкѣ“ и о дорогѣ какимъ обычаемъ государю послу ѣхать въ Англійскую землю. Снаряжено было посольство. Его составляли: дворянинъ Ѳеодоръ Андреевичъ Писемскій, при немъ подъячій Елифанъ-Неудача Ховралевъ, толмачи Романъ Бекманъ и Эгидій Кроу. Последнему было поручено тайно сообщить Елизаветѣ о намѣреніи Іоанна приѣхать въ Англію, а Писемскій долженъ былъ, ведя съ ея послами переговоры о заключеніи союза противъ Польши, открыть королевѣ что Іоаннъ желалъ бы взять ея племянницу еслибы эта оказалась годною ему; на его обязанности лежало также добиваться чтобы ему была показана невѣста и данъ ему съ нея портретъ, чтобы онъ высмотрѣлъ ее накрѣпко, развѣдалъ о ней и ея родныхъ и обо всемъ донесъ своему государю.

16 сентября 1582 года посольство высадилось на англійскій берегъ. То подъ предлогомъ мороваго повѣтрія, то подъ предлогомъ увеселеній доставляемыхъ нашимъ посламъ представитъ пословъ Елизаветѣ и начать съ ними переговоры Англичане не торопились. Представленіе королевѣ состоялось

* Онъ извѣстенъ у насъ болѣе подъ именемъ Романа Елизарьева. О немъ у Рихтера въ *Исторіи медицины въ Россіи* II, 293—300.

4 ноября, въ Виндзорѣ, а первое сообщеніе съ ея министрами во второй половинѣ декабря. Писемскій заявилъ что за союзъ противъ враговъ, особенно противъ короля Польскаго, за помощь людьми или деньгами, и за пропускъ въ Россію мастеровъ и всего что пригоже къ ратному дѣлу, государь общааетъ выпускать изъ Россіи въ Англію все безъ выѣта. Министры отвѣтили что прежде слѣдуетъ довести имъ о томъ до вѣдома королевы.

Какъ бы для ускоренія сношеній, Писемскій, теряя терпѣніе, чрезъ своего толмача Елизара, далъ знать королевѣ что у него есть до нея тайное дѣло. Хотя изъ донесенія доктора Роберта ей кое-что было извѣстно, однако Елизавета не показала о томъ виду, назначила Писемскому быть у нея (18 января 1583 года) въ Ричмондѣ и, оставшись съ нимъ наединѣ, спросила въ чемъ состоитъ тайный ему приказъ государя. Писемскій предложилъ королевѣ чтобъ она показала ему свою племянницу, велѣла бы написать ея персону для передачи государю, чтобы государь, буде Марія пригодится для его государскаго чину, началъ о томъ съ королевой говорить какъ пригоже. „Люба брата своего, вашего государя, отвѣчала Елизавета, рада съ нимъ быть въ свойствѣ; но я слышала что государь вашъ любитъ дѣвицъ красивыхъ, а моя племянница некрасива и вашъ государь едва ли полюбитъ ее; совѣстно мнѣ также и списать ея портретъ и послать его къ государю: лежала она въ ослѣ, отъ болѣзни не оправилась, лицо у нея теперь красное, ямоватое“. Елизавета, очевидно искала предлога чтобъ отклонить предложеніе; но посолъ настаивалъ, и Елизавета, какъ ни отказывалась, наконецъ общала ему что какъ только племянница выздоровѣетъ, она велитъ ее показать ему и написать съ нея портретъ.

Елизаветѣ хотѣлось знать поточнѣе объ условіяхъ брака. Убѣждая посла что безъ крѣпкаго договора она не отпуститъ не только племянницы, но и менѣе знатной особы, и ободряя его тѣмъ что теперь она говоритъ съ нимъ сама, безъ совѣтниковъ, она побуждала его сказать ей все. Посолъ сообщилъ: „Государь нашъ, государыня, велѣлъ говорить: какъ судомъ Божиимъ створишь за него свою племянницу, и быть ей за нимъ въ одной съ нимъ христіанской вѣрѣ, какъ равно и боярамъ и боярынямъ, которые пріѣдутъ съ нею и захотятъ жить у ней на государскомъ дворѣ; а которые пожелаютъ возвратиться назадъ въ Англійскую землю, и

тѣмъ волямо вѣхать съ великимъ государевымъ жалованьемъ и путь имъ будетъ чистъ по договору, на чемъ приговорять въ докончаніи“.—А если родятся дѣти у вашего государя съ моею племянницей?—„На государство быть сыну государя, царевичу Федору и его дѣтямъ; а дѣтямъ, которыхъ Богъ дастъ государю нашему съ твоею племянницей, быть на удѣлахъ по ихъ царскому чину, какъ у нихъ, государей, ведется.“—А если родится дочь?—„Государя наши выдаютъ дочерей за государей и за государскихъ дѣтей“, отвѣчалъ Писемскій и указалъ на принцессу Елены, выданной за Польскаго короля Александра.

Переговоры о сватовствѣ не ускорили переговоровъ о оловѣ. Отвѣтъ королевы о послѣднемъ Писемскому былъ данъ уже во второй половинѣ марта. Свою помощь королева обѣщала подъ условіемъ торговой для Англичанъ монополіи. Писемскій возражалъ: „Какъ Англіійской землѣ нельзя быть объ одномъ русскомъ торгу, такъ и Русскимъ людямъ нельзя быть объ одномъ торгу съ Англичанами“. Усмирише повидимому шаш дѣла у толмача Кроу. Пріемъ въ Англію былъ Іоанну обѣщанъ со воимъ его имуществомъ.

Между тѣмъ до Англіійскаго правительства достигла вѣсть что у царя отъ Маріи Нагой родился сынъ Дмитрій. И безъ того бракъ съ Іоанномъ казался незавиднымъ, а тутъ еще новое затрудненіе и стали пробовать, не откажется ли Писемскій отъ своего порученья. „И такимъ бы слухамъ королева не вѣрила, отвѣчалъ Писемскій: лхіе люди то соариваютъ, не хотя видѣть промежъ государя да королевны добраго дѣла“. Онъ запросилъ себѣ отпуски, если она не хочетъ исполнить ему своего прежняго обѣщанія—показать племянницу и дать ей портретъ.

Отпустать его такъ было не удобно. 17 мая онъ получилъ чрезъ Рондольфа приглашеніе въ домъ канцлера Бромлеа чтобы видѣть невесту. Ему было наказано чтобы онъ взялъ съ собой одного Елизарья, такъ какъ тамъ народу будетъ немного: самъ канцлеръ, братъ невесты и ихъ семьи. У крыльца встрѣтилъ ихъ самъ хозяинъ вмѣстѣ съ графомъ Гастингсомъ и провелъ прямо въ садъ, въ бесѣдку. На одномъ креслѣ Бромлей предложилъ сѣсть Писемскому, на другомъ сѣлъ самъ; Гастингсъ и Рондольфъ сѣли на лавкахъ. Вскорѣ явилась невеста; она шла между хозяйкой и женой графа Гастингса; за ними толпились дамы. Хозяинъ и Писемскій встали и

поклонились имъ; эти отвѣтили на поклонъ. И Бромлей сказалъ Федору: „Высмотри внимательно; королева велѣла показать тебѣ лѣмянницу не въ темномъ мѣстѣ, не въ каморѣ, не въ палатѣ, на свѣту“. Гости отправились гулять по саду, Бромлей съ Писемскимъ также, и гости восторгались съ ними чтобы Писемскій могъ еще рассмотреть Марію.— „Хорошо ли высмотрѣлъ?“ спросилъ его хозяинъ.— „Я смотрѣлъ по государя моего наказу и по королевини велѣнію“. Бромлей воротился съ Писемскимъ въ бесѣдку, подчивалъ его овицами и виномъ. Немного посидѣвъ, Федоръ всталъ; хозяинъ и Гастингсъ проводили его до лодки, Рондольфъ — до посольскаго двора.

„И княжна Хунтинскаго Марья Хантисъ, залисалъ посоль въ своемъ донесеніи, ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла, глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, на рукахъ пальцы тонкіе и долги.“ * О пріятности, красотѣ оны не промолвила ни словомъ.

Невѣста, дѣвушка пожилая, лѣтъ подъ тридцать, едва ли была бы прочь пристроиться за жениха съ громкимъ титуломъ. Его многоженство не должно было особенно смущать ее. Сама Елизавета—дочь король Генриха, мужа восьми женъ. Несравненно болѣе должны были лугать ее нравъ и годы царя. Со своей стороны, Елизавета любопытствовала о впечатлѣніи какое произвела невѣста на свата. „Государь вашъ лѣмянницы моей не полюбитъ, говорила она Писемскому, и не только оны, но и ты, думаю, не полюбилъ ее.“— „Мнѣ кажется, отвѣчалъ оны, лѣмянница твоя красива, а становится

* Отсюда ясно, какъ неправдоподобенъ разказъ Горсея. „Посоль, передается здѣсь, въ сопровожденіи разныхъ другихъ дворянъ и господъ, былъ представленъ леди (въ Горкгаузскомъ саду), не вдругъ растерявшись упалъ къ ея ногамъ, всталъ и любѣжалъ отъ нея задомъ съ обращеннымъ къ ней лицомъ. Она и всѣ прочіе удивились такой выходкѣ. Тогда чрезъ переводчика оны сказалъ что довольствуется однимъ взглядомъ на ангела, котораго оны надѣется видѣть супругою своего государя, и восхвалялъ ея ангельскій видъ, сталъ и удивительную красоту. Послѣ этого прикаюченія бласкіе друзья при дворѣ прозвали ее московскою царицей“ (*Записки о Московіи XVI вѣка въ Библиотекѣ для Чтенія*, 1865, № 5, стр. 60). Нужно полагать что таковы именно слухи ходили тогда въ англійскомъ обществѣ; въ этомъ отношеніи только и имѣютъ свое значеніе сообщаемыя Горсеемъ подробности.

то дѣломъ Божиимъ: присудитъ Богъ быть твоей памян-ницей за нашихъ государемъ, и она ему полюбится. Чтò мнѣ сказать отъ тебя объ этомъ дѣлѣ государю?—, О томъ я наказала со своимъ посломъ“.

Это былъ Джеромъ Боусъ. Ему назначено было отправиться въ Россію вмѣстѣ съ Писемскимъ. Рондольфъ привезъ (13 іюня) Писемскому портретъ Маріи Гастингсъ, и пословъ проводили (21 іюня) съ честью.

Насколько Писемскій держалъ себя въ Англіи прямо, настолько постоянно хитрилъ у насъ Боусъ, исполняя не пошлѣнную для него миссію. Обищая Іоанну только убѣжище въ Англіи, онъ долженъ былъ добиться исключительной и безпощадной торговли въ Россіи для англійскихъ купцовъ и отклонить требуемый Іоанномъ союзъ противъ его враговъ и женитьбу на Маріи Гастингсъ. Въ своихъ длинныхъ переговорахъ о союзѣ онъ постоянно обивался, не общая даже свободнаго черезъ Англію пропуска въ Россію пословъ отъ государей, которые съ Англіей не въ дружбѣ и не одной вѣры. На послѣднее болѣе замѣтили ему: „Вѣра къ дружбѣ не пригодится: хотя кто и не одной вѣры съ государемъ нашимъ, но будутъ ему друзьями тѣмъ что станутъ къ нему посылать своихъ пословъ и гонцовъ; вотъ и государыня ваша не одной съ нимъ вѣры, а государь нашъ желаетъ съ нею быть въ любви и братствѣ мимо всѣхъ государей.“ За союзъ касательно Ливоніи Іоаннъ готовъ былъ даже поступиться монополіей, хотя самъ признавалъ это тяжелою леги.

Ничего не добившись здѣсь, Іоаннъ велѣлъ послу быть у себя 13 декабря, безо всякаго вооруженія, безъ меча и кинжала, для переговоровъ о тайныхъ дѣлахъ. Съ обычнымъ торжествомъ ввели его въ столовую избу, гдѣ присутствовали знатные князья Ѡ. М. Трубецкой, Н. Р. Юрьевъ, Б. Я. Бѣльскій, Д. И. Годуновъ, околицій С. В. Годуновъ; думные дворяне: Игнатій Татищевъ, Д. Черемисовъ, Воейковъ, двяки Андрей и Василій Щелкаловы, Савва Фроловъ, И. Стрѣшневъ. Подозвавъ къ себѣ Юрьева, Бѣльскаго, Андрея Щелкалова и Фролова и самого посла, царь разказалъ вкраткѣ исторію сватовства и спросилъ Боуса, чтò ему о томъ наказано отъ Елизаветы и какъ тому дѣлу можно стать. Боусъ началъ хитрить, показавъ видъ что объ условіяхъ брака будто бы Елизаветѣ ничего неизвѣстно, кромѣ того что Писемскій просилъ ее прислать къ государю посломъ добраго и близкаго своего

человѣка, и вотъ королева послала его выслушать и довести до нея что государь ему скажетъ, а съ нимъ ничего не наказано. Иоаннъ обратился къ частнымъ вопросамъ. „Хотимъ мы, судомъ Божиимъ, говорилъ онъ, князю Марю, племянницу Елизаветъ-королевы, за себя взять, и княжна Марья будетъ ли со мной въ одной вѣрѣ и какимъ обычаемъ тому дѣлу совершиться?“—„Племянница королевича княжна Марья, отвѣчалъ посолъ, по грѣхамъ сильно больна, да думаю что и отъ своей вѣры она не откажется: вѣра вѣдь одна христіанская.“ Здѣсь посолъ высказалъ иной взглядъ на религію чѣмъ во время переговоровъ о союзѣ. На это государь замѣтилъ: „Я не о вѣрѣ съ тобой говорить хочу, и тому статья не возможно: княжна, которой быть за нами, саудуетъ сперва креститься въ нашу христіанскую вѣру; и вижу что ты прѣдлагаешь не дѣло дѣлать, а отказывать; мы больше съ тобой о немъ и говорить не станемъ, началось оно отъ задора доктора Романа, онъ намъ наказалъ про нее.“ Повиная къ чему можетъ повести это неудовольствіе Иоанна, Боусъ замѣтилъ: „Та, государь, королевича племянница всѣхъ племянницъ дальше, и больна, и лицомъ некрасива; а есть у королевича дѣвица съ десять ближе ей въ родствѣ.“ „Кто же она?“ спросилъ царь. Долгіе переговоры о сватаніи Гастингсъ вдругъ, совершенно неожиданно для присутствующихъ, готовы были превратиться въ сватаніе другихъ Англичанокъ; но это совсѣмъ не входило въ расчеты Боуса, и онъ отвѣчалъ: „мнѣ о томъ наказа нѣтъ чтобы называть ихъ имена.“

Хотя государь и заявилъ что онъ больше о сватовствѣ говорить съ Боусомъ не желаетъ, однако эти слова сорвались у него больше отъ досады. Въ свою очередь, Боусъ также желалъ смягчить прежнее впечатлѣніе, и чрезъ доктора Роберта онъ добился (18 декабря) у государя дозволенія говорить съ нимъ наединѣ. Всѣмъ дворянамъ и посольскимъ людямъ царь велѣлъ выдти изъ Столовой палаты, указавъ остаться одному князю Э. М. Трубецкому съ товарищами; они сѣли подальше отъ Иоанна, а дѣяки стали у печи. Сборны къ переговорамъ не оправдались содержаніемъ послѣднихъ. Боусъ по-прежнему повелъ рѣчь уклончиво. „Я слышалъ, сообщилъ онъ Иоанну, что государыня наша Елизавета, помимо всѣхъ государей, хочетъ любовь держать къ тебѣ, государю, и я хочу служить и службу свою тебѣ являть.“—„Скажи же, допрашивалъ его царь, кто у королевы племянницы, дѣвицы,

тыи оиъ дочери и въ какомъ родствѣ съ королевою? Я съ тобою пошлю своего посла посмотреть ихъ и портреты снять, а королева присладе бы своего.“— „Я тебѣ, государю, въ томъ службу свою покажу и посмотрю чтобы портреты написали прямо и посладе бы ихъ королева къ тебѣ сюда.“

Слова Боуса слишкомъ были не согласны со словами и дѣйствіями Елизаветы, какъ о нихъ передалъ Писемскій, такъ что Грозный велѣлъ сличить вѣрительныя грамоты этихъ пословъ: грамоты согласовались. Продолжать переговоры съ Боусомъ Іоаннъ поручилъ боярамъ. На ихъ вопросъ о родственныяхъ королевѣ дѣвицахъ, о которыхъ оиъ упоминалъ государю, посолъ началъ отрицать что оиъ о нихъ ничего не говорилъ ему. „Ты, Еремей, занираешься, урезонивали его бояре: говорилъ ты предъ государемъ что есть у государыни нашей и красивѣе той дѣвицы и ближе ей въ родствѣ дѣвице до десяти, и ты въ томъ государю хотѣлъ слушать и лица ихъ писать предъ собою чтобы прямо написали; и толмачилъ Елизарьевъ.“ Толмачъ подтвердилъ. Уличенный во лжи, Боусъ оправдывался: „То я слово говорилъ, но безъ наказу отъ королевы мнѣ списка дѣвицъ давать не вѣля, государю же я служить радъ, только еще моеи службѣ время не пришло.“

Вѣроятъ съ переговорами завязалась тяжба. Боусъ обещъ дѣака Андрея Щелкалова что оиъ будто бы плаче передаетъ его слова; пожаловался и на кормищиковъ будто бы они не доставляютъ ему всего положеннаго. Щелкалова царь отставлялъ, кормищиковъ велѣлъ бросить въ тюрьму. Своєю предупредительностію оиъ надѣялся вызвать Боуса на большую откровенность. Но Боусъ и въ переговорахъ съ царемъ, и въ переговорахъ съ боярами повторялъ прежнія рѣчи. Въ послѣдній разъ Грозный велѣлъ съ нимъ бесѣду 14 февраля. „Исхуливъ прежнюю, сказалъ оиъ ему, ты толку не даде ни объ одной другой дѣвицѣ: знатно, пришеде не дѣло дѣвать; и мы посылаемъ съ тобою новыхъ пословъ къ Елизаветѣ-королевнѣ.“

Къ чему привела бы отправка новыхъ нашихъ пословъ, неизвѣстно. Самъ Боусъ думалъ что имъ исполнена миссія удачно, и считалъ себя на верху славы. „Іоаннъ, писалъ оиъ въ своемъ отчетѣ, снова изъявилъ къ намъ особенное благо-расположеніе; указалъ давать мнѣ вдвое и втрое съѣстныхъ припасовъ, вина, меду, пива; велѣлъ доктору Якоби описать

для него догматы нашей вѣры и читалъ это описаніе съ какимъ удовольствіемъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ бояръ назначилъ для королевы дары въ 3.000 фунтовъ стерлинговъ а для меня въ тысячу; хотѣлъ самъ ѣхать за невестой въ Англію и взять съ собой всю казну свою; больно накалывало врага моего, дьяка Андрея Щелкалова, за его обманъ; онъ говаривалъ обѣщалъ дозволить однимъ англійскимъ купцамъ значительныя преувеличенія расхваставшагося посла видны, но несомнѣнно что Іоаннъ оказывалъ ему очень много милостей. Мысль объ убійствѣ въ Англію и женою бѣ на Англичанкѣ уже слишкомъ завладѣвали имъ.

Снарядить посольство помѣшала неожиданная смерть (18 марта 1584 года, ровно черезъ годъ послѣ смерти Іоанна) Ивана Васильевича. Прекративъ всякіе переговоры съ нѣмъ проводили не по честиному. Своєю заносчивостью, безтактностію и неломѣнными домогательствами онъ страшно надоедалъ придворнымъ боярамъ, возбуждивъ во многихъ изъ нихъ крайнюю ненависть. Къ нему были приставлены другъ Англичанъ и его личный врагъ, Андрей Щелкаловъ. „Твой англійскій царь умеръ!“ оказалъ онъ Боусу и велѣлъ опустить его домъ. Крѣпкій караулъ данъ болю двѣхъ сацевъ. Неудовольствіе на Боуса было до того сильно, что если вѣрить Горсею, въ Думѣ поднимался вопросъ, не казнить ли его смертною казною, и его спасло лишь предостереженіе Горсея что Елизавета отомститъ за него. Наконецъ требовали его въ Кремль, вручили ему грамоту и приказъ черезъ три дня оставить Москву. 12 августа 1584 года онъ сѣлъ уже на англійскій корабль. Подарки ему были приняты почти ничего не стоющіе. Одинъ Борисъ Годуновъ, но отъ другихъ бояръ, вручилъ ему сорокъ хорошихъ соболей и просилъ передать королеву увѣренія въ его крѣпкой преданности. Этотъ зналъ что дѣлалъ....

III.

Ксенія Борисовна Годунова и ея женихи.

Воспитанный въ школѣ Грознаго и усвоившій многое отъ него стремленій, въ рѣшеніи брачнаго вопроса Годуновъ не тратилъ еще болѣе успій чѣмъ его учитель. Если родственныя связи съ европейскими дворами придавалъ та

значение Иоаннъ, государь по крови, то во мѣнѣи Бориса, родъ котораго въ отношеніи къ знатности далеко уступалъ многимъ русскимъ боярамъ, эти связи могли казаться прямою необходимостію: помимо чисто государственныхъ цѣлей, онъ должны были поднять значение его рода, такъ-сказать, облагородить его. Неудачи повесенныя предшественникомъ побуждали Бориса не скупиться на обѣщанія привлекаемымъ имъ лицамъ и предоставить остальное дѣйствию времени и обстоятельствъ. Оторвавшись отъ родной почвы и попавъ въ русскую обочанку, чужеземные гости, какъ рассчитывалъ онъ, сами поймутъ свои интересы и легче поддадутся увѣщаніямъ оставить свой языкъ, религію и прочее.

Борисъ хлопоталъ не о себѣ, а о дѣтяхъ, сынѣ и дочери. Одетору онъ назначалъ престолъ и думалъ женить его на принцессѣ, дочь Ксеію выдать за принца который бы переселился на житье въ Россію, въ подаренный въ качествѣ приданнаго удѣлъ.

Началось съ пріисканія жениха. По нашимъ описаніямъ *, Ксеію представляла собой лучшей образецъ тогдашней боярышни. Роста была средняго, полная („тѣломъ изобильна“), блѣлолицая, румяная, глаза у нея черные, большіе, выразительные, брови союзыма, волосы черные, густые и лежали по плечамъ „какъ трубы“, умная („чуднаго домышленія“), благоправная, навичная въ книгахъ, любительница духовнаго дѣланія, осторожная и благоприличная во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Нужно полагать, она была обучена всему чтѣ было обязательно для тогдашней барышни: кромѣ чтенія, письма и изученія книгъ, по преимуществу церковныхъ, шитью, вышиванію, иконописи, а быть-можетъ, какъ назначалась въ жены для иностраннаго принца, и какому-нибудь изъ иностранныхъ языковъ. Для такой невесты выборъ жениха первоначально палъ на Шведскаго принца Густава.

Отецъ его Эрнхъ XIV былъ низложенъ, и сынъ скитался по Европѣ, въ то время какъ изъ-за его наследственнаго престола велся ожесточенный споръ между его родичами, Карломъ, его дядей, и Польскимъ королемъ Сигизмундомъ, его двоюроднымъ братомъ. Этого скитальца Борисъ задумалъ

* *Русскія Достопамятности*, 1, 174. *Изборникъ славянскихъ и русскіихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи*. Собр. и изд. А. Поповъ. М. 1869. 314.

однако вторымъ Магнусомъ: подчинять черезъ него Ливонію на правахъ вассальныхъ, въ расчетъ что Шкскій и Польскій короли теперь побоятся прелятствовать ему если онъ, имѣя подъ рукою такого претендента на Шскій престолъ, будетъ грозить Польскому королю союзомъ со Швеціей, а Шведскому союзомъ съ Польшею, и сталъ подбивать Ливонцевъ отложиться отъ своихъ настоящихъ владѣтелей. Къ Густаву были отправлены послы кото должны были уговорить его переселиться въ Россію гдѣ сударь дастъ ему княжеское содержаніе и будетъ относиться къ нему какъ отецъ; тамъ онъ можетъ остаться навсегда воленъ и уѣхать когда пожелаетъ, со всеми своими людьми и имуществомъ. Густавъ согласился, и былъ у насъ лично встрѣченъ (19 августа 1599 года), щедро одаренъ и получилъ въ удѣлъ Калугу. Узнавъ что ему живется въ Москвѣ хорошо, къ нему явилось на службу много иноплеменцевъ, которые знали его. Со своей стороны, онъ пригласилъ къ себѣ изъ Данцига жену своего прежняго хозяина, у котораго онъ тамъ жилъ, Екатерину Катеръ, и сталъ открывать съ ней въ Москвѣ. Она пышно развѣзжалась по улицамъ Москвы; Густавъ, подчиняясь ея вліянію, сумасбродствовалъ и это соблазняло Москвичей. Махинаціи относительно вонючій, непокрытый оружіемъ, не вели ни къ чему положительному: заговоръ варвскихъ горожанъ о сдачѣ своего города Русскимъ былъ открытъ, и заговорщики казнены. Густаву было дано понять что если онъ желаетъ чтобы сударь помогъ ему получить Ливонію и Шведскую корону, долженъ искать руки Ксеніи, принять православную вѣру и жить скромнѣе. Разгульный, своевольный принцъ продолжалъ вести себя попрежнему. На замѣчаніе что такъ жить не подобно королевскому сыну, онъ обидѣлся, потребовалъ отлучки, когда ему не дали его, пригрозилъ что все же онъ уѣдетъ еще и Москву сожжетъ. Убѣдившись что такое лицо зятя не годится, Борисъ лишилъ его Калуги, въ которое время протерпѣлъ подъ стражей и затѣмъ высладалъ (1601 года) житье въ Угличъ. Доходы съ города и уѣзда, которые по

* „Получилъ отъ государя 10.000 рублей, сумму незначительную въ сравненіи съ даромъ“. Маржеретъ, *Составленіе Россійской державы въ Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ*, изд. Устрялова, Спб. 1837. III, 69.

хорошему хозяйству могли достигать до 4.000 рублей, должны были выдавать Густаву приставленные для наблюдения за нимъ бояре. Послѣ Годунова ему стало еще хуже. Умеръ онъ въ Кашинѣ въ 1607 году, жалясь на вѣтреность женщинамъ для которой пожертвовалъ счастіемъ жизни *.

Между тѣмъ въ Англіи возникло опасеніе какъ бы семья Бориса не породнилась съ членами Австрійскаго дома, и Елизавета наказала своему послу Ричарду Лео чтобъ онъ препятствовалъ тому и чтобы предложилъ дочь Фердинанда Станлея, графа Дарби, въ невѣсты Федору. Невѣста оказалась годя на три старше жениха. Такъ какъ Борисъ пожелалъ чтобъ ему указали другихъ лицъ, то Елизавета послала съ другимъ своимъ посломъ, Джономъ Мерикомъ, списокъ своихъ родственниковъ чтобы царь самъ посмотрѣлъ, не найдется ли подходящей невѣсты или жениха для его дѣтей. Принятый (10 февраля 1602 года) ласково въ Москвѣ, Мерикъ невѣстѣ съ А. И. Власьевымъ занялся переводомъ на русскій языкъ списка Англійскаго королевскаго дома, причѣмъ Власьевъ выразилъ ему свое недоумѣніе что коро-

* Подробности на нежъ не останавливаемся, такъ какъ онъ по вѣроисповѣданію былъ католикъ, что необходимо признать, несмотря на авторитетное мнѣніе историковъ (Büsching I, 5, Grot, 234—235, Jungblut, 4, Сметаревъ, 33 и др.) протестантскихъ церквей въ Россіи и даже Соловьева (VIII, 1866, 32) будто бы онъ держался протестантской вѣры и дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Поводомъ къ ошибкѣ послужило извѣстіе Петра (Hist. u. Bericht 252, въ русскомъ переводѣ: *Исторія о великомъ князѣствѣ Московскомъ*, пер. Шемакина. М. 1867, 166) будто для него Годуновъ позволялъ перестроить прежнюю карку, и извѣстіе Буссова (C. Vassovii *Chronicon* въ *Rev. rossic. script. exteri*, I, 10; русск. перев. Устрялова въ *Сказ. сообр. о Димитріи Салгаскомъ*, I, 14) что его хоронилъ лютеранскій пасторъ Беръ. Петрей и Буссовъ прямо не называютъ Густава лютераниномъ, и она не имѣли случая видѣть его; писатели же жившіе въ Россіи при Годуновѣ и лично знавшіе Густава (Маржерета, 68—69 Массе, 70—73), разсказывая объ его судьбѣ, ничего не упоминаютъ ни о томъ какой держался онъ религіи, ни объ его услугахъ въ пользу лютеранскихъ церквей въ Москвѣ, а шведскіе, датскіе и нѣмецкіе историки (Schlegel, Dalin, Geiger, Fyuzel), пользовавшіеся лучшими источниками относительно вѣроисповѣданія Густава, прямо утверждаютъ что онъ исповѣдывалъ католичество и что католичество знало онъ и не соглашался переимѣнить на православіе. Fescher, *Chronik der Evang. Gem. in Moskau*. М. 1866, I, 130.

лева не упоминала о графскихъ фамиліяхъ Гартфортъ и Гьнтингдонъ. Въ названна въ списокъ лица Борису показались „не противъ лѣтъ“ его дѣтей, и такой отвѣтъ его былъ доставленъ (5 сентября 1602) Мерикомъ Елизаветѣ. * На требовательность, обнаруженную здѣсь Борисомъ, имѣло вліяніе впрочемъ едва ли одно это несоотвѣтствіе лѣтъ: въ Москвѣ были тогда заняты другимъ, ожидали датскаго принца Іоанна, младшаго брата короля Христіана IV.

Съ Даніей были заведены сношенія подѣ предложомъ покончить издавна тянувшіяся несогласія изъ-за Лалаандіи. Среди переговоровъ было сообщено Христіану что Борисъ желалъ бы выдать свою дочь за его младшаго брата Іоанна.** Предложеніе едва ли было неожиданно: о возможности этого брака въ Англіи говорили еще какъ только Борисъ вступилъ на престолъ. Для Датскаго двора это судило значительныя выгоды, такъ какъ теперь ему представлялася удобнѣйшій случай легче и съ большею пользою для себя разрѣшить тяготѣвшій его вопросъ о Лалаандіи и приобрести въ Россіи надежнаго союзника противъ своей соперницы Швеціи, съ которою шелъ у него извѣстный споръ о трехъ коронахъ

* Hamel, *Thradescant der aelttere 1618 in Russland*. St.-Petersb. u. Leipzig. 1847. 248—49; русскій переводъ, подѣ заглавіемъ: *Англѣчане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, прилож. къ VIII и XV т. *Зап. Имп. Ак. Наукъ*, стр. 329—331.

** Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла Датскія, св. 2, 1602 года № 1: *Примѣтъ въ Россіи датскаго королевича Явана*; св. 9, 1637 г., № 1: *Примѣтъ въ Москву датскаго сына Николая Голмера съ просительною королевскою грамотою объ отпускѣ въ Данію тѣла умершаго въ Москвѣ въ 1602 году датскаго королевича Явана*; 1639 года, № 3: *Вторичный примѣтъ Николая Голмера съ королевскою грамотою о благодареніи за отпускъ въ Данію королевичева тѣла*. Лѣтписи о миссіяхъ лѣтписецъ, С.-Петербургъ, 1788, 66—67. Подробная Львовская лѣтписи. III, 134—135, Новый Лѣтписецъ, *Временникъ Имп. Общ. Ист. и Др. Рес. XVII*, отд. II, стр. 55—56. *Wahrhaftige Relation der Reussischen und Muscovitischen Reise... Herzog. Johannsen des jüngern*, Magdeburg, 1604, въ *Magazin Büsching's*, VII; *Gyldensternes Dagbog, Historisk Calendar udgivet af Engelstoft og J. Möller*. Kiöbenhavn, 1814; Магса, 82—86; Маржеретъ, 76—77, Петрей 181—184, и другіе. Fechner, *Chronik*. I. *Принцъ датскій Іоаннъ въ Россіи*, барона Корфа, *Сверский Архивъ*, 1822, № 8; Коскія Борисовна Годунова, Костомарова, *Историческій Вѣстникъ*, 1884, № 1; Карамзинъ, XI, Соловьевъ, VIII, и другіе.

въ ихъ гербахъ. Нашими послами былъ передавъ Христіану портретъ невѣсты, сдѣланный московскимъ ювелиромъ Яковомъ Ганомъ; датскіе послы привезли въ Москву портретъ жениха. Бракъ устраивался. Іоаннъ долженъ былъ переселиться въ Россію. Въ удѣлъ ему назначалась Тверская область. Но Христіанъ ставилъ условіемъ брака чтобы герцогу и его свитѣ было предоставляемо безпрепятственное отправленіе религиозныхъ обязанностей по Аугсбургскому исповѣданію и чтобы имѣть герцогу собственную церковь, будетъ ли онъ жить въ Москвѣ, или въ иномъ мѣстѣ, при Царскомъ дворѣ, гдѣ бы вѣтотъ ни находилась, и право строить кирки въ своемъ княжествѣ. Повторяя требованіе короля, датскіе послы Нильсъ Краге и Клаузъ Пазелихъ, когда прибыли въ Москву, * въ переговорахъ съ нашими боярами настаивали чтобы построеніе кирокъ въ Твери было предоставляемо на полную волю герцога, такъ чтобы ему не нужно было каждый разъ спрашивать о томъ разрѣшенія. Бояре отвѣчали уклончиво: „Государь не хочетъ приказывать княжеской милости чтобы онъ строилъ или не строилъ въ Твери кирки, потому что будетъ въ волѣ его княжеской милости дѣлать во своей землѣ что ему заблагоразсудится“. Послы не отступали, и въ грамотѣ Годунова (10 апрѣля 1602 года), заключающей въ себѣ окончательныя условія брака, прямо было означено что королевичу и его людямъ помѣхи въ ихъ вѣрѣ не будетъ, что его ласторы могутъ совершать свою службу по датской религіи, что онъ можетъ строить въ Москвѣ дворъ и кирку или

* Изъ выписки о пріѣздѣ датскихъ къ намъ пословъ въ концѣ XV и начала XVI вѣка, хранящейся въ Архивѣ, видно что они пріѣхали въ Москву 14 марта 1602 года, вмѣстѣ съ государевыми послами Иваномъ Ржевскимъ и дьякомъ Дмитріевымъ Постыкомъ, и представлялись царю 25 марта. Шли они Благовѣщенскою напертью; царь былъ въ Подписной средней палатѣ и сидѣлъ на своемъ царскомъ мѣстѣ, въ царской одеждѣ. Послы подали царю грамоту и письмо (Моск. Главн. Архивъ Минист. Иностран. Дѣлъ, дѣла Датскія 1559—1604 г., св. I: *Краткая выписка о пріѣздившихъ въ Россію датскихъ послахъ, посланникахъ и конулахъ и о бышей имъ въ Москвѣ стрѣльцѣ и о дачѣ имъ поденнаго корму и при отпускѣ подарковъ*). Письмо, нужно полагать, заключало въ себѣ королевскія условія брака.

деревянный домъ, и совершенно свободенъ дѣлать то же самое въ Твери. *

Иоаннъ (родился 26 юля 1583 года) былъ третій сынъ короля Фридриха II и носилъ названіе *Младшаго* въ отличіе отъ своего дяди, герцога Иоанна Зондербургскаго. Во время сватовства онъ воевалъ въ Нидерландахъ подъ испанскими знаменами и воротился на родину когда его участь была предрѣшена. Перваго августа 1602 года, день назначенный для его отъѣзда въ Россію, выслушавъ богослуженіе и проповѣдь, торжественно простился онъ со своимъ братомъ въ присутствіи всего двора; сановники проводили его на корабли и весело расстались тамъ съ нимъ. Его сопровождалъ громадный штатъ: королевскіе послы, сенаторы Аксель Гильденстернъ, Аксель Браге и Христіанъ Голькъ, затѣмъ канцлеръ Георгъ Веберъ, пасторы Лундъ и Йорданъ, два доктора, дворяне, слуги, всего около 350 человекъ, ** не считая тѣхъ которые ѣхали съ нимъ только до русской границы.

* Такъ какъ *Статейный списокъ* переговоровъ о бракѣ въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ не сохранился, то объ этихъ брачныхъ условіяхъ въ нашей исторической наукѣ, какъ заявляли и сами историки (Карамзинъ, XI, 28; Костомаровъ, 14—15), до сихъ поръ не было извѣстно. Заимствуемъ ихъ у пастора Фехнера, насколько сообщены они ему изъ Датскаго Королевскаго Тайнаго Архива въ Христіанборгѣ. Въ настоящее время баронъ Э. А. Бюлеръ, директоръ Московскаго Архива, спосится, по нашей просьбѣ, съ Датскимъ Архивомъ о присылкѣ сюда копіи съ этихъ брачныхъ условій. Если она будетъ прислана, мы помѣстимъ ее въ IV томѣ издаваемыхъ нами *Палатниковъ къ исторіи протестантства въ Россіи*.

** Число шведцевъ пріѣхавшихъ съ Иоанномъ въ Россію опредѣляютъ различно: Маржеретъ (76) въ 200 (ему слѣдуетъ баронъ Корфъ, 86), Исаакъ Масса (86) въ 400 человекъ (это принимаетъ Костомаровъ, 15); мы основываемся на хранящейся въ Архивѣ росписи государева жалованья, которое выдавалось въ Москвѣ королевичу и его людямъ. „Въ рѣмъ году, значитса въ ней, приходилъ къ государю царю и великому князю Борису Фодоровичу всея Руси даждкой королевичъ Яганъ, а съ нимъ къ государю прислаалъ Христіанусъ король пословъ своихъ тѣхъ человекъ: Аксела Гуденштерна, да Оксела Брака, да Хрестьяна Олка. А съ королевичемъ и съ послами было дворянъ и посольскихъ людей всего тѣхъ человекъ“ (Дѣла Датскія 1602, св. 2, № 1). Въ выпискѣ о бытности у насъ Ивана,

Въ Иванъ-городѣ или, какъ тогда называли его, Русской Нарвѣ, королевича ожидали бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и думный дьякъ Аванасій Власъевъ, нарочно присланные (1 юня) сюда для его встрѣчи. Мѣстный воевода князь Ростовскій, которому царь приказалъ изготавить для того суда, столовые и всякіе другіе запасы, хотя и слышалъ что королевичъ пожалуй прибудеть къ Петрову дню, однако съ заготовкой не торопился. Немалымъ прелятствіемъ служила ему его болѣзнь и то что все надобно было готовить секретно отъ своихъ сосѣдей Ливонцевъ. Оберегая себя, Салтыковъ и Власъевъ отправили (4 юля) царю жалобу что князь Ростовскій не выдаетъ имъ росписи изготавляемаго и что потому они вынуждены были сами осмотрѣть припасенныя суда, стоящія на рѣкѣ Нарвѣ, близъ Гостинова Двора, но „суденышекъ“ нашлось мало, всего съ пятнадцать, да и тѣ худы, добро лишь одно судно, для королевича. Слышались жалобы и съ другихъ пунктовъ луги. Многие изъ крестьянъ взятыхъ для удѣлки дороги бѣжали, смылаясь на голодъ и безкормицу. Дворяне, получившіе приказъ съѣзжаться въ города лежавшіе на луги королевича, съѣзжались неохотно. Между тѣмъ Борису хотѣлось поразить своего будущаго зятя богатствомъ, роскошью и радушіемъ, и онъ ничего не жалѣлъ чтобы къ пріѣзду принца все было готово. Въ приготоавленіяхъ къ пріему принца и въ отношеніяхъ къ нему у Бориса вообще часто проглядывалъ не столько царь сколько прежній бояринъ, привыкшій падать предъ громкимъ титуломъ.

Какъ только было дано знать что принцъ подплылъ, Салтыковъ и Власъевъ послали тридцать одно судно—одно для королевича, остальные подъ его свиту, людей, подъ обиходъ и рухлядь. Судно изготавленное для принца, вышло на славу: оно было самое большое, на немъ сдѣланъ „чердакъ“, изнутри до лавокъ подволоченный червчатымъ бархатомъ, а отъ лавокъ до помосту и на помосту устланый коврами, снаружи покрытъ краснымъ сукномъ, рѣшетки росписаны разными

сдѣланной (1642) въ Посольскомъ приказѣ предъ пріѣздомъ Валдемара, дополняется это: „По росписи, королевскихъ аутчихъ людей: ѿ статьи ѿ челоуѣка, дворянъ королевскихъ и королевичевыхъ людей: ѿ статьи ѿ челоуѣкъ, ѿ статьи ѿ челоуѣка, доставныхъ сѣд(?) челоуѣка; всего тѣхъ челоуѣка“ (Дѣла Датскія 1642, св. 13, № 6).

красками. На берегу былъ раскинуть большой шатеръ столпа стрѣльцы и 100 выборныхъ дворянъ. Часу въ четомъ полудни 11 августа 1602 года принцъ вступилъ русскій берегъ и прошелъ въ шатеръ. Здѣсь привѣтство его Саалтыковъ и Власевъ и поднесли ему царскіе под Королевичъ отвѣтилъ что жадаеть государю здоровья, б дарить его за дары и хочеть поскорѣ видѣть его. При дѣ гостей въ Иванъ-городъ, сааютовали имъ изъ пушекъ городъ оставовиася принцъ дней на семь, пока выгру его корабли.

Послы пожелаали договориться съ Саалтыковымъ от тельно дальнѣйшаго пути. Позвавъ (13 августа) его съ В евымъ на королевичевъ дворъ, они потребовали отъ чтобъ ихъ, ради чести принца, во весь путь до Москвь вили съ нимъ вмѣстѣ, а не порознь. Саалтыковъ и В евъ обѣщали если только того похочеть королевичъ. П продожали: „будуть по городамъ встрѣчать короа боярскія дѣти и княжата и какъ королевичу чтить. Наши отвѣчали: „въ томъ Яганова королевичева воля, кого захочеть жаловать по своему государскому ч Относительно же ихъ самихъ они находили что приходять къ королевичу челоомъ ударить, онъ жа ихъ не по мѣрѣ: вотаеть, витаеться съ ними, славъ шая они того не достойны, и потому просили чтобъ онъ, левичъ, учинилъ съ ними какъ у нашихъ государей был по ихъ чину и достоянью. „Королевичъ, оправдывалъ послы, еще молодъ, и мы московскихъ обычаевъ не зн а какъ, дастъ Богъ, прїѣдетъ къ государю на Москвѣ и етъ московскіе обычаи, по тому и учеть дѣлати“. Нап свою очередь потребовали роспись сколько и кто прї сь королевичемъ чтобы сообразно съ тѣмъ выдавать дому кормъ и литъе. Роспись была выдана.

Весь путь отъ Иванъ - города до Москвы былъ т ственнымъ шествіемъ. Двигалась блестящая нѣмецка ловія сопровождаемая русскими дворянами и отря стрѣльцовъ. Вѣхали медленно, версть отъ пятнадцат тридцати въ сутки. Въ каждомъ привалѣ предлагалос гатое угощенье, по городамъ устраивались торжествен втрѣчи и особенно въ Новгородѣ (23 августа). „И ко вичъ, доносилъ Саалтыковъ государю, вѣхалъ въ возкѣ, съ королевскіе послы, а платъцо на немъ было отаасъ, сдѣ

съ капителью по-нѣмецки, шляпка луговая, на ней кружева, дѣлаю изъ золота да серебра съ капителью, чулочки шелкъ алъ, башмачки сафьянъ синъ, и было на немъ то платье, какъ ѣхалъ съ корабля“. За версту до города встрѣтили его новгородскій воевода князь Василій Буйносовъ и дьякъ Поздѣвъ и болѣе тысячи дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ конаниковъ; воеводу и дьяка королевичъ допустилъ къ рукѣ. У посаду ударили ему челомъ лучшіе торговые люди, челомъ съ пятьдесятъ, Юрій Иголкинъ съ товарищами, и ихъ также онъ жаловалъ, звалъ къ своей рукѣ. На мосту и по улицамъ стояло множество народа, и всѣ при проѣздѣ королевича кланялись ему. Королевичъ остановился въ домѣ Иголкина, а лодъ его свиту отведи другихъ тридцать домовъ. Здѣсь королевичъ захотѣлъ подождать тѣхъ изъ своей свиты которые отстали въ Иванъ-городѣ. Располагая свободнымъ временемъ, онъ съѣзжалъ (25 авг.) за городъ на охоту, вверхъ по Волхову и инымъ рѣчкамъ до Юрьева монастыря, ѣдучи тѣшился, стрѣлялъ изъ самолана и билъ утатъ, возвратился домой лодно веселый и на слѣдующій день устраивалъ у себя торжественный обѣдъ, пригласивъ важнѣйшихъ сопровождавшихъ его бояръ, Самтыкова, своего пристава князя Семена Крапоткина и др. Самъ королевичъ сидѣлъ за особымъ столомъ, бояре и посаы рядомъ съ нимъ за другимъ столомъ, даже до тридцати датскихъ дворянъ. Играли музыка, били въ цимбалы и по литаврамъ, играли въ сурны. Послѣ стола королевичъ лилъ за здоровье государя, лилъ стол. Новгородцы потѣшали гостя борьбой съ медвѣдями и другими забавами.

О томъ какъ встрѣчаютъ его и какъ онъ проводитъ время, принцъ отправилъ извѣстіе своему брату Христіану. Власъевъ постарался развѣдать, послаалъ ли онъ вмѣстѣ съ голцомъ что-нибудь изъ платья подареннаго ему государемъ и узналъ что посаы совѣтовали ему то, но онъ сказалъ имъ что „царское жалованье, платье, къ нему первое и онъ принялъ его съ покорностію и радостнымъ сердцемъ и послать первого царскаго жалованья ему не годится“. Королевичу были присланы отъ царя другіе подарки и поднесены ему, когда онъ прибылъ въ Старицу. Борисъ желалъ чтобъ его будущій зять казался пышнымъ и велѣлъ Власъеву узнать отъ королевичевыхъ людей, какая у него лучшая одежда и если намѣренъ шить ее то что ему на то надобно. Одежду Власъеву показали и замѣтили что королевичу явиться къ царю

есть въ чемъ. Нѣкоторыя изъ подаренныхъ вещей надѣвала, луховую шяялу часто замѣняла то бархатъ собольимъ околышемъ шалкой, то шалкой скараату ч таго съ рысымъ окладомъ. Повидимому королевичъ прочь былъ стать къ Русскимъ поближе. Власьева он спрашивалъ о государѣ, нѣкоторыя мѣстныхъ обычая постоянно заявлялъ о своей любви къ царю и своей госте подчиняться ему; но датскіе савошники сдерживали убѣждали чтобы оны русскіе обычаи перенималъ не и держался прежнихъ нѣмецкихъ.

Отъ Новгородъ до Бронницъ королевичъ ѣхалъ по на судахъ, отъ Бронницъ сухимъ путемъ. Самыя влчести ему были оказаны въ столицѣ, торжествъ въѣздъ въ которую состоялся 19 сентября. На всему былъ высланъ особый отрядъ тыяочи въ полторы тысячъ изъ русской знати и служившихъ при дворъ, Нѣмцевъ, Поляковъ; всѣ были въ дорогихъ дахъ, ихъ красивые кони въ серебряной вызолоченой (Играли музыка. Когда приблизился принцъ, музыка смел и къ нему подѣхали знатнѣйшіе бояре; они слѣзли ствей; слѣзъ также и принцъ со своимъ гофмейстеромъ и королевскими посланцами. Послѣ приветственной рѣчи протъ имени государя, подвели дорогаго коня, на которомъ до серебряное вызолоченое сѣдло и чепракъ изъ золоточ; ло коню въ превосходной обрѣвѣ было подарено и свитѣ принца, отъ высшихъ до низшихъ, смѣтра по Гости сѣли на подаренныхъ коней и отправились въ го Въ Тверскихъ воротахъ встрѣтили принца князь Ва Голыцынъ и околышникъ Василій Морозовъ и Петръ Бновъ. Любытствующіе мушкетеры и жевашники, одѣты праздничному, залужали всѣ улицы; знать была въ сивожденіи своихъ слугъ, на многихъ женщинахъ видѣл дорогіе каменья. Со стѣны Кремля тайно смотрѣлъ на всѣ самъ государь со своимъ сыномъ. Какъ въ праздникъ Кремль звонили въ большой колоколь. Иоанна со всѣхъ свитой препроводили въ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ тай-городѣ; домъ былъ нарочно приготовленъ для него ч ло-царски и снабженъ приласами, слугами, дровосѣками довозами, лошадьми.

Представленіе пока отложили чтобы принцъ могъ отнуть и оправиться отъ луты. На слѣдующій день (

присланъ царскій обѣдъ во 100 блюдъ съ соответствующимъ количествомъ лива, меда, вина и водки; блюда массивныя, золотыя, чаши съ налитками золотыя и позолоченыя. Въ назначенный день (28 сентября 1602 года) для пріема принца отъ Іоаннова дома до дворца были выстроены войска, на Красной площади громадными массами толпился народъ. Когда принцъ одѣлся возможно параднѣе, знатные бояре привезшіе ему приглашеніе открыли торжественный кортежъ: они ѣхали впередъ, за ними принцъ со всею своею свитой. Въ Кремлѣ опять звонили въ колокола. У Краснаго крыльца гостей встрѣтили князья Трубецкой и Черкасскій, у двѣрныя князья Василій Шуйскій и Голицынъ, въ двѣряхъ въ Золотую палату высшіе вельможи: Мстиславскій, Трубецкой, Шереметевъ. Въ Золотой Палатѣ сѣдали на тронѣ Годуновъ съ сыномъ, окруженные многочисленною толпою придворныхъ и одѣтые въ самыя дорогія царскія одежды, блестѣвшія золотомъ и камнями. Какъ только принцъ вошелъ, царь и царевичъ встали. Принцъ почтительно приблизился къ нимъ и поклонился; царь и царевичъ объяли его, поцѣловались съ нимъ, посадили рядомъ и долго съ нимъ разговаривали.

Изъ Золотой Палаты всѣ отправились потомъ къ столу, въ Грановитую Палату, убранство коей вполнѣ соответствовало торжеству. Особенно вниманіе гостей привлекали столы посреди палаты, обставленные съ верху до низу золотую и серебряною посудой, и пирамиды золотыхъ и серебряныхъ чашъ въ переднемъ покоѣ.

Хозяинъ сѣлъ за большимъ серебрянымъ столомъ на тронѣ между сыномъ и герцогомъ; надъ нимъ висѣла большая красивая корона съ боевыми внутри часами. Ниже ихъ заняли мѣста бояре Мстиславскій, Василій Шуйскій, Трубецкой, Черкасскій, Салтыковъ и двое окольничихъ. За кривымъ столомъ были помѣщены остальные датскіе гости и другіе бояре *. Осмотрѣвъ кушанья, которыхъ стояло до 200, государь велѣлъ стоальникамъ разносить ихъ гостямъ; кушанья и налитки подавались въ золотой посудѣ. По окончаніи обѣда царь и царевичъ сняли съ себя по дорогой украшенной камнями цѣпи и надѣли ихъ на шею принца; много было

* По словамъ Массы (90), обѣдали также и высшее духовенство, богатые купцы и служилые иностранцы.

подарено ему также других вещей, посуды, одежды и чаго. Домой гости возвратились въ прежнемъ порядкѣ. *

Царевны за столомъ не было. Своего суженаго она не видѣть только изъ особаго скрытаго мѣста въ верхнемъ ридорѣ. ** Женихъ былъ красивъ, строенъ, съ бѣлымъ договатымъ лицомъ, и, какъ говорятъ, очень приглянулся.

Предъ важнымъ событіемъ, по обычаю старины, совѣдлись благочестивыя дѣла. Вся царская семья отправилась на богомолье въ Троицкую Лавру. Женихъ остался въ сквѣ. Съ бракосочетаніемъ не торопились: его отложили на наступленіе зимы. Повидимому Борисъ надѣялся что въ это время Иоаннъ ознакомится съ нашимъ языкомъ, съ чаими и быть-можетъ даже надумаетъ принять православіе, если этого не случится, по крайней мѣрѣ Москвичи мирятся съ мыслию что Ксевія выйдетъ за иновѣрца. Хотя официально Иоанна вездѣ принимали только въ качествѣ киевскаго брата вѣдущаго при важномъ посольствѣ, однако догадывались о настоящей дѣлѣ его прѣзда и многіе бѣ этимъ недовольны: имъ крайне не хотѣлось чтобъ иноземецъ и иновѣрецъ властвовалъ у насъ. Правая рука Бориса, мѣнь Никитичъ Годуновъ будто бы прямо выражался кругу придворныхъ что Борисъ знаетъ обезумѣлъ что хотѣлъ выдать свою дочь за еретика и иноземца. Неудовольствіе конечно, было бы еще сильнѣе еслибы большому количеству лицъ были извѣстны условія на какихъ призвалъ царь. Не безъ причины же теперь не объявляли официально не только объ условіяхъ, но и о самомъ бракѣ.—На слѣдующій день по представленію Семень Никитичъ пошелъ къ герцогу, спросилъ его о здоровьи, передалъ царскіе подарки и просилъ заняться изученіемъ русскаго языка; вскорѣ (4 октября) онъ опять повторилъ съ просьбою ссылаясь на то что царю нужно переговоры съ нимъ о многомъ тайно, побуждалъ также пословъ что они со своей стороны совѣтовали ему учиться нашему языку.

* Разказы Schlegel'a и Müller'a, будто бы послѣ стола привѣтъ бы торжественно обрученъ съ Ксевіей, не могутъ быть подтверждены ничѣмъ. Очевидно, какъ авторъ *Relation*, прямо говорятъ что этотъ день привѣтъ не видалъ во дворцѣ ни одной женщины.

** Описание смотральной палатки или тайника и смотральной шетки у Забѣлина *Домашній бытъ русскіихъ царей*, Москва, 1811, 228—229.

и привыкать къ нашимъ нравамъ, обычаемъ и одеждѣ. Герцогъ и посланники общали; къ нимъ была доставлена русская азбука и *Апокалипсисъ* Іоанна Богослова. Едва ли не подготовалось даже нѣчто въ родѣ прѣмага религіознаго увѣщанія или диспута *. Въ народѣ возникла молва что герцогъ вознамѣрился будто бы принять православіе. ** Это многихъ располагало въ его пользу; но люди близко знакомые съ дѣломъ, конечно знали цѣну такимъ слухамъ.

Жизнь герцога была привольная. Борисъ продолжалъ дарить его, отъ невѣсты была прислана дорогая постель и роскошное бѣлье. Въ Москвѣ честили его. Самъ Іоаннъ то принималъ у себя бояръ, то выѣзжалъ на охоту, но больше проводилъ время на своемъ дворѣ, среди своей свиты. Невоздержность разстроила вдругъ его организмъ. На возвратномъ пути съ богомоля царь получалъ извѣстіе что его гость заболѣлъ горячкой.

Степень оласности предъ Борисомъ умаляли; тѣмъ же менѣе онъ сильно встревожился и тотчасъ отправилъ къ большому своимъ придворныхъ врачей, общая имъ и Іоанновымъ врачамъ большія награды если они поскорѣе поправятъ его. Болѣзнь между тѣмъ развивалась. Герцогъ приобщился (22 октября). Подъ предлогомъ навѣдать высокаго больного, пришелъ къ нему Семенъ Никитичъ и сообщилъ что царь велѣлъ своимъ врачамъ находиться при герцогѣ дено и ноцно, но тутъ же подъ рукой далъ имъ понять чтобъ они безъ его нарочитаго приказанія не ходили къ герцогу. Когда припадокъ съ герцогомъ усилился, придворные послали за врачами, и эти могли явиться только по седьмому требованію. Послы укоряли Семена Никитича въ криводушіи; онъ отрицалъ, доктора уличили его.

Узнавъ что герцогъ очень слабъ, Борисъ захотѣлъ постѣтить (27 октября) его самъ вмѣстѣ съ патриархомъ и знатнѣйшими боярами. Впереди его несли позолоченный крестъ, обвитый бѣлымъ покрываломъ, и шелъ патриархъ, съ золо-

* Московскіе полемисты въ Дѣлѣ Ваальдемара утверждали, будто бы Борисъ „посылалъ по всѣмъ городамъ, по всѣмъ вѣстямъ, по митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ, для договору о вѣрѣ и крещеніи“.

** Объ этомъ желаніи его говорится всего въ одной лишь *Степенной книгѣ* Латухина (*Рукописи Аравографической Коммисіи*). Карамзинъ (II, 31) и особенно Костомаровъ (*Историческіе Вѣстники* 1884, I, 16) вполнѣ довѣряютъ извѣстію, но, какъ увидимъ, нѣсколько поспѣшно.

тымъ крестомъ, святою водою и кадильцемъ, и освящая, кропилъ и кадилью отъ крыльца до самой комнаты герцога. Видя какъ мало въ больномъ признаковъ жизни, Борисъ смотрѣлъ на него точно убитый и поручилъ его помощи Бога; возвращаясь, на лестницѣ онъ крѣпко бранилъ переводчика зачѣмъ тотъ не говорилъ ему правды.

Таково было первое посѣщеніе Московскимъ царемъ ино-вѣрца. Многимъ оно очень не понравилось. По ихъ мнѣнію, царь тѣмъ увидѣлъ свое достоинство.

Больной видимо близился къ смерти. На слѣдующій день (29 октября 1602 года) онъ простился со своею свитой, подавъ каждому руку, и одному изъ камеръ-юнкеровъ будто бы сказалъ что Богъ звать не хочетъ имѣть его среди „не-христіанскаго“ народа чтобы здѣсь не обратили его въ свою религію*. Къ вечеру Борисъ опять посѣтилъ его, горько заплакавъ, общалъ въ случаѣ выздоровленія больнаго отпустить всѣхъ лѣвннхъ, которыхъ было до четырехъ тысячъ, и то молился Святымъ, то совѣтовалъ свитѣ поискать за-харокъ. На вопросъ, какъ почитаютъ въ Даниіи Николая Чудотворца, свита отвѣтила Борису что тамъ не оказываютъ ему особенной чести предъ другими Святыми. Борисъ покачалъ головой, прославляя чудеса Св. Николая и промовилъ: „видю, за наши грѣхи не можемъ удержать герцога.“ Было уже темно. Бориса провожали со свѣчами. Съ улицы онъ послалъ сказать свитѣ принца чтобъ они молились о своемъ господи нѣ по своей вѣрѣ и что если Богъ сохранить его они получатъ большіе подарки. То же было наказано всѣмъ остальнымъ московскимъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ. Часовъ около 6 вечера принца не стало.

Если нѣкоторыя обстоятельства болѣзни принца не согласовались съ тогдашними нашими обычаями, то похороны его превзошли все чего можно было бы ожидать у насъ въ ту пору. Сентиментальный въ отношеніи къ иностранцамъ и разбитый семейнымъ горемъ, Борисъ просто не зналъ какъ лучше выразить свою печаль.

О кончинѣ жениха онъ извѣстилъ свою дочь. Ксения въ безмятежствѣ улала къ его ногамъ. Насколько могъ, отецъ старался утѣшить ее. При дворѣ былъ объявленъ глубокій

* Такъ по крайней мѣрѣ передаетъ Gyldensterne, писатель, впрочемъ, почти до фанатизма преданный Даниіи и ея религіи и крайне предубѣжденный противъ всего православно-русскаго, вообще узкій Датчанинъ.

трехдневный трауръ. Герцогскаго гофмейстера предупредили что все нужное для похоронъ будетъ ему доставлено отъ царя.

Прежде всего озаботились относительно общихъ поминокъ какъ для Русскихъ, такъ и для иностранцевъ. На другой же день (30 октября) послѣ смерти герцога, на его дворѣ было накормлено нѣсколько тысячъ нищихъ, а иностранцамъ жившимъ въ Слободѣ посланы хлѣбъ и деньги. Тѣло покойника было набальзамировано, однако безъ взрѣзанія внутренностей, одѣто, осыпано цвѣтами и положено въ деревянный гробъ вложенный въ мѣдный, а этотъ въ дубовый, обитый бархатомъ и позолоченнымъ серебромъ. По угламъ наружнаго гроба красовались позолоченныя головки ангеловъ, впереди, на среднѣхъ, стоялъ позолоченный крестъ, къ подножію прибита доска съ надписью о покойномъ; въ ней между прочимъ говорилось что герцогъ „тихо почилъ во Христѣ въ Московіи, при великомъ плачѣ и сѣтованіи царя и его подданныхъ“. Почетная стража изъ бояръ и свиты окружала гробъ днемъ и ночью.

Въ лютеранской киркѣ, находившейся въ Нѣмецкой Слободѣ, противъ алтаря вывели крѣпкій каменный сводъ чтобы положить тутъ покойника. Имѣть при ней колокола прежде запрещалось, теперь было обѣщано прислать ихъ. Когда Гюльденстервъ напомнилъ (22—23 ноября) Семену Годунову почему такъ медлятъ присылкой, Годуновъ отвѣтилъ что это давно уже было бы сдѣлано есаубы не воспрещали патриархъ и епископы, но что теперь царь велѣлъ послать ихъ какъ бы ни смотрѣли на это духовные, однако съ условіемъ чтобы послѣ похоронъ колокола были взяты назадъ и чтобы во время погребальной процессіи на православныхъ церквахъ не перезванивали.

На похороны (25 ноября), отдать послѣднюю честь покойнику, пріѣхалъ царь въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ. Благоговѣнно подойдя ко гробу, велѣлъ отнять покрывало, грустно и со слезами на глазахъ смотрѣлъ онъ на трупъ и, произнося молитву и крестясь, три раза поклоуился предъ крестомъ. Покойника повесили внизъ на колесницу. Процессію открывалъ почетный караулъ, за ними шли тридцать учениковъ нѣмецкой школы со своимъ учителемъ, пасторы, кустеры * и пѣви

* Свидѣтели похоронъ здѣсь нѣсколько расходятся въ своихъ показаніяхъ: авторъ *Relation* (276) упоминаетъ объ одномъ пасторѣ, *Gyldensterne* (173) насчитываетъ четырехъ кустеровъ и трехъ пасторовъ: двоихъ нѣмецкихъ и одного датскаго.

обычныя похоронныя пѣсни. Предъ самую колесницу несли знамена украшенныя датскимъ, мекленбургскимъ, голштинскимъ и шлезвигскимъ гербами. Колесница была покрыта чернымъ бархатнымъ покровомъ съ бѣлымъ атласнымъ крестомъ. Вокругъ нея шли благородные мальчики, числомъ до двадцати четырехъ, и тѣлохранители; мальчики несли по большой восковой зажженной свѣчѣ. Когда все это просѣдовало, царь сѣлъ въ сани и провожалъ до улицы ведущей въ Кремль, откуда, простившись съ покойникомъ, печальный отправился домой. Послы, свита, бояре, 1.000 стрельцовъ и многочисленныя толпы народа изъ Русскихъ и цоземцевъ провожали гробъ до мѣста погребенія; знать, по волѣ Бориса, должна была къ своему крайнему неудовольствию войти въ самую кирку. При отлѣваніи придворный проповѣдникъ Магуса, Иоаннъ Лундъ, сказалъ надгробное слово, канцлеръ Веберъ — рѣчь, въ которой, упомянувъ объ обстоятельствахъ жизни герцога и милостивомъ царскомъ приемѣ, благодарилъ присутствующихъ тутъ Москвичей за ихъ участіе въ отданіи послѣднихъ почестей усопшему. Знамена и гербы остались въ церкви. Пасторы и лѣвшіе ученики получили богатые подарки вещами и деньгами; киркѣ даны богатые вклады. Нѣкоторые изъ вкладовъ даны были съ согласія правительства. Когда члены посольства спросили (20 декабря) вѣдавшаго ими Аенасія Власьева, дозволить ли онъ старшинамъ нѣмецкой общины принять отъ нихъ 400 рейхстамеровъ, онъ отвѣтилъ что онъ этого имъ не запрещаетъ.

Послы и свита оставались въ Москвѣ: часть до февраля, другая до іюня; послы продолжали переговоры о Лалландіи. По большимъ праздникамъ ихъ иногда приглашали смотрѣть съ особо устроенныхъ мѣстъ на церковныя церемоніи: въ Вербное Воскресеніе—на шествіе патріарха на осяти, въ Крещеніе и Преполовеніе—на освященіе воды. Возвратился между тѣмъ изъ Даніи посланный туда вѣстникъ о смерти герцога и сообщилъ что тамъ думаютъ будто бы герцогъ померъ отъ отравы. * Членовъ свиты молва поразила своею

* Замѣчательно что подобная молва носилась и у насъ, обвиняя самого Бориса который, будто бы, услыжавъ о любви народа къ принцу и опасаясь какъ бы Іовилъ, сильный народною привязанностью, не сталъ оспаривать престолъ у Федора, „наполняя ярости и зависти и повелѣ Семену Годунову какъ бы надѣ

несправедливостью, такъ какъ они хорошо знали истинную причину смерти. При прощаніи многіе изъ нихъ заявили было о своемъ желаніи остаться въ Москвѣ навсегда,

лишь помыслити“ (Лѣт. о мног. мятѣж. 67; см. Након. лѣт. VIII, 50, Нов. лѣт., *Временникъ И. Об. И. и Др. Росс. XVII*, 56). Эта молва указываетъ какъ много было у Бориса враговъ и какъ они готовы были распускать про него даже самую несообразную клевету. Лучшимъ опроверженіемъ ея служитъ поведеніе Бориса во время болязни и послѣ смерти принца и желаніе многихъ изъ принцесвой свиты остаться въ Россіи. Хотя иностранные писатели, какъ *Gyldensterner* и авторъ *Relation*, жившіе вмѣстѣ съ принцемъ и сочиненія которыхъ имѣли полуофіціальныи характеръ, по очень помятымъ мотивамъ, ничего не говорятъ о настоящей причинѣ болязни своего господина, тѣмъ не менѣе Маржеретъ (*Etat de l'Empire de Russie* 84, въ русск. перев. 77), приверженецъ Лжедмитрія и естественный недругъ Годунова, прямо приписываетъ ее „неуживности“ принца. Когда Петръ Марселисъ сватаетъ (1643) королевича Вальдемара за царевну Ирину Михайловну, и Шведы, чтобы помѣшать браку, запугивали Вальдемара тѣмъ, будто бы „на Москвѣ Арцымагнуса королевича выгнали, а Ягана королевича окормили“, Марселисъ, въ отвѣтъ королю Христиану IV и его самовникамъ, упомаявъ что Магнусу въ вѣрѣ была „новоальность“ и послаявъ оны былъ въ Лифляндію, гдѣ померъ своею смертію, объ Иванѣ говорилъ: „при царѣ Борисѣ Яганъ королевичъ потому жъ былъ во всякой повоности и въ великой чести; и на него де пришла болязнь, и дохтуры у него были беспреставно, и въ день и въ ночь, а велико имъ о томъ радѣть всякими мѣрами чтобы той его скорби облегченье учинить; и королевича Ягана не стало своею жъ смертію, а не окормили его. А которые Датскіе люди въ то время были съ Яганомъ королевичемъ на Москвѣ, и вынѣ изъ нихъ многіе живы и про то вѣдаютъ подлинно что оны преставилася своею смертію, а не окормленъ“. Марселисъ не ограничился этимъ. „И ставилъ де оны, Петръ, передъ короля изъ тѣхъ людей которые были на Москвѣ съ Яганомъ королевичемъ, секретара Иверъ Вилта; и король де его про смерть Ягана королевича роспрашивалъ; и оны сказалъ правду что ему отъ царя Бориса была честь большая и повоность во всемъ, и умеръ оны своею смертію, а не окормленъ“ (Моск. Главн. Архивъ Минист. Иностран. Дѣлъ, Дѣла Датскія, карт. 18: *Статейный списокъ бытности въ Даніи датскаго комиссара Петра Марселиса*). И если еще кого можно заподозрить въ непрямотѣ отношеній къ принцу, то не Бориса, а вѣдавшаго Алтекарскимъ приказомъ Семѣна Годунова, который очевидно былъ радъ неожиданной болязни герцога и сдерживалъ подчиненныхъ ему врачей чтобы они не особенно заботились объ ея излеченіи.

но имъ объявлено что пусть они сначала побываютъ на днѣ, иначе тамъ могутъ подумать что ихъ удержали насильно, а затѣмъ кто воротится—получить царскую милость. Отправили съ богатыми дарами. Одинъ изъ нихъ, Мат Кюотзенъ, дѣйствительно воротился и получилъ богатое держаніе, помѣстье и командованіе надъ двумястами никовъ.

Относительно тѣла покойника король наказалъ (отъ 11 та 1603 года) посламъ хлопотать чтобы его дозволено было оставить въ Москвѣ и чтобы государь общался имъ по лечению о той киркѣ гдѣ выстроена его усыпальница. Оно оставалось здѣсь до 1637 года, когда Датское прѣдѣтельство перевезло его въ Копенгагенъ. „Нашъ любительный братъ, обратился съ грамотой (30 августа 1636 года) Михаилу Федоровичу король Христіанъ IV, за нѣсколькѣ прѣставился въ Москвѣ и тутъ погребенъ, а его женное тѣло оставлено тамъ за разными помѣшанными именами; нынѣ же мы помыслили его взять, и для того просимъ съродственное и любительное прошеніе чтобы тѣло безъ какого задержанія отпустить и свезти въ Ругодивъ, а изъ Ругодива мы велимъ привести его сюда великимъ кораблемъ Датскому гонцу, Николаю Голмеру, съ которымъ была послана грамота, въ Посольскомъ приказѣ объявила (8 февраля 1637 года) что государь за тѣло королевича Ягана не считаетъ, но такъ какъ во время великаго разоренія Московскаго государства отъ польскихъ и литовскихъ людей палатгробницу королевичеву, ради золота, серебра и всякой утвари чѣмъ тѣло его положено, разорили, и палата та засыпана землей и есть ли на томъ мѣстѣ королевичево тѣло о томъ поединно невѣдомо, то государь и велитъ искать само Голмеру, взявъ съ собою добраго дворянина, дьяка и колѣщиковъ и смотрѣть есть ли на томъ мѣстѣ тѣло чтобы о томъ отписать къ королю въ своей царской грамотѣ. Ссылаясь на то что сыскивать и досматривать тѣло отъ короля ему наказано, Голмеръ отказался было исполнить царскую волю, но ранше пошелъ какъ повторенъ ему царскій приказъ. С нимъ для поисковъ были посланы кв. И. И. Лобановъ-Лобовскій, дьякъ И. Трофимовъ, нѣмецкій переводчикъ Иванъ Фоминъ и тридцать коларей, но съ наказомъ чтобы тѣло съ того мѣста гдѣ сыщутъ, впредь до государева указа не брать.

Королевичевы кости, „масть что у него положена была подъ головами“, и обломки мѣднаго гроба нашлись на своемъ мѣстѣ. Лобановъ и Трофимовъ кости собрали и чрезъ Оомина извѣстили Посольскій приказъ о находкѣ. Отсюда сараждали стрѣльцовъ чтобы они, впредь до особаго указа, хранили кости, а государь хотѣлъ устроить подъемъ ихъ съ должными почестами, подобно тому какъ совершилось погребеніе „по государскому достоинству“. Между тѣмъ пока Оомина ходилъ, Голамеръ, не дождавшись отвѣта, собралъ кости въ полотно и отвезъ ихъ на свое подворье. И за такое самовольіе въ Посольскомъ приказѣ гонцу крѣпко выговаривали, указывая ему что государь не велѣлъ ничего надъ нимъ учинить только потому что онъ королевскій человекъ; Лобанова и Трофимова заключили въ тюрьму, но чрезъ дель, ради наступившаго Великаго Поста, они были выпущены.

На средства Посольскаго и Казеннаго приказовъ былъ изготовленъ массивный гробъ, какъ бы для цѣльнаго тѣла: длиною въ три аршина съ четвертью, аршинъ въ ширину, въ глубину аршинъ съ четвертью, съ круглою покрывшкою, сараружи обить чернымъ бархатомъ. Въ него положили королевичевы останки и доставили на Посольскій дворъ. Проводы были (8 марта) торжественныя. До Тверскихъ Воротъ гробъ несли на плечахъ и, какъ въ похоронной процессіи, плѣлись похоронныя плѣсны *. Сопровождали бояре И. П. Шереметевъ, князь Д. М. Пожарскій, нѣсколько московскихъ дворянъ, стрѣльцы, англійскій агентъ Семенъ Дигби со всею англійскою компаніей, шведскій агентъ Крузбернъ, Голамаццы, московскіе служилые и торговые Нѣмцы, и другіе; всѣ шли въ траурномъ платьѣ. За Тверскими воротами гробъ поставили на сани. Съ нимъ поѣхали дворянинъ Карамышевъ, нѣмецкій переводчикъ Вилимъ Вилимовъ и Голамеръ. Отъ Новгорода Голамеру велѣно было ѣхать впередъ чтобы поскорѣе доставить королю царскую грамоту, извѣщающую объ отпущкѣ королевичевыхъ останковъ, и поторолить тамъ

* „Несли гробъ съ посольскаго двора Нѣмцы, 51 человекъ, на носилахъ, на плечахъ, а было ихъ 4 перемѣны, въ мирномъ, въ жалобномъ платьѣ; а по сторонамъ несли свѣчи, а надгробное плѣли Нѣмцы по своему закону кальвинскіе вѣры“ (Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Датскія, Св. 9, 1637, № 1). „Кальвинскою вѣрой,“ очевидно, здѣсь названо лютеранское вѣроисповѣданіе.

высылкой изъ Данию въ Ругодивъ корабля. Новгородцы проводили гробъ за Земляной Валъ. 22 мая датскій корабль принялъ его и отплылъ съ нимъ изъ Ругодива. Извѣщая Михаила Федоровича о прибытіи въ Данию королевичевыхъ останковъ, Христіанъ IV благодарилъ (1639 года) его за почетный ихъ отлукъ.

Со смертью королевича Ивана, Борисъ опять остался безъ твердой почвы. Онъ теперь вспомнилъ объ отношеніяхъ къ Елизаветѣ. Несмотря на его довольно сухой отвѣтъ посланный съ Мерикомъ, королева отвѣтила ему дружественно и предложила въ невѣсты Федору молоденькую Англичанку, имени которой однако не назвала. Пользуясь этимъ, Борисъ сдѣлалъ запросъ (въ апрѣль 1603 года), какъ ее зовутъ и какого она происхожденія, но по случаю смерти Елизаветы извѣстія не получили. Тогда онъ снова обратилъ къ датскимъ предѣламъ. Болѣе другихъ знакомые съ Датчанами, Саалтыковъ и Власевъ, прибывъ къ Шлезвигскому герцогу Иоанну, предложили (1603 года) ему женить на Ксеніи одного изъ своихъ сыновей Фридриха или Альбера, обѣщая имъ удѣлъ. Иоаннъ убѣдилъ ихъ выбрать въ женихи третьяго сына, Филиппа, который охотно желалъ бы переселиться въ Россію. Не получая никакихъ извѣстій изъ Россіи, герцогъ написалъ (19 марта 1605 года)* къ датскому королю Христіану, брату умершаго принца Ивана, чтобъ онъ со своей стороны помогъ услѣху начатаго дѣла.

Но въ Москвѣ тогда было не до свадебныхъ торжествъ. Здѣсь совершалась кровавая драма. Дальнѣйшее изъ жизни Ксеніи извѣстно. Переживъ трагически погибшихъ отца, мать и брата, она, по выраженію Лѣтолиси, ** „ради красоты своей, сохранена была отъ смерти, на то на вѣщее безчестіе“ *** и пострижена въ монахини подъ именемъ иноквины

* Письмо его отпечатано у Büsching'a, *Magazin für d. n. Historie*, VII, 319—321, откуда и узнаемъ объ этихъ сношеніяхъ съ Гоаштиніей. *Статейный списокъ* Саалтыкова и Власьева въ Архивѣ не сохранился.

** *Краткая повесть о бытшизъ въ Россіи самозванцавъ*. Спб. 1778, 41. *Изборникъ*, 43—44; 292. *Сн. Никоновск. Лѣтоп.* VIII, 70.

*** О случаяхъ о результатахъ ея отношеній къ Самозванцу у Аделунга въ *Критико-литературномъ обозрѣніи путешественниковъ по Россіи*, II, № 33, стр. 135.

Ольги. Народъ по своему повялъ ея горе и вложилъ въ уста ея пѣсню:

Слазается на Москвѣ царевна:
„Охте, мнѣ, молодой, горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Гришка Острельевъ разстрига,
Что хочетъ меня половити,
А половивъ, меня хочетъ пострити,
Чернеческій чинъ мложити.
Но мнѣ постритися не хочется,
Чернеческаго чину не сдержати,
Отворите будеть темну келью
На добрыхъ молодцовъ посмотрѣти“.*

Келья иногда отворялась, но не на счастье царевны.... Умерла она во Владимірскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на 41 году жизни, 30 августа 1622 года и, согласно ея желанію, погребена рядомъ съ ея родителями въ Троицкой Лаврѣ, у входа въ Успенскій Соборъ, въ которомъ лежатъ останки другой несчастной княжны, Марьи Владиміровны.

IV.

Сватовство Михаила Θεодоровича за Шлезвигъ-Гольштинскую принцессу Доротею Августу.

Съ воцареніемъ Михаила Θεодоровича Русь точно шагнула чрезъ смутную эпоху, показавъ крѣпкую живучесть народныхъ силъ. Внѣшнія раны мало-по-малу заживали, во внутренней жизни повсюду водворялся прежній порядокъ. Только отношеніе къ иноземцамъ, которые причинили государству такъ много бѣдствій что едва было не разрушили его, принимаетъ еще болѣе недружелюбный характеръ. Изъ „нечистаго“ цновѣрецъ во мнѣніи Русскихъ превращается въ „поганаго“. И хотя въ эту немилость попали по преимуществу католики какъ главные виновники бѣдствій, однако на много понижаются и протестанты. „Поганый“ и „окаянный“ къ слову „люторъ“ (лютеранинъ) прилагается какъ эпитетъ, чуть не синонимъ, и содружество съ лютеранами и калъви-

* Изд. въ *Искѣст. втораго отдѣл. Им. Акад. Наукъ*, у Курьевскаго, II, доп. стр. 58 - 61.

вистами даже лучшимъ людямъ того времени * Ка
достойнымъ посмѣванія всѣхъ языковъ; ихъ дѣйствія на
ленныя противъ „святой“ Руси представляются безбож
прямымъ святотатствомъ. Русскіе возстали и бороли
столько за свою національность сколько за вѣру, за
попираемого православія, которое, въ свою очередь, е
сть саму національность. Понимая это, а также и т
главную причину золь нанесенныхъ иностранцами
ихъ иновѣріе, правительство, на все смотря одинако
своимъ народомъ, всѣми мѣрами старалось поддерживать
ченіе православія, которое одно, при всѣхъ политическ
общественныхъ невзгодахъ, способно было внушать русс
человѣку сознание его духовнаго преимущества надъ
жающимъ міромъ и укрѣплять его вѣру и надежду на
щее и тѣмъ удерживать его въ религиозно-національно
зависимости. Далекое уступая другимъ народамъ въ экон
ческомъ благосостояніи, не имѣя возможности похвалы
и своимъ просвѣщеніемъ, Русскіе находили для себя г
вый устой почти единственно въ своемъ вѣроиспо
ніи. При такомъ значеніи религіи въ жизни государствен
если и прежде бракъ православнаго лица съ иновѣрнымъ
задея громадною несообразностью, то теперь онъ станов
оковательно невозможнымъ. Введеніе иновѣрнаго лица
въ царскую семью могло бы сильно уронить ее въ гла
народа, оторвать отъ нея народныя симпатіи; народъ
сталъ бы видѣть въ ней свой идеалъ, высшего и искрени
представителя и охранителя своихъ завітныхъ интерес
только что слытавъ на себѣ что значить иновѣріе,
крайне тревожился бы теперь что надъ нимъ стоитъ и
рецъ, который не слася съ нимъ въ существованномъ. Бр
же простаго лица съ иновѣрнымъ казался бы прямою из
ной своей національности. Особенностію времени здѣсь та
являлось и слѣдующее. Въ стремленіи охранять правосла
памятный Московскій соборъ 1620 года издалъ постановка
(державшееся впрочемъ не долго) иновѣрцевъ, принимающ
православную вѣру, подвергать перекрещиванью, вслѣдс
чего брачный вопросъ превратился въ вопросъ о по
крещиваньи. И Михаилъ Феодоровичъ, который, не от
чался никакими особенными качествами и не имѣя за

* Аврамій Палицынъ, *Сказаніе объ осады Троицкаго монастыря*
М., 2е изд., стр. 44.

бою громкихъ дѣлъ, тѣмъ по преимуществу и былъ дорогъ для народа что жилъ совершенно одинаковыми съ нимъ понятіями и котораго народъ потому такъ и отстаивалъ противъ всѣхъ его соперниковъ что видѣлъ въ немъ самаго нелицемѣрнаго выразителя и хранителя всего роднаго, чисто русскаго,—Михаилъ Θεодоровичъ, этотъ первый послѣ смутной эпохи царь, какъ ни желалъ породниться съ протестантскими королевскими домами, когда убѣждался что сватаемые принцессы и принцы не согласятся креститься въ православіе, сдерживалъ себя жертвуя своими личными расчетами интересамъ общегосударственнымъ.

Онъ дожилъ неженатымъ до двадцати шести лѣтъ. Ни одинъ изъ московскихъ государей не оставался такъ долго въ безбрачїи. Облюбованная имъ невѣста, Марья Ивановна Хлолова, по просямъ знатныхъ бояръ изъ партїи Солтыковыхъ, не желавшихъ уступить свое значеніе при дворѣ ея родственникамъ, какъ „испорченная“, томилась въ ссылкѣ, а выбрать другую онъ не хотѣлъ. Когда возвратился изъ лавна его отецъ, Фидаретъ Никитичъ, то одною изъ главныхъ заботъ его было скорѣе женить сына, чего требовало также упроченіе престола за своимъ родомъ и спокойствіе государства. Ничего не имѣя противъ собственно Хлоловой, онъ однако, въ интересахъ поднятїя значенїя рода, намѣревался женить его на какой-нибудь принцессѣ. Въ этихъ видахъ посланъ былъ (весной 1621 года) за границу московскїй Нѣмчинъ Юрій Родіоновъ развѣдать, нѣтъ ли у кого изъ государей дочери или сестры которая была бы „красна очми и всякимъ возрастомъ, добра и ничѣмъ неувѣчна и къ такому великому дѣлу годна,“ и промыслить съ нихъ „персоны, податныя, безъ приписи,“ а о женихѣ распространять молву что онъ „образомъ красенъ, разуменъ и въ обычаѣ милостивъ,“ и немедля что узнаеть донести царю, особливо же въ томъ случаѣ еслибы замѣтилъ что отъ государя, у котораго есть подходящая дочь или сестра, будетъ въ Москву ссылака. Все это онъ долженъ былъ сдѣлать секретно, выдавая себя торговымъ человѣкомъ и ведя бесѣды какъ будто отъ себя и только будто потому что о желанїи государя жениться на какой-нибудь принцессѣ слышалъ на Москвѣ въ разговорѣ съ лучшими людьми. Радѣть о государевомъ дѣлѣ и не пронести о немъ никому, ни русскимъ, ни нѣмецкимъ людямъ, Родіоновъ общался съ клятвой предъ Евангелїемъ.

Юрій узналъ слѣшкомъ мало. Самый интересный разговоръ у него былъ въ Дрезденѣ. Шонбергъ, приближенный Саксонскаго курфюрста, замѣтилъ ему что если дѣйствиительно есть у государя желаніе, то онъ бы дѣлалъ какъ веде у всѣхъ христіанскихъ государей: посылалъ бы о томъ своихъ пословъ, набиваться же со своими дочерьми ни у кого изъ государей не въ обычаѣ. Разсудивъ кто бы къ тому дѣла была годна, онъ сказалъ: „у нашего курфюрста большая дѣвѣнадцати лѣтъ; есть Альтенбургская княжна Доротея четырнадцати лѣтъ, да у ней три сестры старше ея: одна игуменья двѣ столь жирны что никто за нихъ не сватается, да и сами замужъ не хотятъ; въ Австрійскомъ дому никого не сказываютъ.“ Съ названныхъ лицъ Родіоновъ достала съ портреты и привезъ ихъ въ Москву.*

Между тѣмъ въ Москвѣ просаышали что у короля Датскаго Христіана IV есть двѣ племянницы взрослые дѣвицы, и тогда же, не узнавъ даже ихъ именъ, снарядили къ нему посла князя Алексѣя Михайловича Львова и дьяка Ждана Шипова, снабдивъ ихъ подробнымъ наказомъ, послужившимъ тому образцомъ для послѣдующихъ брачныхъ наказовъ. На представленіи къ Христіану, объявивъ объ освобожденіи Москвы отъ Польши и о возвращеніи Филарета Никитича они должны были сообщить королю что имъ наказано о которыхъ великихъ государскихъ дѣлахъ, говорить о которыхъ съ ними онъ велѣлъ бы своимъ ближнимъ думнымъ людямъ. И какъ король позоветъ ихъ къ себѣ въ другой разъ и пожелаетъ самъ выслушать ихъ или вышлетъ къ нимъ своихъ думныхъ людей, то имъ требовать чтобы при королѣ и въ отвѣтъ были лица самая ему близкія и вѣрныя убѣдившись въ томъ, говорить: „вашъ великій государь, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, помня давнишнюю дружбу, любовь и докончанье своихъ предковъ, великихъ государей Россіи

* *Памятники дипломатическихъ сношеній съ державами и странами, II, № XIV.*

** Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Два Датскія 1621 года, св. 5, № 2: *Отправленіе къ Датскому королю Христіану IV въ послахъ дворянина князя Алексѣя Львова и дьяка Ждана Шипова съ уведомленіемъ о освобожденіи изъ Польши и принзѣ въ Москву патріарха Филарета Никитича и предложеніемъ о сватостѣ одной изъ королевскихъ племянницъ государя царя Михаила Ѳеодоровича.*

скихъ, съ Датскими королями, хотеть быть съ Христианомъ въ пріятельствѣ, крѣпкой дружбѣ и въ соединеніи свыше всѣхъ другихъ государей, и для того велѣвъ ему объявить что по милости Божіей онъ, государь, приходитъ въ лѣта мужскаго возраста и приспѣло время ему сочетаться законнымъ бракомъ: а вѣдомо ему что у королевскаго величества есть двѣ дѣвицы, родныя племянницы, и потому, буде онъ похочеть быть съ государемъ въ братской дружбѣ, любви, соединеньи и въ пріятельствѣ на вѣки, далъ бы за государя племянницу свою которая къ тому великому дѣлу годна; при этомъ они должны выставить древность рода Михаила Феодоровича, близость его къ прежнимъ царямъ, законность занятія Михаиломъ престола и даже, въ случаѣ надобности, показать его портретъ.* Если спросятъ, останется ли невѣста при своей лютеранской вѣрѣ, посламъ отвѣчать: „королевской племянницѣ быть въ одной съ государемъ вѣрѣ, въ истинной православной христіанской греческаго закона, и, пріѣхавъ въ Россійское государство, ей перейти и креститься, а иначе дѣлу статься нельзя: то противно нашему христіанскому закону и ото всѣхъ людей Россійскаго государства великому государю и ей, государынѣ, будетъ поносно и неалюбительно, да и не пригоже дѣло что мужъ съ женой разныхъ вѣрѣ; когда же высокорожденная племянница, ради благороднаго супруга своего и своего душевнаго спасенія, приступитъ къ нашей вѣрѣ, отъ Бога ей будетъ милость и ото всѣхъ людей честь и слава“. А если скажутъ что „королева племянница для любви супруга своего, великаго государя, къ русской вѣрѣ приступитъ, но креститься ей въ другой разъ непригоже, потому что она и такъ христіанской вѣры и уже кре-

* Впрочемъ, пунктъ о портретѣ въ Наказѣ почему-то зачеркнутъ. Онъ очень оригиналенъ. „И будетъ спросать если съ нами великого государя, его царскаго величества, персона чтобъ ее королевскому величеству видѣти, и посламъ говорить: въ обычаѣ того у великихъ государей нашихъ не бываетъ, что персоны ихъ государскіе для остереганья ихъ государскаго здоровья въ чужіе государства возити; а то у насъ въ обычаѣ есть же: которые великому государю нашему, его царскому величеству, служатъ и его царскаго здоровья остерегаютъ, и тѣ всегда персоны государскаго лица у себя въ домѣхъ для ихъ государскаго милосердаго жалованья имѣютъ. И съ нами царскаго величества персона есть; и будетъ королевскому величеству и вамъ, ближнимъ людямъ, те подобно, и мы царскаго величества персону покажемъ“.

щена по своему закону“, то настаивать: „приступя къ восславной христіанской вѣрѣ, не креститься во святой леди Святаго Крещенія ей никакъ невозможно, потому насъ въ томъ со всѣми вѣрами рознь не малая: у насъ вѣрѣ вмѣсто крещенія обливаютъ и миромъ не помазу противъ постановленія Христа и преданія апостоловъ; король бы свою племянницу на то наводилъ и отпусти ее съ тѣмъ чтобы ей принять Святое Крещеніе“. Буд король станеть указывать что „какъ племянница вый за государя и государь бы ее самъ къ тому приводилъ они у ней воли не отнимаютъ, или чтобы послы гово съ ней сами, а оны пошлетъ съ ними своихъ думныхъ дей“, то посламъ не соглашаться, ссылаясь на то что ваческое дѣло стыдливо, и имъ съ королевскою племянни для остереганья ея высокорожденной чести, много гово непригоже, это дѣло королевское и ближнихъ ему лицъ

Не ограничиваясь официальными переговорами, но узна кто у племянницы, предвзначаемой для государя, и родные и близкіе люди, послы должны были дѣйствовать чрезъ этихъ лицъ хвала предъ ними вѣру, государя и его государство, и если нѣкоторые изъ этихъ лицъ нуть склонять невѣсту выйти за государя и для него нять крещеніе, то посламъ съ таковыми быть ласков и пріятнымъ гдѣ надобно, смотря по мѣрѣ, и подар и впредь обнадеживать государевымъ жалованьемъ. И а король согласится отпустить племянницу съ тѣмъ что она по пріѣздѣ въ Москву крестилась, но спросить ея содержанію, какіе дадутъ ей города и села, чтобы можно было чѣмъ жаловать своихъ ближнихъ и дворов людей, сколько тысячъ поступить ей годового дохода и будетъ ли ей, какъ и ея людямъ, какой тѣсноты, прич сошлется на примѣръ Марины или Хлоповой, то посламъ заны требованіе объ опредѣленномъ содержаніи ей отнвить, но въ чести завѣрить. „Какъ, принявъ крещеніе, киевская племянница, говорили бы они, сочетается съ гдаремъ, государь начнетъ имѣть и любить ее, какъ поваетъ законъ и Святое Писаніе, и все ихъ государское деть безъ раздѣла, по Писанію: *оставляетъ человекъ от своего и мать и прильпится къ женту своей, и будутъ въ плоть едину*. А коли уже плоть едина, то что же и государей, дѣлать? И раздѣловъ въ городахъ и въ доход между государями и ихъ царицами прежде не бывало и бы

не для чего. Все государское у нихъ общее. И чего она захочетъ, то будетъ ей не возбранено; жаловать ей своихъ людей есть чѣмъ, и захочетъ кого жаловать, того по совѣту и повелѣнію супруга своего жаловати будетъ. Люди которые при ней—невоин не испытываютъ, а думаютъ что съ нею придетъ ихъ немного, потому что у великаго государя во дворѣ своихъ честныхъ боярынь и дѣвиць, отеческихъ дочерей, много. Марьяку примѣнять сюда непригодно: то было дѣло лихихъ людей, воровское, по ихъ воровскому умышленію и коведь учинился, какъ и во всѣхъ государствахъ воровъ сыскиваютъ и казнятъ. А что говорите будто государь соизволилъ было жениться, взять въ своемъ государствѣ, то это случилось еще до возвращенія изъ польскаго плѣва отца государева, Филарета Никитича, который благословляетъ теперь своего сына жениться не на своей, но поискать у котораго-нибудь государя, и именно у вашего королевскаго величества“.

Добившись согласія относительно племянницы вообще, слѣдовало перейти къ выбору одной изъ нихъ. Для этого князь Алексѣй и дьякъ Жданъ просили бы короля показать имъ своихъ племянницъ. На представленіи къ нимъ послы должны были поднести имъ отъ себя по сороку соболей и смотрѣть какова которая возрастомъ, лицомъ, бѣлостью, глазами, волосомъ и всякимъ прироженьемъ, и вѣтъ ли въ которой увѣчья, и смотрѣть издалека, примѣчать вѣжливо; руку у нихъ, если дѣвицы и королева позовутъ ихъ, дѣловать, а за руку не брать („не витаться“). По осмотрѣ провѣдывать какая изъ нихъ годна къ великому дѣлу, чтобы была здорова, собою добра и разумна; какую сочтутъ годною, на ту и указать королю, предлагая ему чинить о ней съ ними договоръ. Сообразно съ его отвѣтомъ завести рѣчь о приданомъ, просить короля объявить имъ чѣмъ онъ и родные племянницу дарятъ, какими государствами или землями и сколько съ нею будетъ казны и всякой рухляди чтобы въ Московское государство пріѣхать ей не безчестно, было бы ей здѣсь чѣмъ себя показать и всѣ бы видѣли что она великаго государскаго рода. Это почти единственный пунктъ который практичные Москвичи считали необходимымъ предложить со своей стороны, во всемъ же остальномъ дожидаться вопроса; договорныя статьи скрѣпить крестнымъ дѣлованіемъ и о крещеніи записать въ нихъ именно что королевской племянницѣ, пришедъ въ царствующій градъ Москву, креститься и быть съ

государемъ въ одной вѣрѣ. За королевскимъ столомъ, когда король выльетъ за здоровье государей, князь Алексѣй, взявъ кубокъ и вставъ изъ-за стола, долженъ лить за королевское здоровье, а затѣмъ за здоровье королевской племянницы, которой быть за государемъ.

Но лить послѣдней чаши послаамъ не пришлось. Какъ ни искусно былъ составленъ наказъ, они не лобороли препятствій.

Со Львовымъ и Ждановымъ отправилось до шестидесяти человекъ, между ними нѣсколько дворянъ, два переводчика и священникъ. При врученіи королю (1 марта 1622 года) вѣрительной грамоты послы поступили согласно наказу. О тайномъ порученіи послаамъ Датчане повидимому предположили, не касается ли оно Лалландіи; ибо на другой же день пришли къ нимъ въ домъ, гдѣ они остановились, „королевскіе ближніе думные люди“, канцлеръ Христіанъ Фризь, Олофъ Розенсбахъ, рыцарь Андрей Розенкранцъ и „докторъ въ рѣчахъ“ Леонардъ Мейснеръ, объявляя что хотя королевскому величеству теперь предстоитъ много дѣлъ изъ-за которыхъ ему отпустить ихъ отъ себя невозможно, однако по любви къ государю послалъ ихъ сюда выслушать что сообщать имъ послы.

Въ бытность въ Коленгагенѣ наши услѣли уже кое-что провѣдать объ относящемся къ ихъ главной миссіи. Именно родная сестра короля была замужемъ за Шлезвигъ-Голштинскимъ герцогомъ Іоанномъ Адольфомъ и отъ ихъ брака родились двѣ дочери; старшая изъ нихъ, „княжна“ Доротея Августа, лицомъ и возрастомъ добра и въ обычаяхъ добродѣтельна, младшая же — больна, царскому величеству не годится. На старшую принцессу послы прямо и указали предшшимъ какъ на желательную для государя супругу и просили показать ее имъ. Королевскіе совѣтники обѣщались о всемъ довести до Христіана. Пословъ между тѣмъ угощали, король устраивалъ въ честь ихъ обѣды за обѣдомъ.

Вскорѣ канцлеръ со своими товарищами передалъ послаамъ: королю ихъ рѣчи они доносили, и ему пріятно слышать о желаніи государя имѣть съ нимъ постоянную любовь и дружбу, и онъ самъ постарается объ установленіи такихъ отношеній; что же касается желанія государя жениться на пресвѣтѣйшей и высокорожденной дѣвицѣ Доротей Августѣ, наследницѣ Норвежской земли, то въ ней не его королевская воля: живетъ она у своей матери въ городѣ Гаузѣ, и ея дѣло зависить отъ ея матери, бабушки, королевы и брата Фридриха

герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго, которому она поручена; на ихъ волю король все и положилъ. Это очень не понравилось нашимъ. „Государь, говорили они, послаалъ насъ къ вашему королю Христіану и велѣлъ намъ о томъ великомъ дѣлѣ говорить съ нимъ самимъ или съ его думными людьми, хотя съ королевскимъ величествомъ дружбы и любви мимо всѣхъ государей, а то онъ могъ бы поискать того дѣла у иныхъ великихъ королей; и король вашъ высокорожденной племянницѣ своей, княжнѣ Доротей Августѣ съ ея матерью велѣлъ бы пріѣхать сюда къ нему и государское дѣло дѣлать велѣлъ намъ съ нимъ и при себѣ.“ Въ виду лучшаго сохраненія переговоровъ въ тайнѣ наши даже настояли чтобы Датчане приходили къ нимъ въ меньшемъ числѣ.

Христіанъ приискивалъ средства какъ бы отклонить отъ себя порученіе которое ему не приносило никакой выгоды. Смутная эпоха была свѣжа въ памяти. Съ Польшей прочнаго мира у Россіи не было, Владиславъ не отказался отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ, и въ Даніи еще повидимому вѣрили въ возможность новаго переворота въ Москвѣ. И королевскіе совѣтники получали отъ короля повелѣніе убѣдить пословъ отправиться самимъ въ Шлезвигъ-Гольштинское герцогство для личныхъ переговоровъ съ матерью и братомъ невѣсты, указывая имъ что самъ король безъ воли этихъ родственниковъ невѣсты распорядиться не можетъ, что носится въ обществѣ слухи будто бы за Доротею Августу посватаема уже какой-то князь Цесарской области, хотя онъ точно еще и не знаетъ, правда ли это и сговорена ли она; что онъ отъ себя готовъ послать съ ними грамоту и если при всѣхъ его стараніяхъ дѣло не устроится, предъ государемъ хочетъ остаться безъ вины.

Когда Фризь и Розенслахъ, приѣдя (10 марта) къ посламъ всего вдвоемъ, представили имъ эти аргументы, наши отвѣдлись еще упорнѣе, выставляя противъ нихъ свои доводы. Помня государевъ наказъ, они, кромѣ короля, ни къ кому не могутъ ѣхать и не поѣдутъ, да не пристойно и не къ чести государя было бы имъ разѣвзжать по разнымъ другимъ государствамъ. Если король хочетъ оказать свою любовь къ государю то сказалъ бы имъ сговорена ли княжна, или нѣтъ, и за какого князя. Если сговорена, ихъ дѣло на томъ и остановится; не сговорена—могутъ и продолжать, только бы король велѣлъ княгинѣ съ ея матерью быть къ

себѣ, а у нихъ къ нимъ есть отъ царя поклоны и рѣчь государя примѣнять къ князю Цесаревой области не годно: то государь великій, служатъ ему цари, царицы князья удѣльные, а это князь подовастный. Спасется же съ королемъ потому что они оба государя великіе и что дасть съ нимъ дружбы, которая имъ обоимъ принесетъ дикую славу, а ихъ многочисленнымъ государствамъ расширитъ и прибавленіе, а также потому что знаетъ что шлезвигъ и голштинскіе князья королю въ свойствѣ и всѣ они и князья на Доротея его слушаютъ. Датскіе совѣтники отвѣтили: Имени князя имъ неизвѣстно, когда узнаютъ, сообщатъ житье оны не близко. Повелѣвать княжнѣ королю не она ему не наказана, двѣмъ здѣсь честь великая, обыкновеннаго шляхтича дочь все дѣлаетъ по дружбѣ и любви. Пріѣхать ей сюда еще больше невозможно: ѣздить двѣмъ съ мѣста на мѣсто было бы безчестіе и позоръ, и того занадѣть не ведется. Здѣсь ѣздить сами женихи. Такъ, англійскій король Іаковъ пріѣзжалъ къ ихъ королю, жилъ съ нимъ года и самъ говорилъ ему о женитьбѣ на его сестрѣ; король тайно съѣзжалъ къ Бранденбургскому, Шведскіи Брауншвейгскому князю. Поэтому и послы лучше бы были сами. Шлезвигскіе и Голштинскіе герцоги не вполнѣ зависятъ отъ короля Христіана: обоими герцогствами правитъ одинъ герцогъ Голштинскій, имѣя отъ короля и Шлезвигское герцогство, Голштинскою же землей владѣетъ отъ цесаря. Тѣмъ не менѣе Львовъ со Ждановымъ требуютъ чтобы король свесся съ невѣстой и ея родственникамъ извѣстилъ бы какъ они о томъ дѣлѣ думаютъ. Истощивъ напрасно свои доводы, совѣтники отправились къ королю тотчасъ же привезли отъ него обѣщаніе что оны пошлютъ тайно къ брату и матери высокорожденной княжны узнать отъ нихъ въ какомъ положеніи находится у нихъ дѣло. Въ этомъ они уже не въ первый разъ завели было рѣчь о Дании; но наши отговаривались что имъ ничего о томъ не наказано и, буде хотять, пусть пошлютъ въ Москву свои послы. На прощаньи совѣтники спросили о двухъ ливонцахъ изъ Датчанъ посланныхъ въ Россію для изученія русскому языку и услышали: на Москвѣ и въ Ярославѣ есть два Нѣмчина, получаютъ по государеву указу копейки жалованья, и русскому языку и грамотѣ навыкли.

Въ виду замедленій, послы сочли нужнымъ немного ускорить. Канцлеръ Фризь и секретарь Фридрихъ Юанс

уговаривали (2 апрѣля) ихъ не тяготиться тѣмъ и не объяснять медленность какъ-нибудь по своему, въ худую сторону: мать и братъ невѣсты сказали посланному отъ Христiana дворцовому маршалку Вольфу фонъ-Больвольту что они сначала соглашались со своими многочисленными родственниками въ Цесарской области, а это скоро не дѣлается. „Такъ какъ королевское величество, отвѣчали послы, о дѣлѣ государевомъ радѣть, братскую любовь и дружбу исполняетъ и впредь хочетъ радѣть и имъ совѣтуетъ пождать—они ждать готовы, только бы онъ еще порадѣлъ чтобы дѣло въ протяжку не пошло“. Черезъ нѣсколько дней послы, не утерпѣвъ, напомнили Датчанамъ о своемъ желаніи поскорѣе узнать рѣшеніе дѣла. И извѣстіе наконецъ получено.

„Королевское величество, говорили посламъ (9 апрѣля) тѣ же канцлеръ и секретарь, по вашей просьбѣ, насколько могъ, радѣлъ о вашемъ дѣлѣ, посылаалъ къ Шлезвигъ-Гольштинскому герцогу и матери высоконареченной дѣвицы и извѣстилъ ихъ, какъ вы, послы, желали. И за нѣсколько дней былъ у короля посолъ Гольштинскаго герцога съ отвѣтомъ: герцогъ хотѣлъ бы радѣть государю и королю, но дѣвица сговорена уже за князя Цесарской области, дѣло зачато было раньше, воротить его нельзя; и за честь оказанную царемъ ему и дѣвицѣ онъ, герцогъ, бьетъ ему челомъ. Со своей стороны, король велѣлъ объявить вамъ что ему и самому печально что онъ не можетъ привести къ концу такого начатаго дѣла, какъ ни стараеся чтобы тѣмъ подкрѣпить съ царскимъ величествомъ прежнюю любовь и дружбу, да и голштинскіе князья сильно обрадовались было царскому предложенію и сожалѣютъ что у нихъ за многое до того время поминывалось то дѣло. И если понадобится, король готовъ радѣть царю гдѣ только будетъ пригодно, просить его и впредь имѣть съ нимъ навсегда любовь и дружбу попрежнему“. Предполагаемая здѣсь хитрый обманъ и намѣренную проволочку времени, наши сердца замѣтили совѣтникамъ: „зачѣмъ же ты, канцлеръ, предъ тѣмъ передавалъ намъ что сватается за ту князю князь Цесарской области и то дѣло еще не договорено? Вы сами же сказывали будто бы король посылаалъ къ Гольштинскому князю и къ матери той дѣвицы своего дворцоваго маршалка и тѣ писали ему что они сначала хотятъ подумать со своими близкими родными, которые живутъ въ Цесарской области, и подумавъ вскорѣ же вѣдомо учинять королевскому

величеству. Лучше бы вы тогда же дали намъ знать прямо, и мы съ вами больше бы и не говорили“. Датчане старались убѣдить пословъ что они ихъ не обманывали, что все было такъ какъ они говорили, что самъ король ничего не зналъ навѣрное, пока Голштинскій герцогъ не прислалъ ему послѣд-наго посла, и что не случилось бы этого недоразумѣнія и посламъ не пришлось бы понапраску проѣхать такой дальній путь еслибы царь сначала спросилъ о томъ короля нарочною грамотой. „Дѣло то великое, отвѣчали наши, исылать ся о немъ грамотой не годится, и мы, царскаго величества послы, о томъ не скажемъ что далеко вѣдали“. Затѣмъ они требовали себѣ отпуска.

Чтобы хоть сколько-нибудь смягчить тяжелое впечатлѣ-ніе произведенное на пословъ, въ честь ихъ устроили на прощаньи нѣсколько роскошныхъ обѣдовъ и въ Колленгагенѣ, и въ Фриденсбургѣ, въ новомъ красивомъ дворцѣ. Къ столу приглашались вмѣстѣ съ послами ихъ дворяне, переводчики, подъячіе и священникъ Иванъ. Пилооь по 4 чаши: за здо-ровье царя, короля, патріарха и королевича. Послѣ стола всѣ наши, въ томъ числѣ и посольскій священникъ, подходили къ королевской рукѣ. За столомъ и послѣ него король и его приближенные помногу разспрашивали ихъ о царѣ, патріар-хѣ, ихъ образѣ жизни, духовенствѣ, управленіи церковными дѣлами, ученыхъ Нѣмцахъ, о томъ есть ли въ Россіи музы-ка, обстроилась ли Москва и прочее. Послы искренно хва-лили свою вѣру и обычаи, царя и патріарха, сообщали что на Москвѣ многіе хорошо знаютъ греческій языкъ, самъ Фи-ларетъ Никитичъ „по-гречески грамоту умѣеть“; на вопросъ о томъ живутъ ли на Москвѣ Нѣмцы и Нѣмки и въ какомъ ходятъ пласть, отвѣчали: „государю нашему служатъ всѣхъ царствъ иноземцы многіе, ходятъ въ русскомъ и нѣмецкомъ пласть, кто въ чемъ хочетъ, также ходитъ и женскій полъ“.

8 мая отплывъ отъ датскихъ береговъ и 14 іюня прибывъ въ Москву, послы представили своему государю подробный „Статейный списокъ“* о томъ что они слышали, говорили и видѣли.

* Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Ино-странныхъ Дѣлъ, среди Датскихъ дѣлъ 1621 года, св 5, № 3, подъ заглавіемъ: *Статейный списокъ бытности въ Даниѣ пословъ дво-рянкина князь Алексѣя Лвова и дьяка Ждана Шипова*. О немъ до

V.

V. Сватовство Михаила Теодоровича за Екатерину, маркграфиню Бранденбургскую.

Оправдывая Христиана IV, который ничего не устроилъ въ пользу Михаила Теодоровича, его совѣтника, канцлеръ Фризь и секретарь Юнтеръ, въ послѣдней официальной бесѣдѣ (9 апрѣля 1622 года) съ царскими сватами за принцессу Доротеею Августу, между прочимъ сказали имъ: „великій государь вашъ прежде сослался бы о томъ съ королевскимъ величествомъ своему государскою грамотой и далъ знать ему по рабѣе, и король дѣлалъ бы тогда, пока та дѣвица не была сговорена; а нынѣ ему, королю, извѣстно что она сговорена, поворотить ничего нельзя, и вы, царскаго величества послы, вѣдали путь дальній и труды положили великіе какъ дѣло ужъ поминувалось“. Какъ бы пользуясь этимъ совѣтомъ, Московское правительство вскорѣ (24 июля того же 1622 года) назначаетъ переводчика Посольскаго приказа Елисея Павлова гонцомъ къ Шведскому королю Густаву Адольфу. Ему вручены были двѣ грамоты: одна, такъ сказать, показная, отъ царя, въ которой государь, отмѣчая то что королев-

сихъ поръ не было извѣстно. Всѣ свѣдѣнія о посольствѣ ограничивались у насъ слѣдующимъ. Изложилъ содержаніе наказа кн. Львову и дьяку Ждану, Соловьевъ (*Исторія Россіи*, IX, 1859, 169), всегда необыкновенно точный въ передачѣ архивныхъ матеріаловъ, на этотъ разъ, очевидно не видавъ *Статейнаго списка*, замѣчаетъ: „Сватовство кончилось ничѣмъ. Подъ предлогомъ болѣзни король отказался говорить со Львовымъ, а тотъ отказался объясняться съ близкими королевскими людьми“. То же, ссылаясь на Берха (*Царствованіе Михаила*, 133), о сватовствѣ повторяетъ Забѣляевъ (*Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ*. М. 1869, 240), прибавляя: „Сватовство, такимъ образомъ, даже не было начато. Лѣтопись разказываетъ что король отказалъ будто бы по слѣдующей причинѣ: прежде братъ мой вѣздилъ къ вамъ на Русь, при царѣ Борисѣ, который хотѣлъ отдать за него свою дочь Ксенію и, пріѣхавъ въ Москву, часу не жилъ тамъ, отравою уморили его; также и теперь дочь мою уморите“. Какъ видно, переговоры Львова велись долго и притомъ съ одними королевскими совѣтниками, а объ Иванѣ не было и пошуму.

скіе воеводы пограничныхъ областей принимаютъ русскихъ перебѣжчиковъ и чинятъ московскимъ подданнымъ различныя обиды, просилъ прекратить эту неурядицу и тѣмъ не нарушать договора; вторая грамота, тайная, отъ бояръ съ предложеніемъ королю о выдачѣ за Михаила Феодоровича королевской свояченицы, маркграфини Екатерины, дочери курфюрста Бранденбургскаго. „Государь нашъ, писали бояре, приспѣлъ въ дѣта мужескаго возраста и по преданію отеческому хочеть сочетатися законнымъ бракомъ, въ супружество хочеть взять и имѣть царицей и великою княгиней высокорожденную княжну Екатерину, урожденную маркграфиню и курфюрстову дочь Бранденбургскаго и тѣмъ еще сильнѣе укрѣпить и утвердить прежнюю любовь между ими, государями, и между Русскимъ и Шведскимъ государствами“. Отвѣтъ королевскихъ совѣтниковъ былъ такъ же кратокъ какъ это письмо бояръ. Король, значилось въ ихъ отвѣтѣ, принимаетъ то съ любовью и, если суждено Богомъ, желаетъ и будетъ помогать чтобы царскому величеству въ его начинаніи дѣлѣ счастье и совершеніе было безъ помѣхи; но не имѣя полной воли надъ высокорожденною княжною, онъ не можетъ выдать ее безъ ссылки съ ея близкими родными, и потому государь самъ бы сначала написалъ къ ея матери Аннѣ, маркграфинѣ и курфюрстинѣ Бранденбургской, ея брату Георгію Вильгему, маркграфу Бранденбургскому и курфюрсту Прусскому, также маркграфу Бранденбургскому Сигизмунду, Датскому королю Христіану IV и герцогу Саксонскому Іоанну Георгію и узналъ бы отъ нихъ какъ они о томъ дѣлѣ думаютъ. Король же полагаетъ что они согласятся и дѣло станется если государь общается сямой княжнѣ Екатеринѣ и всему женскому полу и слугамъ которые съ ней пріѣдутъ быть въ своей вѣрѣ и вольно держать свое лѣнье и службу въ киркахъ своихъ, чтобы ей и ея людямъ даны были особыя почетныя мѣста и города съ уѣздами, и что Польскій король, которому, конечно, не понравится этотъ бракъ, не будетъ допущенъ до ссоры съ подчиненнымъ ему Бранденбургскимъ курфюрстомъ.

Выслушавъ докладъ о результатахъ сношенія съ Густавомъ, царь и патріархъ отправили (15 января 1623 года) новаго гонца, переводчика Андрея Англера, и опять съ двумя грамотами, царскою и боярскою. Подавая (15 февраля) Густаву царскую грамоту въ которой заявлялось о дружбѣ

государя къ королю, Англеръ на вопросъ, нѣтъ ли съ нимъ какого другаго наказа, отвѣтилъ отрицательно; потомъ, придя на квартиру, онъ просилъ королевскихъ совѣтниковъ донести королю что у него есть грамота о великомъ государевомъ дѣлѣ, о которомъ бы Густавъ переговорилъ съ нимъ тайно, въ присутствіи лишь близкихъ къ себѣ лицъ. Король позвалъ его къ себѣ, принявъ отъ него боярскую грамоту относительно брачныхъ условій, обѣщая дать на нее свой отвѣтъ въ письмѣ.

Что король, говорилось въ боярскомъ письмѣ, хочетъ помогать государю, то государь принимаетъ съ любовью и за это подвиженъ ко всякому добру къ королевскому величеству; а что писалъ о вѣрѣ, то да будетъ ему, княжнѣ Екатеринѣ и ея роднымъ извѣстно: „похота быти за нашимъ царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ въ сочетаніи законнаго брака и сообща съ нимъ, государемъ, всѣмъ его великимъ государствомъ царицею и великою княгиней, ея княжеская милость, княжна Екатерина, для любви и крѣпкаго союза, самимъ Богомъ и отцы преданнаго, произволила бы быть съ нимъ, государемъ, въ одной православной христіанской вѣрѣ стараго, велорочнаго и непремѣннаго, самимъ Иисусъ Христомъ, апостолами и отцами преданнаго греческаго закона и, пришедъ въ царствующій градъ, приняла бы Святое Крещеніе, по древнему отеческому преданію, какъ Святая апостольская церковь пріяла. Безъ этого начальнаго и главнаго дѣла ихъ государскому законному сулужеству статься невозможно: потому что нашей православной христіанской вѣрѣ греческаго закона съ иными вѣрами рознь многая, и двухъ вѣрѣ великіе государи наши съ сулругами своими никогда не бывали и впредь то быть не можетъ; по преданію святыхъ апостолъ и отцовъ, пригоже женѣ къ мужу приступить и съ нимъ сообща хвалить и прославлять Всемилоствиваго Бога и владѣть своими государствами. И какъ по милости Божіей такое великое дѣло совершится, и то будетъ къ дутчей ихъ государской обоюдной любви, и Господь, видя ихъ единоревнительную къ Нему вѣру и взаимную любовь, подастъ имъ благородныхъ чадъ въ наслѣдіе преславнаго ихъ царскаго рода, а родителямъ и родственникамъ ихъ то будетъ къ славлѣ, похвалѣ и премногому утѣшенію, государствамъ ихъ къ расширенію, прибавленію, радости и благой надеждѣ, непріателямъ къ страху и отомщенію, потому что

тѣмъ ихъ государскимъ брачнымъ соединеніемъ многіе великіе государи будутъ между собою въ ссыакѣ, любви и на всякаго недруга въ соединеньи. А которые пріатели княжны Екатерины и ея слуги мужскаго и женскаго пола пріѣдутъ съ ней, тѣхъ всѣхъ государь пожалуетъ своимъ жалованьемъ и почтетъ по ихъ достоинству, и неволи имъ и недостатка ни въ какомъ житьѣ не будетъ ни въ чемъ. Въ вѣрѣ имъ быти, еси похотятъ, въ православной греческаго закона: ближнимъ людямъ при государѣ и царицѣ иновѣрцамъ быти не пригоже, костелы ивыхъ вѣрѣ въ Московскомъ государствѣ никогда не бывали и впредь то статися не можетъ, потому что то нашей православной вѣрѣ противно. Еси же эти лица принять нашу вѣру не похотятъ, а пожелаютъ возвратиться въ свою земаю, великій государь, пожаловавъ ихъ своимъ жалованьемъ, велитъ ихъ отлутить въ ихъ земаю поволью, безо всякаго задержанія“.

О „костелахъ ивыхъ вѣрѣ“ бояре написали больше чѣмъ было въ дѣйствительности. Собственно католическихъ храмовъ наше правительство, съ тѣхъ поръ какъ явился у насъ протестанты, за исключеніемъ эпохи перваго Самозванца, не допускало; лютеранская же кирка въ Москвѣ была еще при Грозномъ и простояла до смутной эпохи; при Михаилѣ Феодоровичѣ она снова возникла, и въ 1622 году, то-есть въ то время какъ писали бояре данное письмо, она была возобновлена пасторомъ Оксомъ на пожертвованія ея прихожанъ, между прочимъ, Елисея Англера, * едва ли не роднаго брата Андрея Англера, который отвезъ это письмо. Другая кирка находилась въ Нижнемъ Новгородѣ. ** Бояре были правы въ одномъ: для лицъ собственно дарствующаго рода у насъ иновѣрныхъ храмовъ не было. Кирки строились для ивоземцевъ состоявшихъ на службѣ, ведшихъ торговлю и для лаѣваныхъ.

Бояре находили невозможнымъ исполнить и другое условіе предъявляемое Густавомъ о выдѣленіи опредѣленныхъ

* Fescher, *Chronik*, 1; также въ нашей статьѣ: „Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго“, *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1883, IX.

** Olearius, *Colligite und viel vermehrte Reise-Beschreibung in der nach Muscau und Persien*. Hamburg, 1696. 176. *Die evangelisch-lutherischen Pfarre in Nischni-Nowgorod*, Ullman's Mittheil., III, 374.

жѣсть и городовъ. „Когда княжна Екатерина, писали она, приметъ христіанскую вѣру и сочетаетсяъ съ нашимъ государемъ, тогда всѣ великія Россійскія государства будутъ ихъ государскія, сообща, нераздѣльно, и воля ей, государынѣ, будетъ во всемъ по государскому чину и достоинству; и если она производитъ какіе города и уѣзды имѣть на свое имя и доходы съ нихъ собирать на свои дворовые обиходы и на службу, и великій государь нашъ за то не постытъ: города, мѣста и уѣзды даны будутъ безо всякой скудости, и во всю свою жизнь она скудости и неволи имѣть не будетъ“. Относительно оласеній какъ бы изъ-за брака не вышла ссоры и войны у Бранденбургскаго курфюрста съ Польскимъ королемъ, бояре выразились: „Нашему государю доподлинно извѣстно что курфюрстъ Бранденбургскій Прусское княжество имѣетъ и держитъ отъ Польскаго короля, только не подданствомъ, но леннымъ, то-есть вѣчнымъ правомъ, и ему воляно за кого бы ни захотѣлъ выдать сестру или дочь, король Польскій ему воспретатствовать не можетъ, потому что у Бранденбургскаго курфюрста и кромѣ того государство немалое, и въ нѣмецкихъ государствахъ много родственниковъ и пріятелей, да къ тому же и образецъ есть: самъ королевское величество женился въ томъ славномъ дому и взялъ за себя курфюрста Бранденбургскаго дочь, высокорожденную княжну Марію Леонору, и хотя Польскій король о томъ лгѣвался, однако курфюрсту Бранденбургскому учинить ничего не могъ, всчинать войну было бы противъ правды“.

На совѣтъ короля обратиться первоначально къ роднымъ невѣсты, бояре замѣчали: Густаву снестись съ ними ближе, у него даже живетъ теперь сама княжна Екатерина со своею матерью, а государю, пока ему неизвѣстны ихъ мысли, ссылаться съ ними непригодно. Въ выдахъ этого бояре предлагали Густаву чтобъ онъ отвѣтилъ скорѣе можетъ ли дѣло статься, какъ написано въ ихъ письмѣ, и можетъ ли онъ тайно отъ Польскаго короля снестись со своимъ шуриномъ, Бранденбургскимъ курфюрстомъ, такъ чтобъ у послѣдняго не вышла ссора съ Польскимъ королемъ пока дѣло не совершилось, а когда оно устроится и государь будетъ съ Густавомъ-королемъ и всѣми его родными въ пріятельствѣ, любви и соединеніи на всякаго недруга, въ то время Польскому королю врядъ мыслить о себѣ какъ бы ему самому уберечься, а не толи-что начинать неправду и войну. Есаи

государь получить благопріятное извѣстіе, то онъ пошлетъ къ роднымъ Екатерины любительныя письма, а къ Густаву для договора большихъ пословъ; но если король извѣститъ что дѣло по государевой волѣ сбыться не можетъ, все же государь останется съ королемъ въ дружбѣ попрежнему и мирныя договоры будутъ держать цѣло и ненарушимо.

Слишкомъ мѣсяцъ изговарялася отвѣтъ со стороны Шведскаго правительства. Въ своей грамотѣ (отъ 24 марта) къ Михаилу Феодоровичу Густавъ извѣщалъ что онъ присланныя съ Англеромъ царскую и боярскую грамоты выразумѣлъ и веаѣлъ своимъ думнымъ людямъ дать отъ его имени царскимъ ближнимъ боярамъ письменный отвѣтъ. Его министры подробнѣе развили тѣ мысли и условія какія имъ были выставлены въ ихъ письмѣ посланномъ съ Елисеємъ Павловымъ. „Первое условіе, писали они, при которомъ согласятся на бракъ невѣста и ея родные, которымъ она наказана то чтобъ ея княжеской милости, княжнѣ Екатерины было дозволено остаться въ своемъ крещеннѣи и христіанской вѣрѣ и держатья той церковной службы въ которой она воспитана имѣть при себѣ особую церковь лютерской вѣры и все что къ нашей христіанской евангелической вѣрѣ принадлежитъ подобно тому какъ она до сихъ поръ у своихъ имѣла; второе, чтобъ ея княжнѣи милости имѣть и держать у себя своихъ думныхъ дворянъ, слугъ и боярынъ ея вѣры, какихъ бы земель они ни были, и у нея не отнимать этой повоольности, какъ такія королевы и царицы вольность имѣютъ въ Цесарской, Шведской, Исланской, Французской, Англійской, Дацкой и Польской земляхъ; третье, чтобъ она была устроена особыми городами, землей и уѣздами на всю свою жизнь хотя бы, по Божьему произволенію, она пережила своего супруга“. Только при обѣщаніи государемъ этихъ условій, утверждали министры, король надѣется на счастливый исходъ сватовства и обѣщается холотать у родственниковъ княжны, и то лишь чтобы доказать дружбу къ государю, такъ какъ княжна ему не наказана; а что она теперь живетъ въ Швеціи, то единственно по любви ея и ея матери къ нему, королю, и его супругѣ, королевѣ Маріи Элеонорѣ. Подъ письмомъ подписалось болѣе двѣнадцати датскихъ сановниковъ, между ними графъ Абраамъ Виссенборгскій, канцлеръ Аксенстеръ и другіе. *

* Главный Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла Шведскія, св. 31, 1622 года, № 2: „Отправленіе въ Швецію

Принципы выраженные московскими и шведскими сановниками были такъ различны что соглашеніе здѣсь не могло произойти. У такого цѣльнаго въ своихъ воззрѣніяхъ народа какъ Московскій, въ глазахъ котораго къ тому же царь и его супруга имѣють священное значеніе, царица не могла быть иновѣркою, и Михаилъ Теодоровичъ, истощивъ средства добыть себѣ жену изъ иноземныхъ принцессъ которая бы приняла православіе, женился на русской боярышнѣ Евдокии Лукьяновнѣ Стрѣшневой, отличающейся своею красотой и отецъ которой принадлежалъ къ партіи сильнаго тогда боярина Ѳ. Ив. Шереметева *.

VI. Дѣло Вальдемара Датскаго и Ирины Михайловны. **

Семейная жизнь Михаила Теодоровича со Стрѣшневой текла мирно и радостно. Изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей осталось у нихъ въ живыхъ и подростало четверо: сынъ Алексѣй, здоровый мальчикъ, и три дочери, красавицы собою Роковой ударъ счастью нанесло сватовство ихъ старшей дочери Ирины за иноземнаго принца.

переводчика Елисея Павлова съ грамотой къ королю Густаву Адольфу о причиняемыхъ отъ его королевскихъ подданныхъ Россіи намъ обидахъ и о перебѣзчикахъ", св. 32, 1623 года, № 2: „Отправленіе въ гонцавъ переводчика Андрея Ангелера въ Швецію съ грамотой отъ царя Михаила Теодоровича къ Шведскому королю Густаву Адольфу, извѣщающую о желаніи государя вступить въ супружество съ родственницею его княжною Екатериной. Тутъ же данный ему, гонцу, отъ шведскихъ министровъ отвѣтъ и его Статейный списокъ”.

* Объ отношеніи Стрѣшневой къ Шереметеву и объ условіяхъ ея выбора въ царицы см. у Барсукова, *Родъ Шереметевыхъ*, II—III, и въ нашей статьѣ: *Московскіе бояре въ XVI и XVII вѣкѣ*. Моск. Вид. 1884, №№ 33 и 34.

** Офіціальныя документы этого дѣла находятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, среди Датскихъ Историческихъ, Греческихъ и Приказныхъ дѣлъ 1640—1646 годовъ, въ библіотекѣ Архива № 145 и въ Московской Синодальной Библіотекѣ №№ 279—281, и состоятъ изъ тысячъ двадцати листовъ. Архивныя матеріалы по мѣстамъ до того спутаны что даже такой знатокъ Архива, какъ Соловьевъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ введенъ въ очень грубое заблужденіе. Такъ, факты изъ второй поѣздки Марсе-

Къ половинѣ 1640 года у нихъ сзрѣло намѣреніе поискатъ жениха въ Данію, въ семьѣ извѣстнаго уже Михаила короля Христіана IV. Не женатымъ и не помолвленнымъ въ т

луса въ Данію онъ отнесъ (*Исторія Россіи*, М. 1859, 320—321) къ первой. Это потому что средняя часть показанія Марселиуса въ Польскомъ приказѣ о его второмъ путешествіи лежить въ актахъ относящихся къ его первой миссіи, и Соловьевъ, не выдавъ остальныхъ листовъ, начала и конца, которые находятся въ другомъ мѣстѣ листовъ черезъ тысячу отъ середины, отнесъ найденные имъ листы къ актамъ перваго путешествія. Извлеченіе Соловьева сдѣлано собственно изъ Датскихъ дѣлъ Архива, изъ Греческихъ дѣлъ онъ сдѣлано профессоромъ священникомъ Николаевскимъ („Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ въ половинѣ XVII столѣтія“ въ *Христіанскомъ Читеніи* 1882, I—II, 245—249), изъ синодальныхъ рукописей—въ *Описаніи рукописей Московской Синодальной Библиотеки*, II, 370—382, Горскаго, и въ *Исторіи Русской Церкви*, митрополита Макарія, XI, 105—114. Списки съ синодальныхъ рукописей, съ значительными вариантами, сокращеніями и дополненіями, весьма распространены. Между извѣстными экземплярами (Царскаго, Ундольскаго, Казанской Духовной Академіи и др.) одно изъ первыхъ мѣстъ долженъ занять неизвѣстный доселѣ экземпляръ принадлежавшій Е. В. Барсову. Въ немъ есть полный отчетъ о преніяхъ 4 іюля 1645 года, о которыхъ Соколовъ (*Отношеніе протестантизма къ Россіи*, М. 1880, прим. стр. 24) утверждаетъ, будто о нихъ не сохранилось актовъ; такой же отчетъ, замѣтимъ кстати, имѣется и въ синодальныхъ рукописяхъ № 279, л. 470—552 и № 280, л. 1—87, которыя не однократно цитуетъ и самъ Соколовъ. По экземпляру принадлежащему Казанской Духовной Академіи составлена цѣлющая аннотация статья: „Матеріалы для исторіи русско-церковной полемики противъ лютеранства въ первой половинѣ XVII столѣтія, *Православныя Собесѣдники* 1861, II. Кроме официальныхъ матеріаловъ, важны два современныя событію сочиненія: одно иностранное, другое русское. Первое принадлежит перу вѣроятно одного изъ спутниковъ Вальдемара: *Nachricht von Woldemar Christian Guldenslöwe Grafen von Schleswig-Holstein, Sohn des dänischen Königs Christian des Vierten, von der Christina Munk, Reise nach Russland, zur Vermählung mit des Zaren Michael Fedrowitsch Tochter Irene*, въ *Magazin für die neue Historie* Büsching'a X, 213—276 (переводъ на русское языкъ въ *Чтен. Императорскаго Москов. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* 1867, IV). Русское сочиненіе написано въ Москвѣ, въ первые мѣсяцы по отъѣздѣ Вальдемара изъ Россіи и находится въ собраніи рукописей Е. В. Барсова, № 59, л. 3—42. Заглавіе его: *Повѣсть и писаніе извѣстно, о ебже случился быти въ нашей Руской земли: о нынѣшнихъ настоящихъ лѣтѣхъ, осмыя тысящи во вторые стл*

лору оказался третій сынъ короля, отъ второй его жены *, графини Христины Мункъ, Вальдемаръ. По отобраніи необходимыхъ свѣдѣній въ Москвѣ отъ „Датскаго короля прикащика“ Петра Марселиса, въ декабрѣ отправили въ Данію гонца, переводчика иностранца Ивана Омина съ дипломатическимъ порученіемъ касавшимся Гольштинскаго герцога, который не исполнялъ условій договора относительно торговли съ Персіей. Но главною цѣлью посольства было желаніе царя Михаила собрать тайнымъ образомъ на мѣстѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о королевской семьѣ и въ особенности о королевичѣ Вальдемарѣ: его лѣтахъ, наружности, умѣ, образованіи, характерѣ, физической крѣпости, а также и о томъ не створенъ ли гдѣ жениться. Послу было настрого наказано стараться всѣми средствами не только лично видѣть королевича, но персону его нарисовать лодянно въ листъ или на доску, безъ прилиси, прямо, для этого подкупить лисца и, если окажется нужнымъ, помѣшкать ведѣю или двѣ, притворившись больнымъ, и не скупись на подарки; а чтобы не догадались, заказать нарисовать персоны самого короля Христиана и его другихъ сыновей. Порученіе Оминъ исполнилъ точно. Возвратясь въ Москву, онъ представлялъ портреты и довесь государю что королевичъ Вальдемаръ двадцати лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ лицомъ здоровъ и разуменъ, знаетъ по-латыни, французски, итальянски, верхне-нѣмецки, знакомъ съ воинскимъ дѣломъ.

Какъ ни секретно велъ свои дѣла Оминъ, Датскій дворъ угадалъ его мысли. Когда посоль былъ еще въ Копенгагенѣ, королевскій секретарь, спросивъ его зачѣмъ ему лонадобились портреты, прибавилъ: „если государю вашему короле-

въ пятой десятирцѣ, во второмъ и третьемъ лѣтъ; есть же убо и слезамъ достойно. Въ общемъ оглавленіи статей сборника, сдѣланномъ значительно поздѣе, заглавіе измѣнено: *Посѣсть, о смезанной кончинѣ государя Михаила Феодоровича, случившейся по безуспѣшному дѣлу супружества княжны Ирины Михайловны съ Вальдемаромъ королевичемъ.* Оба эти сочиненія важны главнымъ образомъ потому что изъ нихъ весьма ясно видимъ какъ отразилось событіе въ сознаніи Датчанъ и Русскихъ, какъ они понимали его. Нѣтъ въ виду со временемъ составить большое сочиненіе о дѣлѣ Вальдемара и издать главнѣйшіе, относящіеся сюда документы, мы ограничимся здѣсь передачей существаго.

* „Отъ жены съ лѣвой руки“, какъ выразилса Марселисъ въ Польскомъ приказѣ.

вичъ Вальдемаръ надобенъ для воинскаго дѣла, король отпустилъ его къ царскому величеству.“ Датскимъ вельможам хотѣлось удалить Вальдемара чтобы не имѣть въ немъ искателя на вице-королевскій санъ, на который онъ по своимъ правамъ могъ мѣтить. Самъ Христіанъ былъ далеко и прочь опредѣлить его къ мѣсту въ Москвѣ, породнивъ с Михаиломъ Федоровичемъ. Съ этою цѣлію онъ снарядилъ в Россію посольство во главѣ котораго поставилъ Вальдемара, вторымъ посломъ былъ Григорій Краббе. Вмѣстѣ съ нимъ стою торговою миссіей для датскихъ купцовъ Вальдемаръ получилъ отъ отца тайный наказъ на случай еслибы въ Москвѣ стали сватать его за Ирину Михайловну; наказъ былъ за подписью короля и королевскою печатью, и будто бы не былъ извѣстенъ даже Краббе. Вальдемару приказывалось принять предложеніе если царь, между прочимъ, обезпечитъ ему свободу вѣроисповѣданія, и просить для окончанія дѣла прислать къ королю московскихъ пословъ.

Такъ какъ Вальдемаръ былъ объявленъ „посломъ, графомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ“, а не королевичемъ, то его повсюду принимали какъ только посла. Переговоры о торговлѣ шли довольно оживленно. Датское правительство просило повольной торговли для своихъ купцовъ по всему Московскому государству, мовололіи по торговлѣ въ Россіи кожамъ и юфтью, позволенія построить прядильню для канатнаго дѣла, имѣть въ Москвѣ агентовъ и прикащиковъ, строить по городамъ дворы и кирки, обѣщая со своей стороны увеличеніе пошлинъ и т. д. Отклоняя просьбы о мовололіи но дозволяя съ нѣкоторыми ограниченіями торговлю, бояре составили уже грамоту на вѣчное докончаніе. Пунктъ о купкахъ, религиозной свободѣ и мѣстѣ жительства купцовъ имъ опредѣленъ особенно точно. „А что они, послы, было напелано въ грамотѣ, говорили и били челомъ царскаго величества боярамъ и думнымъ дьякамъ, чтобы великій государь нашъ, его царское величество, государя ихъ Крестьянуса короля Датскаго, его королевскаго величества подданныхъ торговыхъ людей пожаловалъ въ которыхъ городахъ имъ торговать и въ тѣхъ бы городахъ поволять имъ дворы ставить гдѣ имъ товары свои класть и торговать бы имъ въ Москвѣ, Новгородѣ и у Архангельскаго города, и гдѣ торговать и тутъ бы кирки и дворы ставить. И великій государь нашъ, его царское величество, для государя его Крестьянуса короля братскія дружбы и любви, подданныхъ его то

говыхъ людей пожаловалъ, позволилъ въ Новгородѣ всѣмъ одиѣ дворъ купить или поставити, во Псковѣ одиѣ же дворъ всѣмъ, у Архангельскаго города одиѣ же дворъ всѣмъ купить или поставити, а на Москвѣ государя ихъ у королевскаго прикащика у Давыда Николаева дворъ куплеи, до тому жъ Давыду, по царскаго величества указу, для тѣхъ же государя его подданныхъ торговыхъ людей подлѣ того его двора позволено купить другое торговое мѣсто, а киркамъ на Москвѣ и ни въ какомъ городѣ Московскаго государства не быть. А которые великаго государя нашего, его царскаго величества, подданные торговые люди учнутъ ѣздити для торговаго промыслу въ Датскую земаю и въ которыхъ городахъ Датскаго королевства тѣ великаго государя нашего, его царскаго величества, подданные торговые люди учнутъ торговать, и во тѣхъ городахъ по тому жъ государю его Крестьянусу, королю Датскому, его королевскому величеству, позволить имъ дворы купить или ставити“.

При составленіи бѣловой договорной грамоты возникли пререканія, уже случавшіяся и прежде: чье имя, царское или королевское, писать прежде. Требованіе Вальдемара чтобы въ датской грамотѣ королевское имя было написано раньше царскаго, боярами не могло быть исполнено, и переговоры не могли кончиться ничѣмъ. О бракѣ наши не заговаривали. Государя повидимому тревожило сомнѣніе относительно законности происхожденія Вальдемара и дѣйствительнаго почета ему среди Датчанъ. Сопровождавшимъ и бывшимъ при Вальдемарѣ приставамъ было наказано свѣдѣть возможно внимательно, какъ относятся къ нему Датчане. Пристава доносили что Краббе и другіе почитаютъ его государскимъ обычаемъ. Вальдемаръ показалъ тайный наказъ Марселусу. Этотъ прочелъ, но довести о томъ до свѣдѣнія правительства и намекнуть ему о сватовствѣ почему-то не осмѣлился. Быть-можетъ ему не было еще извѣстно съ какимъ собственно намѣреніемъ правительство производило о Вальдемарѣ свои справки. Такъ послы и отвѣщали, ничего не свѣдѣвъ здѣсь.

Слуста полгода (12 апрѣля 1642 года) въ Москвѣ рѣшили отправить въ Давію пословъ: окольникаго Степана Матвѣевича Проѣстева и дьяка Ивана Патриксѣва докончить договоръ и начать сватовство. Въ существенныхъ своихъ частяхъ тайный имъ наказъ о сватовствѣ былъ почти буквально

нымъ повтореніемъ прежняго наказа князю Львову, толь-
вѣсто „высокорожденной королевской племянницы“ ловс-
ду стояло „королевичъ Волдемаръ Христіанусовичъ“, вмѣ-
сто имени жениха-государя—има невѣсты-царевны. Не бы-
допущено измѣненій не только въ пунктѣ о перекрещиван-
и о Датчанахъ, но даже въ пунктѣ объ отводѣ брачной чети
отдѣльныхъ владѣній: какъ и прежде, было обѣщано просителю
что государь будетъ держать ее въ чести, нужды ей не б-
детъ. Значительныя поправки, сообразно съ обстоятельствами,
сдѣлали лишь въ такихъ маловажныхъ частяхъ какъ в
просѣ о портретѣ. „Ежели спросятъ, было наказано посламъ
есть ли съ ними персоны царевны, то отвѣчать: „у нашихъ
великихъ государей Россійскихъ того не бываетъ чтобъ пер-
соны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ госу-
дарскаго здоровья, въ чужія государства возить, да и в
Московскомъ государствѣ очей государыни царевны, кромъ
самыхъ ближнихъ бояръ, другіе бояре и всякихъ чиновъ лю-
ди не выдаютъ.“

Проштова и Патрикѣва король принималъ весьма недруж-
любно, на представленіи не хотѣлъ было даже спросить о го-
сударевомъ здоровьѣ, и исполнялъ обычай лишь благодар-
ить настоянію. Помѣщеніе титула олять помѣшало совер-
шить доковчанье. Не успѣвъ въ одномъ, послы принялись
за исполненіе второй миссіи. Но такъ какъ они, сообразно
наказу, не могли обѣщать королевичу опредѣленныхъ земель
въ Московскомъ государствѣ и требовали что онъ долженъ
креститься въ православную вѣру, то не имѣли удачи и в
этомъ. Несчастіе продолжало преслѣдовать ихъ. Въ Посоль-
скомъ приказѣ подвергли ихъ суду, обвинивъ въ вероломствѣ
и неумѣнью исполнять царской воли: въ раздачѣ соболей
денегъ не сообразовались де съ пользою государя, а сорили
всѣмъ этимъ ради своей чести, переговоры вели слишкомъ
коротко и часто отвѣчали не влопадъ или совсѣмъ мол-
чали и послѣднимъ уѣхать послаѣ перваго же отказа, не снесъ
пись напередъ съ государемъ.

Поправить дѣло надѣялись чрезъ датскаго комиссара Пе-
тра Марселуса. Его позвали (4 декабря 1642 года) въ Посоль-
скій приказъ. Припомнивъ прежнія службы его, Петра, и
отца его Гаврилы и полученныя ими за то царскія милос-
сти и ловольность въ торговлѣ, бояре поручили ему новую
службу государю—ѣхать въ Данію сватомъ, обѣщая ему

новыя награды. Марсеансъ тотчасъ согласился *, такъ какъ онъ понималъ какія, въ случаѣ удачи, могутъ быть отъ того выгоды какъ для него, такъ и для всей протестантской колоніи, лишь потребовалъ чтобъ ему позволено было ничего не говорить Вальдемару относительно перекрещиванья, то-есть не предлагать ему принять православіе. Въ Приказѣ находили это невозможнымъ и уговаривали его порадѣть и о вѣрѣ. Тогда Марсеансъ сообщалъ что Вальдемаръ въ бытность свою въ Москвѣ казалъ ему королевскій наказъ въ которомъ отецъ настрого запрещалъ сыну отказываться отъ лютеранства, „и онъ, королевичъ, мимо отца своего наказу и въ то время того учинить и къ греческой вѣрѣ приступить не хотѣлъ, и нынѣ ему, Петру, чтобы королевичу вѣхать креститься въ православную вѣру греческаго закона, о томъ говорить королю и королевичу некоторыми мѣрами не смѣть, а только про то имъ говорить, и ему быть въ опасѣ“. Бояре смолчали, но чрезъ нѣсколько дней Марсеансъ получалъ назначеніе отправиться въ Данію. Объ этой службѣ объявлялъ ему бояринъ Ѡ. И. Шереметевъ. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, онъ запросилъ соболей на 2.600 руб. для раздачи въ Данію, привилегію для себя на желѣзный промыселъ на 20 лѣтъ, покровительство оставшейся въ Москвѣ его женѣ. Просьбы его удовлетворили съ избыткомъ: къ соболямъ на 2.600 р. прибавили ему 500 р. деньгами въ качествѣ награды за службу (съ Профстевымъ и Патрикѣвымъ соболей было послано на 2.000 р.). Наказъ былъ составленъ

* Такъ въ официальныхъ архивныхъ документахъ (Дѣла Датскія, св. 13, № 8: *Отправленіе въ Данію датскаго комисара Петра Марсеанса*); по рукописи же „Повѣсть о внезапной кончинѣ государя Михаила Феодоровича“, Марсеансъ самъ вызвался и добивался того. Упомянувъ объ опасѣ на Профстева и Патрикѣва и о царскомъ умышлѣніи что имъ не удастся заручить Вальдемара, авторъ продолжаетъ (л. 8): „о сядевыхъ нѣкіи же заодѣй астивный врагъ такіи же поганивъ Нѣмцивъ адѣшкіи житель Петрушка Марсеансъ, шкѣа на себѣ воицкскій чинъ, царю служба, вида царя и царицу печалыиъ о таковой вещи и пѣзѣся царю и царицѣ, ако да и деть тамъ въ Датскую землю къ королю Христіанусу и сыну его къ королевичу Вальдемару, ако да увѣщаецъ и подыметъ того печестиваго, ако быти ему въ Рускую землю къ нѣмцъ, государемъ. Царь же и царица повелѣста ему ити и творити глаголемая, и даста ему честь велию зѣло и потребнаго довольно.“

какъ ему желалось. О прежнихъ послахъ оныъ долженъ былъ доложить королю что они поступали неправильно и нерадиво, на вопросъ о чести и о земляхъ для королевича отвѣчали не по наказу, а о вѣрѣ и о крещеніи не на вопросъ ближнихъ королевскихъ людей. Королевича де государь ставеть держать въ большомъ пріательствѣ и въ государственной чести, какъ государскаго сына и зятя, и одарить его всѣми: города, села и денежная казна будетъ у Вальдемара многая, получить оныъ большіе города Суздаля и Ярославля съ уѣздами, волостями и всякими доходами, и цѣны города и села и волости какіе ему годны; „въ его вѣрѣ неволи не будетъ, а въ православную христіанскую вѣру греческаго закона крещеніе всѣмъ людямъ даръ Божій: кого въ то Богъ приведетъ, тотъ то и приметъ, а воля Божія выше всѣхъ человѣческихъ мыслей и дѣлъ“. Ближнимъ и дворовымъ людямъ королевича будетъ оказана государская милость по ихъ достоинству, неволить ихъ ни въ чемъ не будутъ, и заявившихъ желаніе возвратиться всегда отпустить безъ задержки. Каждое условіе оныъ долженъ былъ, конечно, предложить не прежде чѣмъ о томъ спросить его.

Марселису теперь легко было склонить на свою сторону Датское правительство. Прибывъ въ Копенгагенъ 14 марта 1643 года, 20 марта оныъ былъ представленъ королю и тутъ же прямо изложилъ московскія условія. Чуть не съ каждымъ днемъ нуждаясь все болѣе и болѣе въ посторонней помощи противъ Швеціи, которая явно готовилась открытъ противъ Даніи свои враждебныя дѣйствія, Христіанъ охотно согласился отпустить своего сына. Вальдемара, который за свою бытность въ Москвѣ имѣлъ достаточный случай убѣдиться въ неуступчивости Русскихъ, ѣхать сюда, правда, теперь не таяло, но отказаться оныъ не смѣлъ боясь тѣмъ оскорбить отца. Серіозныхъ прелатствій къ браку не находили. Оставалось заручиться отъ царя письменнымъ обѣщаніемъ.

Марселисъ получилъ (8 апрѣля) королевскую грамоту, которую оныъ долженъ былъ доставить въ Москву. Заявивъ о своей готовности держать съ государемъ дружбу и прекратить споръ о титулѣ столько лѣтъ мѣшавшій учиниться письменному укрѣпленію, Христіанъ писалъ что оныъ для взаимнаго союза готовъ способствовать сватанью царской дочери за его сына, только бы ему напередъ получить отъ государя отвѣтную грамоту за царскою печатью и подписью,

съ утвержденіемъ необходимыхъ статей. Между ними первое мѣсто занимаетъ условіе насчетъ свободы вѣроисповѣданія: королевичу, его двору и саугамъ въ вѣрѣ и законѣ неволи быть не должно и будетъ отведено ему мѣсто для поставленія кирки. Второе условіе касалось положенія королевича въ государствѣ и царской семьѣ, чтобъ онъ кромѣ царя и царевича никого не имѣлъ выше себя; остальные три условія опредѣляли содержаніе его и его двора: обѣщанные города Суздаля и Ярославль съ ихъ уѣздами должны остаться за нимъ и его потомствомъ навсегда, было бы честиѣ и славиѣ есаибы прибавлено было къ тому денежное приданое; такъ какъ доходы съ городовъ неизвѣстны, то царь назначилъ бы еще опредѣленную сумму денегъ, изъ которой часть королевичъ тратилъ бы на содержаніе своего двора, другую оставлялъ для себя; управлять своимъ дворомъ, одѣвать его и принимать къ себѣ на службу и отпускать назадъ за границу королевичъ будетъ по своему усмотрѣнію.

Въ Москвѣ встрѣтили Марселиса какъ датскаго посланника, въ подешномъ корму приравнявъ его къ пріѣзжавшему прежде Гомеру, и удостоили торжественнаго представленія царю. Пока Марселисъ выхлалатывалъ чтобъ ему вознаградили убытки (1.100 р.) повесенные имъ въ Даніи, въ Приказѣ готовили отвѣтную, за большою государевою печатью, грамоту въ которой на всѣ статьи предъявленныя королемъ давалось царское согласіе * съ обѣщаніемъ прибавить денежнаго приданого триста тысячъ рублей и предложеніемъ чтобы королевичъ взялъ съ собою изъ Даніи триста человекъ и всѣ земли принадлежація ему подъ датскою короной оставались въ вѣчномъ наследственномъ владѣніи обоихъ супруговъ. Собственно о вѣрѣ отвѣтъ гласилъ: „королевичу графу Валь-

* Чтѣ, конечно, хранилось отъ остальныхъ Москвитанъ подъ величайшимъ секретомъ. Повидимому, объ условіяхъ о вѣрѣ точно не зналъ даже патриархъ Іосифъ. Когда пріѣхалъ Вальдемаръ въ Москву, посланный къ нему отъ патриарха Францбековъ говорилъ королевичу что Марселису не было наказано ни говорить, ни рѣшать вопроса о вѣрѣ. Авторъ *Повѣсти о везавной кончинѣ Мишона Теодоревича* не принадлежавшій къ правительственнымъ лицамъ и писавшій не на официальныхъ документахъ, а на основаніи косвенныхъ въ городѣ слуховъ, утверждаетъ (а. 9), будто Марселисъ убѣждалъ королевича вѣхать сюда „только жениться, а не креститься по нашему русскому обычаю“, то-есть въ дѣйствіяхъ Марселиса онъ видѣлъ хитрость, какъ бы прамый обманъ.

демару и его всему двору и саутамъ въ вѣрѣ и въ закѣ неводи никакой не будетъ, а о томъ чтобы позволено бы мѣсто гдѣ кирку поставить, договоръ будетъ съ послами королевскаго величества, которые придутъ съ его королевскимъ сыномъ къ нашему царскому величеству къ Москвѣ гдѣ киркѣ быть. А у предковъ нашихъ, у великихъ государей и великихъ князей Россійскихъ, и нынѣ у насъ, великаго государя, многихъ окрестныхъ государствъ иноземныхъ вѣрѣ люди которые у насъ, великаго государя, и подданствѣ, и мы, великій государь, и у тѣхъ въ ихъ вѣрѣ и въ законѣ воли не отнимаемъ, и кирки по ихъ вѣрѣ есть, и моленье свое совершаютъ по своимъ вѣрамъ и закону.“

Интересно сопоставить этотъ отвѣтъ о киркахъ съ тѣмъ что за двадцать лѣтъ ранѣ писали бояре Шведскому правительству. Тогда утверждалось что иноземныхъ храмовъ у насъ нѣтъ и не бывало, а между тѣмъ тогда кирка стояла самой Москвѣ; теперь съ такою же силой утвержили въ противуположномъ, и между тѣмъ теперь не было въ Москвѣ ни одной кирки, такъ какъ онѣ были весной и лѣтомъ этого года разрушены по распоряженію самого правительства. Здѣсь мы совершенно неожиданно встрѣчаемся съ рѣшеніемъ темнаго въ исторической наукѣ вопроса, почему именно правительство вдругъ опять сочло нужнымъ возстановить лютеранскую свободу общественнаго богослуженія, только чуждымъ тѣмъ отягую у всѣхъ протестантовъ. Сватовство Ваальдемара при посредствѣ Марселуса, какъ оказывается въ судьбѣ московскихъ кирокъ имѣло весьма важное значеніе. Объяснимся.

Послѣ смутнаго времени, принесшаго такъ много бѣдствій отъ иноземцевъ, Русское правительство преимущественно опасалось тѣмъ чтобы отдалить иностранцевъ отъ непосредственнаго общенія съ православными, обособить ихъ. Какъ бы игнорируя то, допущенные въ Москву протестанты съ европейскою юркостію захватывали въ лучшихъ мѣстахъ столичные русскіе дома, перебивая ихъ у русскихъ покупателей и своими средствами наживы наносили нашимъ большой материальный ущербъ; иные изъ нихъ, нанимая себѣ квартиры своихъ и у Москвичей, продавали всякіе товары, оломъ и в розницу, безлопачивно. вмѣстѣ съ тѣмъ они увеличили число кирокъ. Такъ какъ кирка о которой мы упоминали под 1622 годомъ сгорѣла (1626 года), то прихожане построили

себѣ новую церковь деревянную, въ Большомъ или Земляномъ городѣ (Скородомѣ), у Фроловскихъ (нынѣ Мясницкихъ) воротъ, на мѣстѣ кулаевномъ общиной у вдовы Іоахима Люмзена и второго ея мужа Іоста Кивета; церковными старостами при этомъ построениіи были извѣстные намъ Елисей и Андрей Англеры. Не всѣ однако члены общины остались ея прихожанами. Часть ихъ отдѣлилась (1626 года) составивъ изъ себя отдѣльную общину и выстроивъ себѣ въ Бѣломъ (Царь) городѣ новую церковь, которая однако простояла всего до 1632 года, когда, вслѣдствіе ссоры и драки происшедшей въ ней между Нѣмками, ея по приказу патріарха велѣно было срыть и перенести въ Скородомѣ. Но лютеране какъ-то снова построили ее себѣ въ Бѣломъ городѣ; тамъ еще въ 1629 году основалась реформатская община, состоявшая по преимуществу изъ Англичанъ и Голландцевъ. Первоначально она доводствовалась небольшою деревянною капеллой, затѣмъ, рядомъ съ нею, приступили было къ постройкѣ большой каменной кирки, но довести ее до конца не успѣли, какъ разразилась надъ церквами правительственная гроза.* На Шведскомъ дворѣ завелась особая домашняя

* Ссылаясь на русскій перевод Олеарія у котораго находятса эти данныя о киркахъ, преосвященный Макарій (*Исторія Русской Церкви*, С.-Петербургъ 1882, XI, 233) помѣщаетъ лютеранскую и кальвинскую кирки и реформатскую часовню въ Московскомъ Кремлѣ. Это ошибочно. Въ подавляющій (*Reise-Beschreibung*, Hamburg, 1696, 166) стоитъ: „in der Stadt Musseau im Grauss Zaargorod“ и на картѣ Москвы приложенной къ нѣмецкому изданію Олеарія (между 72—73 стр.) раззначаються слѣдующія части города: „A. Das Schlos Kremelena. B. Kitaygorod. C. Zaargorod vel Bielgorod. D. Skarodum. E. Streletaka Slowoda.“ Слѣдовательно Царь-городъ Олеарій съ Кремлемъ не отождествлялся и мѣсто кирокъ указалъ вѣрно, въ третьей части города. Несмотря на утверженія многихъ нѣмецкихъ и русскихъ историковъ московскихъ протестантскихъ церквей, въ Кремлѣ, какъ православно-русской святынь, кирокъ никогда не существовало (См. Feschneg's *Chronik*, 1876, I, 164—165 и др., также въ нашей статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883, IX, 77). Другую рѣзкую ошибку дѣлаетъ Соколовъ (*Отн. Прот. къ Россіи*. М. 1880, 15), одно и то же событіе изъ жизни реформатской капеллы и церкви раздѣлая на два, изъ которыхъ одно относитъ даже къ XVI столѣтію. Въ XVI столѣтіи реформатской церкви въ Москвѣ не было; разрушеніе же случилось одинъ разъ (а не два) и только въ 1643 году, какъ это прямо и означаетъ Олеарій, когда въ изданіи своего сочиненія 1647 года говоритъ: „за три года предъ тѣмъ“ (vor 3 Jahren).

церковь, такъ-сказать посольская. Замѣчательно что и теранская и реформатская община производили церкви постройки въ Бѣломъ городѣ тайно, безъ разрѣшенія и вѣдѣнія вѣдѣнаго правительства. Послѣднее обстоятельство, а особенно то вновь построенныя кирки стояли близъ православныхъ храмовъ, крайне соблазняло нравственно-религіозное чувство православныхъ. Московскіе и иногородные купцы не рѣшались жаловаться правительству на незаконныя убытки наносимыя имъ иноземцами; въ 1638 году челобитная была подана нѣсколькими сотнями купеческихъ подлисей; въ началѣ сороковыхъ годовъ жалобы повторились. Съ купцами и земцы легко совладѣвали, почти все ограничивалось личнымъ опросомъ и формальнымъ имъ выговоромъ отъ правительства. Тогда мѣстные интересы вѣдали подъ своєю заступою часть московскаго духовенства которая сумѣла поставить вопросъ на нравственно-религіозную почву. Причѣмъ однадцати московскихъ церквей, въ томъ числѣ церкви Николая Чудотворца (нынѣ въ Армянскомъ переулкѣ), церкви Козьмы и Даміана (на Маросейкѣ) подали (2 марта 1643 года) царю челобитную, жалуюсь что „въ ихъ приходахъ Нѣмцы на своихъ дворахъ вблизи церквей поставили ропаты, и Русскихъ людей Нѣмцы у себя во дворахъ держатъ, и всякое оскверненіе Русскимъ людямъ отъ тѣхъ Нѣмцевъ бываетъ, а тѣ Нѣмцы, не дожидаясь государева указа покупаютъ дворы въ ихъ приходахъ вновь, и вдовы Нѣмки держать у себя въ домахъ всякія корчмы и блудницъ и многіе прихожане которые у нихъ въ приходахъ живутъ хотятъ свои дворы продавать Нѣмцамъ, потому что Нѣмцы покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогою цѣною предъ Русскими людьми вдвое и больше, и отъ тѣхъ Нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ“. Слѣдствіемъ челобитной было то что царскимъ указомъ велѣно „на Москвѣ въ Китаи и въ Бѣломъ городѣ, и за городомъ въ слободахъ дворовыя и дворовыхъ мѣстъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ вдовамъ у русскихъ людей не покупать и купчихъ и закладныхъ на то время въ Земскомъ приказѣ не записывать; а ропаты которые у Нѣмцевъ поставлены на дворахъ близъ русскихъ церквей сломать“. Изъ приказа Большаго дворца прислана была (4 марта) о томъ памятка въ Земскій приказъ чтобы исполненна была царская воля; тѣмъ Русскимъ которые и послѣ того осмѣлились бы продавать свои дома и дворовыя мѣста угрожалось царскою опалой.

Понимая всю невозможность, при настоящем настроеніи правительства, остановить исполненіе указа, шведцы, по видимому застигнутые врасплохъ, употребили усилія чтобъ удержать по крайней мѣрѣ старую кирку, стоявшую на окраинѣ города, за Фроловскими воротами у Землянаго вала. Пользуясь примѣромъ бывшимъ при Годуновѣ, они дѣйствовали черезъ придворныхъ докторовъ. Докторъ Бѣлау, недавно прибывшій въ Россію и милостиво принятый (9 апрѣля) царемъ, черезъ ближняго боярина Ѡ. И. Шереметева вѣдавшаго Аптекарскій приказъ, обратился со своими двумя сослуживцами къ царю съ челобитной (4 мая). Тѣ шведцы, докладывавось въ ней, которые въ Бѣломъ городѣ построили себѣ церковь и на которыхъ жаловалось духовенство, новопріѣзжіе; у нихъ же, докторовъ, въ Бѣломъ городѣ богомолья никогда не было; сходились они вмѣстѣ со служилыми шведами, переводчиками и торговыми людьми за Фроловскими воротами, близъ Землянаго города, гдѣ они молились и молятся Богу и проповѣдуютъ Евангеліе и въ своихъ службахъ всегда отъ чистаго сердца молятъ Бога за государево многолѣтнее здоровье и за счастливое воздержаніе скипетра великаго Россійскаго государства; о томъ дворѣ челобитчиковъ и близъ его русскихъ храмовъ нѣтъ, кругомъ все огороды; и имъ, докторамъ, далѣе того мѣста ѣздить изъ города невозможно, для того что всякій часъ имъ нужно быть готовымъ для обереганія царскаго здоровья. Въ виду этого доктора просили дозволить имъ вмѣстѣ съ другими прежними шведами продолжать сходитьсѣ на этотъ мѣстъ по старому, какъ то вѣчно было при отцѣ государевомъ, Филаретѣ Никитичѣ. Москва разрослась; указываемое докторами мѣсто казалось правительству близкимъ, и кирка была сломана, такъ что у московскихъ лютеранъ не осталось ни одной церкви.

Какъ разъ въ это несчастное для кирокъ время пріѣзжаетъ (во второй половинѣ мая) въ Москву Марсеаисъ съ королевскою грамотой, гдѣ такъ настоятельно говорится о свободѣ вѣры и мѣстѣ для кирки Вальдемару и его придворнымъ. Въ первыхъ числахъ іюня грамота была переведена въ Посольскомъ приказѣ; Марсеаисъ также передалъ, какъ онъ увѣрялъ въ Даніи относительно свободы вѣры. Правительству не трудно было теперь догадаться что если оно желаетъ завлечь Вальдемара въ Москву, то необходимо поддер-

жать за границей славу о своемъ покровительствѣ лютеранскому вѣроисповѣданію; вопросъ о московскихъ киркахъ его глазахъ неожиданно самъ собою соединился съ вопросомъ о сватовствѣ. Едва ли обошлось здѣсь безъ косвеннаго участія Марселиса. Кромѣ того что интересы лютеранства и пноземцевъ ему были близки и самъ онъ отащала большими захватами, такъ что за нѣсколько лѣтъ претѣмъ (1638 года) купцы прямо указывали на неправильное занятіа имъ дома на Поганомъ (нынѣ Чистомъ) прудѣ, челобитной духовенства и распоряженіемъ по ея поводу о былъ задѣтъ лично: домъ въ которомъ онъ тогда жилъ стоялъ близъ церкви Козьмы и Даміана, причтъ которой принадлежала пноземцевъ. Видную роль тогда игралъ другой пноземецъ, Андрей Келлерманъ, тоже занимавшійся торговлею не разъ исполнявшій различныя порученія правительства пностраннымъ дворамъ; его сынъ, Андрей, ѣздилъ въ Данвиѣстѣ съ Иваномъ Омичевымъ, развѣдывавшимъ о Вальденрѣ, и захватилъ съ собою одну нѣмецкую брошюру о вой Швеціи съ Австріей, которую отецъ принесъ въ Посольскі приказъ; ее перевели и прочли государю. Съ Марселисомъ Келлерманъ конечно былъ знакомъ хорошо и весьма возможно кое-что узналъ отъ него. Келлерманъ нашелъ что тепе весьма удобно снова подвять вопросъ о возобновленіи въ Москвѣ лютеранской кирки и вмѣстѣ съ ротмистромъ Андрее фонъ-Менгденомъ подавъ челобитную въ которой, извѣщая что они нашли удобное мѣсто для кирки за Землянымъ городомъ между Фроловскими и Покровскими воротами, на пахотно полѣ, они просили отвести имъ этотъ участокъ изъ боцкой или слободской земли, „гдѣ бы имъ впредь прочно было избу съ комнатою поставить и съѣзжаться для богомол и евангельскаго чтенія, Бога молить по ихъ вѣрѣ“. О писканіи мѣста они ссылались на царское повелѣніе. Когда вышелъ такой указъ неизвѣстно; въ раннихъ документахъ о сательно кирокъ не упоминается о немъ. 8 іюня, въ день чтенія въ Посольскомъ приказѣ русскаго перевода грамоты призенной Марселисомъ, велѣно было мѣсто означенное въ челобитной осмотрѣть, измѣрить и узнать кто владѣеть имъ о всемъ доложить государю. То былъ огородъ Никиты Зина, между Фроловскими и Покровскими воротами, за ломъ, въ 20 саженьяхъ отъ городского рва (приблизитель тамъ гдѣ теперъ Красныя Ворота). Возраженій не слылось. 19 іюня Марселисъ тайно представлялъ государю

подробности своего посольства, а 20 числа былъ ему докладъ о мѣстѣ для кирки; мѣсто государь велѣлъ отдать.

Отвезти отвѣтъ въ Данію опять возложили на Марселиса. Государь снова позвааъ его къ себѣ (8 іюля) тайно и убѣждалъ его вѣрно послужить ему. Прежде Марселисъ доказывалъ государю что Датскій дворъ разчитываетъ отправить Ваальдемара не черезъ шведскія владѣнія, а черезъ Польшу; царь выражалъ что онъ не надѣется и на Польскаго короля и думаетъ не лучше ли королевицу взять луть черезъ Архангельскъ. На другой день отвѣтная грамота была готова, черезъ три дни (13 іюля) изъ Земскаго приказа вышла данная, по которой „старымъ служиавымъ иноземцамъ разныхъ чиновъ, Посольскаго приказа переводчикамъ, и золотого и серебрянаго дѣла мастерамъ, и старымъ московскимъ торговымъ Нѣвцамъ на томъ мѣстѣ для ихъ богомоліа поставить избу съ комнатою и дворъ для своего пріѣзда огородить отъ Землянаго города, ото рва въ двадцати саженьяхъ“. Участокъ отведенъ былъ по тридцати сажень вдолъ и поперекъ. *

Хотя царская грамота и не была окончательною и въ ней отмѣчено что окончаніе будетъ совершенно между боярами и большими королевскими послами когда послѣдніе пріѣдутъ въ Москву и что царь ту докончальную грамоту навсегда искрѣпитъ своимъ крестнымъ цѣлованіемъ; однако Христианъ, повидимому не подозрѣвая здѣсь скрытой цѣли, теперь отпустилъ (въ концѣ октября 1643 года) Ваальдемара съ громадною свитою, послами Олавоу Пасбиргоу и Стрено Буленоу и Марселисоу, котораго король за его службу произвелъ (16 сентября) въ потомственные дворяне. Собственно при королевицѣ ѣхало 269, при послахъ 60 человекъ. ** Изъ нихъ видная роль вылапа потомъ на долю королевицева лагстера Фальгобера.

* Матеріалы собственно о Марселисѣ въ Датскихъ дѣлахъ Архива, св. 13 и 14, о жалобахъ купцовъ въ Англійскихъ дѣлахъ 1638 года, о церквахъ въ дѣлахъ Протестантскихъ 1643 и портфель Муллера, № 199; *Акты Историч.* III, №№ 92, 225; *Собр. гос. гр. и догов.* III, № 116, IV, № 207. *Olearii Reise-Beschreibung.* Hamburg, 1696.

** Интересенъ составъ ѣхавшихъ Датчанъ, какъ о томъ Марселисъ отписалъ въ Москву изъ Глюкштадта.

„По переводу съ росписи, какову прислалъ Петръ Марселисъ, съ королевицею разныхъ чиновъ людей:

„Его княжскіе милости думы дворовый маршалокъ Адамъ Иандрикъ

Опасаясь козней со стороны Швеціи, Вальдемаръ ѣхалъ черезъ Польшу, такъ какъ король Владиславъ IV искалъ дружбы Даніи. Марселісъ постоянно извѣщалъ царя, соединяя къ своимъ извѣщеніямъ различныя просьбы. Енъ изъ Коленгагена писалъ (17 октября) онь „что Христіанъ король сына своего королевича Вальдемара Христіана, графъ Шлезвигскаго-Голштинскаго, отпускаетъ, а съ нимъ шлетъ къ государю своихъ великихъ пословъ, а что ему, Петръ государева жалованья, о томъ государь укажетъ“. Царь лхвалялъ его за службу и назначилъ награду. Предъ самымъ о правленіемъ Вальдемара Марселісъ доносилъ что королевичъ посалъ впередъ себя въ Ригу свою конюшню, 80 лошадей и 100 человекъ, „а я, тутъ же отмѣтилъ онь, долженъ былъ вашего царскаго величества честь остерегать и многими и рочными подарками дарить, для чего принужденъ былъ деньги займовать.“ Съ пути онь просилъ за своего брата чтобъ ему были прощены всѣ долги въ Россіи, за жену и проче

Пенсъ, его княжскіе милости думы и большой казначей Петръ Марселісъ, его княжскіе милости большой чашникъ ротмистръ Армазъ Каасъ, комнатной дворянинъ Адъ Фризе, ловчей Якубъ Бюде, а с ними людей 14 человекъ. Да его жь королевичевыхъ дворянъ 1 человекъ, а съ ними людей 11 человекъ; 1 человекъ дохтуръ, 1 человекъ поль, секретарь да писарь, комнатной писарь съ подъячимъ подъячей денежнаго приходу, 6 человекъ становщиковъ, Соломонъ Ремуль, людей съ ними 5 человекъ. Королевичевыхъ комнатныхъ слугъ 6 человекъ, шляхтичевъ, жильцовъ и съ людьми всѣхъ 1 человекъ; поваренной подъячей, аптекарь, лѣкарь, наладочной мастеръ ближней слуга, людей съ ними 11 человекъ; трубачевъ 1, а съ нимъ людей 1 человекъ; литаврищикъ, розсылачиковъ 1 человекъ, дробалтовъ 1 человекъ, поварь, оберегатель серебряныхъ судовъ, чашникъ у поставца, а съ ними людей 11 человекъ; бронной мастеръ у шпигъ приспѣшникъ, музыкантовъ 11 человекъ, лѣшеходець, истопникъ конюшей, дворовый маршалокъ, конюшей маршалокъ, 6 человекъ золотого дѣла мастеровъ, огненные потѣхи мастеровъ, токаръ, а с ними да большого казначея людей 11 человекъ; самопальной мастеръ: сѣделникъ, хлѣбникъ, людей съ ними 11 человекъ; огородникъ, повременныхъ слугъ 6 человекъ, псовой охотникъ; стрѣлокъ псовой охоты малой, конюховъ и возницъ 1 человекъ. Всего 14 человекъ.

„Да королевскихъ пословъ 6 человекъ, а съ ними людей 11 человекъ, маршалокъ, а съ нимъ людей 11 человекъ, 2 человекъ дворянъ, а людей съ ними 11 человекъ, поль, записчикъ, лѣкарь, повременной подъячей, у приходу подъячей. Всего 11 человекъ.

Жена его дѣйствительно представила копенгагенскій вексель ея мужа на 2.500 рублей съ переводомъ долга на государствену казну. Все было выплачено. Шурия Марселуса, Вильгельмъ Иванъ Бернзла („Вилимъ Ивановъ Бянзла“), ѣздившій вмѣстѣ съ Марселусомъ и теперь посланный имъ въ Москву на пути изъ Кенигсберга, сообщилъ въ Посольскомъ приказѣ пріятныя вѣсти: королевичъ ѣдетъ благополучно, во всю дорогу радостенъ и веселъ и желаетъ поскорѣе видѣть государя и царевича; почти на всѣхъ остановкахъ, послѣ кушанья, льетъ чаши за ихъ государское здоровье и за здоровье царевны Ирины Михайловны; „учился у него, Вилима, русскому языку и по-русски многую рѣчь перенялъ и помнитъ, и гораздо переимчивъ; а какъ пріѣдетъ къ государю къ Москвѣ и онъ выучится русскому языку вскорѣ, потому что онъ навывечъ и гораздо многимъ языкамъ и которыя слова по-русски выучилъ и тѣ говорить гораздо чисто.“ На балахъ въ Вильнѣ, данныхъ въ честь его королемъ Владиславомъ, Ваальдемаръ дѣйствительно показалъ себя предъ польскими придворными знатокомъ французскаго и италянскаго языковъ.

Отъ Вильны Марселусъ поѣхалъ впередъ прямо въ Москву, Ваальдемаръ медленно двигался ко Пскову. Въ Посольскомъ приказѣ Марселуса подробно разспрашивали (въ концѣ декабря) почему онъ долго мѣшкалъ въ Даніи, и онъ сообщилъ прелюбопытныя вещи*. Шведы и Голландцы распускали по Датской землѣ слухи, а иные изъ Москвы писали туда въ письмахъ и печатали въ различныхъ вѣдомостяхъ что государь велѣлъ сжечь тѣ хоромы въ которыхъ иноземцы сходились и съѣзжались для богомолья; первые всю вину разрушенія сваливали на бояръ и дѣлали это съ цѣлю утратить короля и королевича, такъ чтобы Ваальдемаръ, услыша подобныя слухи, не поѣхалъ въ Москву. Слуха дѣйствительно достигли короля, и онъ спрашивалъ Марселуса: „Для какихъ причинъ тѣ хоромы у иноземцевъ сжгали? Прежде у царя Ивана Васильевича (Грознаго) въ докончальной грамотѣ съ его отцомъ, королемъ Фридрихомъ (Вторымъ), было написано чтобы Датчанамъ въ Иванъ-городѣ и вездѣ

* 17 среднихъ листовъ (всѣхъ ок. 50) этого показанія Марселуса Соловьевъ и отнесъ къ фактамъ первой поѣздки Марселуса въ Данію (см. выше, примѣчаніе въ началѣ этой главы.)

кирки держать и Богу служить вольно по своей вѣрѣ *. Шведамъ и до сихъ поръ позволено держать свою службу въ самомъ городѣ, на ихъ дворѣ, и въ окончательной грамотѣ между царскимъ величествомъ и Шведскимъ королемъ то укрѣлено и утверждено **. Какъ смотрѣть на это когда оно положено при началѣ такого важнаго дѣла? Марселисъ отвѣчалъ: „Какъ онъ началъ жить въ Москвѣ, лѣтъ съ тринадцать, сколько ни заломить, всѣмъ иноземцамъ было вольно держать свою вѣру. Нынѣ же тѣхъ хоромъ не стало оттого что нѣкоторые русскіе попы били челомъ великому государю, будто бы иноземцы Русскихъ людей прельщаютъ въ свою вѣру, и шныя нѣкоторыя неправыя дѣла умыслили и въ челобитную свою написали; по ихъ челобитью государь и велѣлъ сломать тѣ хоромы и вмѣсто того поставить ихъ или шныя за городомъ, гдѣ имъ, иноземцамъ, сѣвѣзаться для моленья. Только царское величество пожалуетъ, велитъ сыскать въ правду что русскіе попы били ему челомъ ложно, и они, иноземцы, надѣются что тогда государь пожалуетъ, снова велитъ имъ для моленья по своей вѣрѣ хоромы въ городѣ поставить попрежнему.“

Едва ли, впрочемъ, такъ именно говорилъ Марселисъ королю Христиану: уже слишкомъ наивно-добродушнымъ представлялось здѣсь правительство и рѣчь похожа не столько

* Этого не было. По своему торговому договору (1562 года) съ Фридрихомъ, Грозный обѣщалъ очистить для датскихъ купцовъ торговые дворы въ Иванъ-городѣ и Новгородѣ, но безъ права имѣть тамъ шны свои кирки. Въ грамотѣ говорилось: Фридрихъ обязывается очистить для русскихъ купцовъ государевъ дворъ въ Готландѣ и дать другой въ Копенгагенѣ, „а великому государю въ своей вотчинѣ въ Великомъ Новгородѣ и Иванъ-городѣ старые дворы очистить, а тѣ дворы купцомъ и гостемъ ставить самимъ, а церкви русской и ропатѣ (то-есть лютеранской киркѣ) по обѣ стороны (то-есть ни въ Даміи, ни въ Россіи) не быть.“ Въ этомъ отношеніи Грозный значительно сократилъ имъ вольности, данныя прежде Василиемъ III, который во всемъ приравнивалъ (1517 годъ) ихъ къ Ганзейцамъ, дозволивъ имѣть шны въ этихъ двухъ (а не „вездѣ“) городахъ по костелу и священнику. Моск. Гл. Архивъ Мин. Ив. Дѣлъ, Датскія дѣла 1516—1517, св. I; 1641, св. II.

** Домашняя церковь на Шведскомъ дворѣ несомнѣнно существовала; но на правительственномъ разрѣшеніи, ни тѣмъ болѣе договорѣ о ея построеніи въ Московскомъ и Стокгольмскомъ архивахъ нѣтъ и нѣтъ никакихъ основаній допускать чтобъ она когда-нибудь была.

на дипломатическій разговоръ сколько на косвенную правительству просьбу. Что бы Марселисъ ни исполнял, онъ, какъ мы уже видѣли, никогда не забывалъ себя и своихъ. Очевидно онъ не былъ доволенъ тѣмъ результатомъ какого добились московскіе протестанты послѣ просьбы Келлермана; ему хотѣлось побудить правительство возвратитъ иноземцамъ все утраченное ими. Понимая свое выгодное положеніе какъ посла, онъ могъ разчитывать своимъ отчетомъ произвести теперь на правительство, такъ-сказать, дипломатическое давленіе; лучшимъ средствомъ къ тому ему казалось то чтобы свалить всю вину на духовенство, обѣлить своихъ и дать почувствовать правительству какъ важно ему въ данный моментъ поддержать за собою славу о покровительствѣ иноверцамъ.

Шведы и Голландцы разгадали еще что Марселисъ взялся не за свое дѣло и ему не довести его до конца: еслибы царю было надобно, онъ тогда послалъ бы своихъ большихъ бояръ; что королевичу въ Москвѣ сначала будетъ честь великая, а когда замѣтатъ что отъ вѣры отстать не захочетъ, почитать его перестануть и т. д. Свое полномочіе и себя Марселисъ защищалъ ссылокъ на царскій ему наказъ; а о чести королевичу замѣтилъ: „царскаго величества слово крѣпко и неподвижно, а тѣ люди тѣ слова вымѣщаютъ и говорятъ, ненавидя то великое дѣло, оно зачато съ добрымъ разсужденіемъ, изволеніемъ Божиимъ, добромъ и кончится.“ Датскій резидентъ въ Стокгольмѣ Петръ Вибъ извѣщалъ короля, его совѣтниковъ и Марселиса, какъ Шведы враждебно смотрятъ на родственннй союзъ короля съ царемъ: они „страшатся что отъ того будутъ многіе умыслы на ихъ Шведское королевство“, признаки чего уже видятъ въ томъ что шведскаго агента Петра Крузбюрна въ Москвѣ почитаютъ мало, и они питаютъ надежду что дѣло не устроится и случится то же что прежде съ Магнусомъ, котораго выгнали, или съ привацемъ Иваномъ, котораго окормили. Эти клеветы Марселису было опровергнуть легко: что Иванъ померъ своею смертию, онъ свидѣтелемъ выставилъ даже одного изъ близкихъ къ Ивану лицъ, его слуга въ Россію, секретаря Вивта.

Кромѣ борьбы со Шведами, которые, прикидываясь радѣтелями датскихъ интересовъ, такъ неискусно старались предотвратить возможный, вслѣдствіе брака Вальдемара, союзъ между Россіей и Даніей, съ которою у нихъ готовила съ жестокая война, Марселису понадобилось устроить тѣ (111)

каходчивость и противъ партіи образовавшейся при само Датскомъ дворѣ въ пользу брака Вальдемара съ дочерю Чешскаго короля, несчастнаго Фридриха Пфальцкаго. Э утверждали: въ Москвѣ люди дикіе, слова не сдержатъ, ко левича будутъ держать въ холодствѣ; московскіе бояре, рачетахъ породниться съ государемъ, не желаютъ чтобы ца выдавалъ дочерей своихъ за дѣтей чужихъ государей. На в Марселисъ возражалъ: еслаубъ у царя земля и люди были, кіе, то онъ такъ долго не жилъ бы тамъ и не искалъ бы жи впередъ; было бы добро еслаубъ уставилось такое же, какъ Москвѣ, строевые въ земляхъ тѣхъ людей которые говоря подобныя рѣчи; въ холодствѣ держать Вальдемара не ст нуть, никто не докажетъ чтобы царь не сдержалъ свои обѣщаній; препятствовать государю никто не можетъ: он самодержецъ, все дѣлаетъ по своему изволенію, и знаю про то великое дѣло его ближніе большіе бояре.

Только когда Марселисъ разрушилъ направленные пр тивъ него ковы, королевскіе думные люди, по его словамъ объявили ему о согласіи Христіана отпустить Вальдемара пословъ, о чемъ онъ тотчасъ тогда и отписалъ государ Между тѣмъ, къ нему не разъ приходилъ Вальдемаръ. Ма селисъ расхваливалъ ему какъ государь будетъ держать е въ присвоеніи и всей чести. Свою готовность вѣхать въ Мо кву королевичъ выразилъ ему скоро, въ надеждѣ ужиться с государемъ, и сообщилъ что отецъ передалъ ему подробі обь условіяхъ на которыхъ долженъ состояться бракъ, и сп сокъ съ грамоты привезенной Марселисомъ; онъ надѣет на милость Божию и государя, вѣритъ царскому слову и Ма селису. При этомъ Марселисъ увѣрялъ въ приказѣ: „коро левичъ говорилъ ему, Петру, чтобъ ему быть у него безо стулно, для чего де отецъ его учинилъ его, Петра, думнымъ такъ какъ онъ русскіе обычаи и чины всѣ знаетъ и царск величество ему вѣритъ и онъ же можетъ учинить на о стороны всякое добро.“

На вопросъ бояръ, почему король отпустилъ сына чрез Польшу и Литву, Марселисъ отвѣчалъ: Шведы мутили хотѣли помѣщать дѣлу и шведскій резидентъ въ Москвѣ увѣрялъ иноземцевъ: какъ только королевичъ поѣдетъ чрезъ Лифляндскую землю, и тамъ его задержатъ, Польша Литовскій же король Владиславъ писалъ Христіану что онъ отпустилъ своего сына чрезъ его владѣнія, гдѣ ему о жетъ все добро. Затѣмъ Марселисъ передалъ о блестящ

позвѣдѣвъ черезъ Польшу и о своихъ бесѣдахъ съ Владислаавомъ, который поручилъ ему нѣсколько своихъ просьбъ къ государю.

По русскимъ городамъ встрѣчали Вальдемара съ такою же торжественностью какъ нѣкогда королевича Ивана, и опять безъ официальнаго объявленія его женихомъ царевны. „Вѣдомо намъ учинилось, говорилось въ царскомъ наказѣ (13 ноября 1643 года) псковскому воеводѣ князю Черкасскому о встрѣчѣ Вальдемара, что ѣдетъ къ намъ, великому государю, брата нашего великаго государя Христіануса, короля Датскаго, сына королевичъ Вoldemаръ Христіанусовичъ, графъ Шлезвигскій-Голштингскій, а съ нимъ великіе послы о великомъ нашемъ дѣлѣ, а съ королевичемъ разныхъ чиновъ и посольскихъ, и дворянскихъ, и всякихъ людей съ триста человекъ, да тысяча лошадей. И мы указали противъ Датскаго королевича Вoldemара Христіанусовича ѣхать на встрѣчу и принимать его на рубежѣ боярину нашему князю Юрію Андреевичу Ситцкому и дѣяку нашему Никифору Шалувану, а съ ними указали быть на рубежѣ московскимъ дворянамъ 20 человекамъ, жильцамъ 30 человекамъ, псковскимъ и окрестныхъ городовъ ломѣщикамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ людямъ, коннымъ и наряднымъ 300 человекъ и во Псковъ съѣзжаться.“ Псковъ и Новгородъ были первыми русскими городами гдѣ устроены были большія встрѣчи, конечно далеко уступавшія въ торжественности и пышности Москвѣ.

На представленіи (28 января 1644 года) Вальдемара государю послы сочили вужнымъ прямо заявить что Христіанъ послалъ королевича для вступленія въ бракъ съ царевной Ириной Михайловной, наказавъ ему почитать государя какъ отца, и просить царя укрѣпить договоръ о сватовствѣ крестнымъ цѣлованіемъ и держать королевича какъ сына и зятя. Отъ имени государя думный дѣякъ увѣрялъ въ желаніи государя имѣть королевича въ ближайшемъ присвоеніи, но о крестномъ цѣлованіи дѣякъ умолчалъ. Въ знакъ вѣрности своихъ словъ послы подвели королевича къ царю, который обнялъ его и посадилъ рядомъ съ собою по правую сторону, а по лѣвую сидѣлъ царевичъ. Послѣ обѣда отецъ и сынъ богато одарили его; выраженіе любезностей продолжалось и въ послѣдующіе дни.

Черезъ шесть дней послѣ аудіенціи, 3 февраля, датскіе послы держали съ нашими боярами совѣтъ о вѣчномъ доком-

чани, предлагая утвердить тѣ статьи которыя были рассмотрѣны въ первый прїѣздъ въ Москву Вальдемара и которыя касались брака, согласно условію съ Марселисом Наши бояре, князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Андреевичъ Суцкій, околовичій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ, удержались отъ отвѣта. На утро посѣтилъ Вальдемара самъ государь и пробылъ у него съ часъ. Видя отъ сихъ поръ полное къ себѣ радушіе и между тѣмъ получивъ уведомленіе что Шведы открыли противъ Даніи свои враждебныя дѣйствія и вторглись въ ея Голштинію, Вальдемар счелъ теперь весьма удобнымъ приступить къ исполненію своей затаенной цѣли. Разказавъ о нападеніи Шведовъ на ея владѣнія и выставяя себя радѣтелемъ пользы Россіи онъ направилъ было рѣчь на то какъ сѣдуетъ царю беречь Швеціи. Вчинавъ ссору со Швеціей изъ-за Даніи Михаилъ не было ни желанія, ни интереса, и онъ сухо замѣтилъ ему: „Правды въ Шведахъ мало и вѣрить имъ нечего, толькѣ до сюда ко мнѣ отъ нихъ задору не бывало, и у меня съ Шведскимъ королемъ заключенъ вѣчный миръ.“ Королевичъ припоминалъ царю различныя неправды Россіи отъ Шведовъ но отношеніе царя къ его словамъ должно было убѣдить его какъ напрасна была его надежда поссорить Россію со Швеціей и тѣмъ связать руки послѣдней.

Вскорѣ онъ испыталъ другую неудачу. По царскому повелѣнію, патріархъ Іосифъ посланъ (8 февраля) къ нему пріѣхать въ Швецію резидента Дмитрія Францбекова, обратившагося въ православіе, съ предложеніемъ: „Великій святитель со всѣмъ священнымъ соборомъ сильно обрадованъ что вы, великаго государскаго сына, Богъ привелъ къ великому государю нашему для сочетанія законнымъ бракомъ съ царевною Иринею Михайловною: и вамъ бы, государскому сыну, съ великимъ государемъ нашимъ, съ царицей и ихъ благородными дѣтьми и съ нами, богомольцами своими, вѣрой соединиться.“ Не ожидая этихъ рѣчей, королевичъ отказалъ наотрѣзъ, заявивъ что пусть государь или изволитъ дѣло дѣлать по статьямъ Марселисова договора, или же прикажетъ съ честью отпустить его назадъ. Буде же Марселис тайно общалъ за него царю что онъ перемѣнитъ вѣру, то это безъ его вѣдома, и онъ обманулъ. Францбековъ замѣтилъ что Марселисъ не былъ уполномоченъ касаться вопроса о вѣрѣ, что уѣзжать королевичу изъ Русской земли назадъ къ себѣ не честно, что лучше ему поразмыслить и поговорить

о вѣрѣ изъ книгъ съ духовными людьми. Раздраженный Вальдемаръ отвѣчалъ: „Я самъ грамотенъ лучше всякаго пола, Библію прочелъ пять разъ и всю ее помню; а если царю и патріарху угодно поговорить со мною изъ книгъ, я говорить и слушать готовъ“.

Вопросъ о вѣрѣ и объ отпускѣ королевича послѣ того отодвигаетъ собою вопросъ о бракѣ, возбудивъ длинный рядъ устныхъ и письменныхъ объясненій и пререканій между гостями и хозяевами.

13 февраля королевичъ былъ позванъ въ царскія палаты. Здѣсь между имъ и царемъ Михаиломъ происходила слѣдующая сцена, какъ мастерски передаетъ ее Соловьевъ.

„Послы королевскіе, обратися къ Вальдемару Михаилъ Теодоровичъ, у насъ въ посольствѣ говорили что король велѣлъ тебѣ быть въ моей государской волѣ и послушаньѣ и дѣлать то что мнѣ угодно, чтобы ты принялъ православную вѣру“. Королевичъ отвѣчалъ: „Я радъ быть въ твоей государской волѣ и послушаньѣ, кровь свою пролить за тебя готовъ, но вѣры своей перемѣнить не могу, потому что боюсь престулить клятвы отца моего, а въ нашихъ государствахъ ведется что мужъ держитъ вѣру свою, а жена другую, и если вашему царскому величеству по договору сдѣлать не угодно, то отпустите меня назадъ къ отцу моему“. Царь: „Любя тебя, королевича, для ближняго присвоенія, я воздаю тебѣ достойную великую честь какой прежде никогда не бывало: такъ тебѣ надобно нашу пріятную любовь знать, что мнѣ угодно исповѣать, со мною вѣрой соединиться и за такое превеликое дѣло будетъ надъ тобою милость Божія, моя государская пріятная любовь и ото всѣхъ людей честь. Не соединясь со мною вѣрой, въ присвоеніи быть и законнымъ бракомъ съ моею дочерью сочетаться тебѣ нельзя, потому что у насъ мужъ съ женой въ разной вѣрѣ быть не можетъ; Петръ Марселисъ въ Московскомъ государствѣ живетъ долго и знаетъ подлинно что не только въ нашихъ государскихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ того не повелось. Отпустить же тебя назадъ непригоже и не честно; во всѣхъ окрестныхъ государствахъ будетъ стыдно что ты отъ насъ уѣхалъ не соверша добраго дѣла. Ты бы подумалъ и мое прошеніе исповѣалъ; да и почему ты не хочешь быть въ православной вѣрѣ греческаго закона? Знаешь ли что Господь нашъ Іисусъ Христосъ всѣмъ православнымъ христіанамъ собою образъ спасенія показалъ и погрузился въ три погруженія?“ Коро-

евичъ: „И у насъ въ лютерской вѣрѣ погруженіе было а перестали погружать тому лѣтъ съ тридцать; я погруженіе не хую; только телерь мнѣ креститься въ другой разъ какъ нельзя, потому что боюсь клятвы отъ отца своего и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ было же что его племянца была за королевичемъ Магнусомъ“. Царь: „Царь Иван Васильевичъ сдѣлалъ это не жадуя и не любя своей племянницы, а я хочу быть съ тобою въ одной вѣрѣ, любя тебѣ какъ роднаго сына“.

Ближайшимъ свидѣніемъ бесѣды была грамота прислана государю королевичемъ спустя три дня послѣ этого. Въ Вальдемаръ прямо и рѣшительно упрекалъ царя въ забвѣ обѣщанія касательно свободы его вѣроисповѣданія и въ силѣ его совѣсти. „Въ грамотѣ вашего величества, за вашелечатью присланной, не первая ли статья говоритъ о волюсти и вѣрѣ? Мы никакъ не можемъ вѣрить чтобы ваше царское величество, государь повсюду славный и извѣстный, рѣшилъ по совѣту злыхъ людей что-нибудь сдѣлать вопреки вашему обѣщанію и договору, что приведетъ не только нашего отцо и всѣхъ государей въ великое размышленіе, и вашему царскому величеству недобрая заочная рѣчь отъ того будетъ. На это былъ отвѣтъ: „И телерь мы вамъ тоже объявляемъ что вамъ въ вѣрѣ никакой неволи нѣтъ, а говоримъ и просимъ чтобы вамъ съ нами быть въ одной христіанской православной вѣрѣ, въ разныхъ же вѣрѣхъ вашему законно браку съ нашею дочерью быть никакъ нельзя; а въ нашемъ отвѣтномъ письмѣ, которое послано съ Петромъ Марсекомъ къ отцу вашему, нигдѣ не написано чтобы вамъ съ нашею дочерью вѣнчаться, оставаясь въ своей вѣрѣ; нигдѣ написано также чтобы намъ васъ къ соединенію въ вѣрѣ призывать. Мы, великій государь, хотимъ начатое дѣлать такъ какъ угодно Богу и нашему царскому величеству васъ къ тому всякими мѣрами приводить, и молимъ съ помощью чтобы вамъ поискать своего душевнаго спасенія тѣлеснаго здравія, съ нами вѣрою соединиться. Мы совѣтлоподвижныхъ людей не слушаемъ; а его королевскому величеству, другимъ христіанскимъ государямъ и вамъ милости и правды размышлять непригоже; про наше царское величество недобрыхъ заочныхъ рѣчей быть не въ чемъ, ссорѣ бы вамъ ничьей не вѣрить“.

Напрасно Вальдемаръ въ новомъ письмѣ укорялъ царя казуистикѣ толкованія своихъ прежнихъ обѣщаній и л

силъ отпуска въ свою землю, и обращался къ содѣйствию **О. И. Шереметева**. Не только не было отпуска, но еще была около его двора усилена стража. Тѣхъ Датчанъ, которые наняли было себѣ квартиры у **Нѣмцевъ** и **Нѣмокъ** въ **Бѣломъ** городѣ и въ другихъ мѣстахъ, велѣно водворить на королевичевъ дворъ; послѣдній указъ впрочемъ не былъ выполненъ, и мѣсяца чрезъ два его понадобилось возобновить олять.

Ничего не зная о настоящемъ положеніи дѣла, **Христіанъ** прислалъ (21 марта) съ **Гольмеромъ** длинную грамоту, въ которой убѣждалъ **Михаила** **Феодоровича** вооружиться противъ **Швеціи**. Наше правительство осталось глухо къ этимъ убѣжденіямъ. Послы выражали неудовольствіе почему имъ бояре ничего не отвѣчаютъ на предложенные 3 февраля пункты. Отвѣтъ имъ наконецъ былъ данъ (29 марта устно, 1 апрѣля письменно) какъ на ихъ запросы, такъ вѣстѣ и на королевичевы письма, выставляя что всему мѣшаетъ упрямство **Вяльдемара**, котораго они же, послы, отдали, по приказу **Христіана**, государю на всю его государскую волю, а его воля и желаніе всѣхъ бояръ и думныхъ людей чтобы королевичъ прежде брака принялъ православную вѣру. „А того, урезонивали бояре, царскаго величества въ вѣрующей грамотѣ и въ отвѣтномъ письмѣ въ статьяхъ, каково съ **Петромъ** **Марселисомъ** къ королевскому величеству послано, и въ государскомъ наказѣ, каковъ ему, **Петру**, данъ, также и королевскаго величества въ отвѣтномъ письмѣ, каково прислано къ великому государю нашему съ **Петромъ** **Марселисомъ**, видѣвъ не написано чтобы королевичу **Вяльдемару** **Христіанусовичу** съ его государскою дочерью, съ благородною и христіанскою царевною и великою княжною **Ириной** **Михайловной** бракъ принять будучи въ своей вѣрѣ, съ царскимъ величествомъ вѣрой не соединяся и не принявъ истинной нашей православной христіанской вѣры греческаго закона. И до сихъ поръ королевичу въ вѣрѣ никакой неволи не чинено и впредь въ томъ неволи не будетъ; а просилъ великій государь вашъ и нынѣ просить его чтобы онъ его государскую волю исполнялъ, съ нимъ вѣрой соединяся, и былъ съ нимъ въ одной православной вѣрѣ по любви. На томъ бы и вамъ, посламъ, стать и дѣло совершить, какъ вы, послы, бывши у царскаго величества, по приказу государя своего, говорили и своимъ рѣчамъ письмо за своими руками дали и королевича отдали во всемъ на государскую волю и дѣлать угодное

государю; вамъ бы королевича на то навести чтобъ онъ великаго государя нашего волю исполнить, съ нимъ вѣрой соединился. Но королевичъ еще вѣры не принявъ, и добро начатое дѣло по сіе время продолжалось не отъ великаго государя, а за его, королевичевымъ, упорствомъ, потому что законному браку въ разныхъ вѣрахъ ни которыми мѣрами быть не возможно и въ нашей истинной христіанской вѣрѣ, чтобы мужу съ женой держать разные вѣры, никогда не бывало и впредь не будетъ. А какъ королевичъ Волдемаръ Христіанусовичъ царское хотѣніе исполнить, вѣру православную приметъ, и то превеликое дѣло будетъ Богу угодно и государю и всѣмъ людямъ Россійскаго государства радостно и учить государь нашъ королевича имѣть въ ближнемъ присвоенъи, какъ есть своего любительнаго сына и зятя; также и царскаго величества мы, подданные, и всѣ люди ему, королевичу, учимъ такую честь воздавать, какъ самому государю и его сыну Алексію Михайловичу; а съ отцомъ его, съ государемъ вашимъ, у царя утвердится ихъ государская братская дружба и свойственная любовь свыше прежняго на вѣки неподвижно; и тѣ всѣ дѣла, о которыхъ съ вами наказано отъ короля, царь нашъ велитъ дѣлать какъ имъ обоимъ великимъ государямъ будетъ годно и честно“.

„Съ тѣхъ статей которыя отъ царскаго величества съ посломъ Петромъ Марселисомъ присланы и въ Коллегіи подааны 20 марта 1643 году, съ нами списокъ есть, отвѣчали (4 апрѣля 1644) послы. Въ нихъ писано явственными словами что королевичу графу Волдемару держать свою вѣру безъ всякой досады, супротивности и помѣшки, и вывѣ вамъ, царскаго величества почтеннымъ господамъ, о томъ можно разумно разсудить: не противно ль то писанію и явственнымъ словамъ чтобъ онъ принявъ вѣру греческую или соединился. А его княжескую милость мы его царскому величеству не отдали, только по его царскаго величества особенному прошенію мы его въ верхъ проводили чтобъ ему сидѣть у его царскаго величества. И можно всякому разумному, который тому дѣлу не слорщикъ, наши слова разсудить что мы говорили на посольствѣ, и имъ иначе разсудить или сказать нельзя что тѣ слова всѣ, которыя мы говорили, говорены по той мѣрѣ: буде крестное цѣлованіе впередъ совершится и тогда его царскому величеству принять его королевскаго величества любительнаго сына за своего сына и зятя. Наговаривать намъ князя чтобъ онъ свою вѣру перемѣнилъ мы

не можемъ и не хотимъ, потому что то дѣло супротивно нашей вѣрѣ, королевскому наказу и нашей совѣсти; и его царскому величеству то хорошо извѣстно, какъ его княжеская милость говорилъ что онъ хочетъ наследовать царство Божіе и умереть честнымъ государемъ какъ есть, и той статьи, чтобъ снова креститься, никогда не захочетъ и греческой вѣры не приметъ; и потому зачѣмъ мы сюда пріѣхали нынѣ установить невозможно“. Въ заключеніе они просили себѣ и королевичу отлука; просьбу повторили и въ послѣдующіе (14 и 17 апрѣля) дни, прибавивъ что задерживать пословъ нигда не водится.

Царь однако не терялъ надежды подвѣствовать на королевича силой убѣжденій и лобуждалъ къ тому патриарха. 21 апрѣля пришелъ къ королевичу посланный отъ Іосифа и сказалъ: „Государь королевичъ Вольдемаръ Христіанусовичъ! послалъ меня къ тебѣ государевъ отецъ и богомолецъ, святѣйшій Іосифъ, патриархъ Московскій и всея Россіи, велѣлъ о твоемъ здравіи спросить, какъ тебя Христось милостію Своею сохраняетъ, и извѣститъ тебя: слухъ до него дошелъ что ты, государь королевичъ, у царскаго величества отпрашивался къ себѣ, а любительнаго великаго дѣла, дая чего пріѣхалъ, съ царскимъ величествомъ не хочешь совершить. Такъ святѣйшій патриархъ Іосифъ о томъ къ твоему величеству совѣтное, за своею печатію, писъмо прислалъ чтобы тебѣ пожаловать вычестъ и любительно отвѣтъ учинить“. Въ своемъ посланіи патриархъ убѣждалъ королевича принять православіе. „И тебѣ бы, государь королевичъ, присвоитиса Святой соборной и апостольской церкви греческаго православія и принять Святое Крещеніе во Святую и Единосуцную Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, въ три погруженія, и благочестиваго и великаго государя нашего Михаила Феодоровича послушать и волю его по Бозѣ сотворить, а о томъ сомнѣнья не держать: если и крещенъ, но несовершенно, государь, вашей вѣры крещеніе, требуетъ истиннаго исполненія, такимъ образомъ и будетъ едино крещеніе во Святую соборную и апостольскую церковь, а не второе, потому что у насъ второго крещенія нѣтъ“. Писъмо патриарха отличалось сдержанностью и кротостью тона и прямоотой. „Изначала знаемъ васъ, писалъ онъ, что вы именуется христіанами, но не во всемъ вѣру Христову прямо держите и во многихъ статьяхъ раздѣляетесь отъ насъ“. Сначала была одна православная церковь, затѣмъ Римляне отступили отъ ея въ ученіи объ исхож-

деніи Святаго Духа, признавъ исхожденіе Его и отъ Сына вмѣсто кваснаго хлѣба въ Евхаристіи стали употреблять опрѣсноки и во многихъ другихъ тайнахъ нарушили; наконецъ явился „вѣкто учитель въ нѣмецкихъ странахъ Мартинъ Люторъ и Кальвинъ и иные учителя“, и они отступили да и отъ Римлянъ, еще болѣе извративъ Крещеніе, Евхаристію и пр., и оставивъ чинъ и уставъ церковный. И это „недавнѣе ученіе, саабое и легкое, держатъ нѣмецкія страны“. Какъ видно изъ посланія, авторъ его, гаубоко убѣжденный въ правотѣ своихъ догматическихъ и историческихъ положеній, вѣсказывалъ ихъ какъ истины несомнѣвныя и не требующія особенныхъ доказательствъ, почему и внѣшній объемъ посланія былъ невеликъ. Вальдемаръ не замедилъ отвѣтомъ, * въ которомъ, оправдываясь что его твердость нельзя называть упрямствомъ и что въ дѣлахъ вѣры надобно болю слушаться Бога нежели людей, старался доказать вѣрность своего ученія и точнѣе опредѣлить его сущность. „Намъ Кальвина дѣла нѣтъ, потому что онъ училъ что во Святомъ Причастіи истиннаго тѣла и истинной крови Господни нѣтъ а до Михайла Сервета и много меньше намъ дѣла, потому

* О времени патриаршаго посланія, его объемѣ и отношеніи къ нему Вальдемара у насъ говоритъ Соколовъ (стр. 102). По его словамъ „патриархъ 29 апрѣля отправилъ королевицу свитокъ или посланіе съ убѣжденіемъ креститься въ православную вѣру и съ изъясненіемъ вкратцѣ ея отличительныхъ догматовъ и обрядовъ. Королевица осматрѣла свитокъ, вымѣрила его длину, подивилась, поостригла на 48 саженами его длины... и велѣла своему пастору Фиальгоберу написать отвѣтъ“. Авторъ, конечно, имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ разказа сопутника Вальдемара (Помѣдка въ Россію Вальдемаръ Христіана Гильденкессе, перев. съ нѣмецкаго въ Чт. Иж. О. И. Д. Россійскихъ, 1867, IV, 18): „23 мая опять пришелъ канцлеръ Львовъ поговорить отъ царскаго имени съ графомъ и тотчасъ и приходѣ вручилъ ему отъ имени его царскаго величества другое письмо патриарха, чуть не въ 48 сажень.“ Здѣсь Соколовъ отнесъ къ первому посланію то что прямо относится ко второму, присланному 23 мая, которое въ сравненіи съ первымъ отличается значительною помятой: въ Синодальной рукописи № 279 первое посланіе занимаетъ 3—12 листовъ, второе 86—179 а.; 86 листовъ подлинника второго посланія (первыхъ листовъ нѣтъ), въ формѣ данныхъ столбцовъ хранится въ Моск. Га. Архивѣ М. Им. Дѣлъ, Датскія дѣла, св. 1. Къ тому же, слова сопутника Вальдемара нельзя относить къ словамъ и дѣйствіямъ самого Вальдемара, какъ то дѣлаетъ Соколовъ

что онъ училъ что Христосъ Господь не истинный Богъ, и по правдѣ того Сервета въ градѣ Венеці въ 1553 году сожгли публично. А что о Люторѣ, и тотъ для великихъ причинъ началъ римскаго папу божественнымъ словомъ уличать, потому что онъ былъ мужъ по Святой Библіи и въ книгахъ греческихъ писателей гораздо извѣдывъ, и узнавалъ что лапа со своимъ стриженнымъ соборомъ училъ противно Божію слову и древнихъ вселенскихъ соборовъ. И хотя сей Богомъ спасенный мужъ прямо сдѣлалъ что онъ тому безбожному лалѣ астрѣчу говорилъ, только мы не вновь крещены, и не хотимъ того чтобы насъ кто люторскими называлъ, потому что во Христа мы крещены, Христово мы ученіе имѣемъ и христіанами мы быть хотимъ. Въ Крещеніи о погруженіи въ воду, такъ какъ ваши всѣмъ тѣломъ влагаютъ, о томъ намъ подлиннаго повелѣнія не имѣемъ“. Около мысли о Крещеніи и вращается большая половина доказательствъ, съ цѣлію обосновать что Крещеніе сдѣдуетъ производить черезъ обливаніе, или окропленіе, а не черезъ троекратное погруженіе. На каждой страницѣ видно желаніе автора блеснуть своею ученостію, цитатами, діалектикой; подъ конецъ Вальдемаръ провически просить патріарха взять на себя грѣхъ Ирины Михайловны что она вступитъ въ бракъ съ иноувѣрцемъ.

Отославъ свой наскоро составленный и довольно легкомысленный отвѣтъ, которому однако придавалъ весьма важное значеніе, Вальдемаръ полагалъ что болѣе о религіи съ нимъ говорить не рѣшатся. Но его отвѣтъ не произвелъ желаемаго дѣйствія. Патріархъ изготавлялъ подробное опроверженіе его; царь не терялъ прежней надежды; бояре крѣпко сдѣлали за Вальдемаромъ и его свитой. Государю было получено (2 мая) кн. А. М. Львовымъ секретное письмо какого-то Нѣнца: „Пріѣхалъ королевичъ къ тебѣ на обманъ, ему хочется обмануть тебя и не креститься; онъ самъ говоритъ: „какъ возьму за себя царскую дочь, тогда и въ мою „станетъ вѣровать вѣру, неволей, крѣпко заберу ее въ свои „руки и стану чаще вѣдять гулять, тѣшиться; хочется такъ „же мнѣ и то сдѣлать чтобы изъ Московскаго государства „увѣхать тайкомъ, мнѣ не креститься, пріѣхалъ сюда по молодому „своему разуму, на Москвѣ мнѣ не жить, какъ они меня „ни утѣшай“. Въ тотъ же день стрѣльцы, бывшіе на караулѣ у Фроловскихъ Воротъ въ Кремлѣ, жаловались на кощунство двоихъ Нѣмцевъ изъ Вальдемаровой свиты надъ образомъ

стоявшимъ надъ воротами. Вальдемаръ и послы возобновили свои просьбы—или вершить дѣло, или съ честью отлучиться; Вальдемаръ прибавлялъ: если не уважатъ его просьбу, онъ пойдетъ на своихъ; послы указывали срокъ отлучки—услыхавши (8 мая) въ отвѣтъ что указывать имъ сроки пригоже, доидеть время, можетъ государь отпустить послы и однихъ, безъ Вальдемара, который отданъ государю по лану волю, и если какой учинится имъ вредъ, гнѣванъ на себя. Притворившись что они поняли это въ томъ смыслу будто государь хочетъ отпустить ихъ, послы просили отъ ска себя поскорѣе.

У заолоучнаго жениха мелькнула мысль что пожалуй въ самомъ дѣлѣ отправить пословъ безъ него, и онъ рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе о тайномъ бѣгствѣ. 9 мая, въ третьемъ часу ночи, королевичъ въ сопровожденіи человекъ 15, не сказавшись посламъ и остальнымъ свитѣ, вышелъ изъ своего дворца и направился къ Тверскимъ воротамъ. Повстрѣчавшись съ карауломъ и получивъ отказъ о пропускѣ, Датчане вступили со стрѣльцами въ колашную и многихъ перерезали шлагами. Раздѣлавшись благополучно здѣсь, они, въ увеличившемся числѣ человекъ до 30, лѣшіе и конные, добрались до Тверскихъ воротъ. Тутъ ждала ихъ полная неудача. Караулъ былъ больше, крикъ его собралось такое множество стрѣльцовъ что въ вязавшейся дракѣ Датчане оказались любѣженными, съ королевичемъ былъ сильно лобить, и они вынуждены были бежать, оставивъ въ лѣнну одного изъ товарищей. Пѣнны повели стрѣльцы въ Кремль, но лишь поравнялись съ стѣною Николая Голстунскаго, Датчане подослѣвшіе изъ королевичева дворца напали на нихъ снова, шлагами закололи одного изъ нихъ, шестерыхъ ранили и въ концѣ концовъ отняли у нихъ добычу.

На утро было наряжено сѣдствіе. Князь Суцкій и дядья дьякъ Львовъ просили королевича чтобы разыскалъ и изъ его людей произвелъ такое буйство и убійцу казнить смертію, такъ чтобъ и другимъ, смотря на то, было невадно царскихъ людей напрасно любить; царскіе же люди будучи королевичевы люди и впередъ будутъ такъ дѣлать, тѣмъ больше не станутъ. Оправдываясь что все это сдѣлалось безъ его вѣдома, королевичъ обѣщалъ разыскать и казнить. Между тѣмъ, чрезъ Марселиса и служившаго предъ

въ Давіи перекрещенца князя Шаянова-Четскаго, въ Приказѣ скоро было все разознано кто и съ какою цѣлю произвелъ безпорядокъ. По доношенію Шаянова, королевичъ хотѣлъ увѣхать верхомъ и всего втроемъ, съ конюхомъ, который захватилъ съ собою дорогихъ вещей цѣной на три бочки золота, и фурьеромъ, отецъ котораго прежде жилъ во Псковѣ торговымъ человѣкомъ, и „послы о томъ сильно кручиняются что королевичъ хотѣлъ такъ учинить, ради бы они и безъ него съ Москвы любѣхаться“. Тогда королевичъ болѣе не запырала и объявилъ князю Сицкому что хотѣлъ вѣхать за Тверскіе ворота и убилъ стрѣльца самъ. Оскорбленный такимъ поведеніемъ Вальдемара, Михаилъ Феодоровичъ черезъ думнаго дьяка Григорія Львова послалъ ему строгій выговоръ: ему сѣдовало ждать отвѣта патріарха который теперь готовитъ его, людей своихъ учинившихъ буйство строго наказать, а убійцу казнить смертію, и если оный, укрывая своихъ, все беретъ на себя, то „и простому человѣку дѣлать такъ не годится и смышлять про то стыдно“. Для „отвѣта“ позвали (19 мая) на государевъ дворъ и пословъ, предъ боляръ: князя Н. И. Одоевскаго, князя Сицкаго съ товарищами. Изложивъ исторію всего пребыванія пословъ въ Москвѣ и послѣдняго событія, боляръ говорили: „такого дурна царское величество отъ королевича не ожидалъ; приваля въ его по лисьму своего брата короля Христіана, почиталъ его какъ своего государскаго сына, во всемъ далъ ему повольность по его хотѣнію и нынѣ держитъ его въ такой великой чести какой прежде ни одному королевскому сыну не бывало. Видя такую государя нашего съ отцомъ своимъ королемъ Христіаномъ дружбу и любовь, а къ себѣ пріятельство и ласку, королевичу Вальмару Христіановичу дѣлать бы все по приказу отца своего и воля государя; оный же, какъ бы не хотя дружбы и любви между государемъ и королемъ, учинилъ такое дурное дѣло на какое не рѣшился бы и простой человѣкъ. А разъ сдѣлалъ плохое дѣло, ему бы сказать государю прямо и привести о томъ повинную; между тѣмъ оный сначала запырала, потомъ сказалъ что все учинено съ его вѣдома и стрѣльца закололъ самъ, и повинной не принесъ. Мало того: въ своихъ бесѣдахъ оный произноситъ многія ссорныя слова. За государскую ласку и любовь такъ дѣлать ему, государскому сыну, не годится. Когда по царскому указу съ Петромъ Марсеансомъ намъ, послаемъ, передали объ его худомъ дѣлѣ, вы сказали

что королевичъ поступилъ не хорошо и у васъ мысли о таи номъ отвѣдѣ съ Москвы не было; и наказывали передать какъ бы съ угрозами, царскому величеству: если васъ не отпустятъ, то васъ на Москвѣ вѣкъ будутъ ломить, и что надъ вами учинится, король крови вашей не покинетъ и отомститъ; все это вы дѣлали не къ чести вашего короля и въ намѣреніи по ссорить его съ нашимъ государемъ. Слыша о всемъ этомъ, царь сомнѣвается что королевичъ и вы, пріѣхавъ къ своему королю, станете дѣлать добро и не будете свѣять ссоры. Вамъ послаамъ, была всякая честь, довольство въ кормахъ и покаяная воля, ничего плохаго не оказано; безъ отпуска отвѣзжати послаамъ нигдѣ не водится, продлевье по винѣ королевича: что овъ царскаго прошенья не исполывалъ. Съ отцомъ его государь нашъ желаетъ быть въ дружбѣ, любви и ссылкѣ попрежнему, и для того посылаетъ къ нему своихъ пословъ, а вамъ велѣвъ объявить чтобы королевичу Волдемару и вамъ съ нами, боярами и думными людьми, укрѣлиться письмомъ, за своими руками, печатами и крестнымъ дѣлованіемъ, на томъ что то дѣло съ обѣихъ сторонъ положить на судъ Божій, между государями быть на вѣки неподвижно во всемъ такъ, какъ было прежде, и вышшее дѣло оставить и впредь не всчинать, обоимъ государствамъ плохаго между собою не мыслить и не дѣлать. Какъ только королевичъ и вы съ нами о томъ укрѣлитесь, государь тотчасъ же отпуститъ васъ, не задержавъ. И отъ чего не укрѣлитесь вамъ? Вы сами, бывши на первомъ отвѣтѣ, предлагали намъ статьи о вѣчномъ докончаньѣ. И буде отъ вашего государя наказано вамъ дѣлать вѣчное докончанье, какъ оно было между царемъ Иваномъ Васильевичемъ и Фридрихомъ королемъ, и государь нашъ то вѣчное докончанье дѣлаети велѣвъ.

Уступчивѣе, миролюбивѣе этого при настоящихъ обстоятельствахъ трудно было бы и ожидать чего-нибудь отъ Московскаго правительства. Еслибы послы хоть сколько-нибудь повалили это и дѣйствительно желали, безъ дальнѣйшаго оскорбленія чести обоимъ государствамъ, выкорѣ выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое были поставлены и Датчане, и наши, то они могли бы по крайней мѣрѣ сослаться съ королемъ относительно возможности улаженія на условіяхъ прежняго договора. Убѣжденные въ томъ что имъ ни въ какомъ случаѣ притѣсненія и безчестья со стороны правительства не будетъ и выдерживая все тотъ же высокомерный и

требовательный тонъ, они отрицались отъ приписываемыхъ имъ словъ Марселису и отказывались ото всякихъ уступокъ. „Что прежде они подали письмо о братствѣ и дружбѣ, говорили они, то они опять объявляютъ что мимо главнаго дѣла, законнаго брака, имъ устроить не наказано, и какъ то дѣло встало, то имъ помимо государя своего наказу дѣлать ничего не смѣть, хотя бы десять лѣтъ здѣсь жить. Они не могутъ даже закрѣпить чтобы вынѣшняго дѣла обоудно оставить, впрядь не вчинать и не мыслить и не дѣлать ничего дурнаго; они просятъ только лоскорѣ себя отпуска и означить имъ луть, по которому пойдутъ, чтобы имъ послать напередъ себа годца и свои вещи.“ Обо всемъ было тотчасъ же доложено государю, онъ велѣлъ сказать послаамъ что рѣчи ихъ болре ему доносили и отвѣтъ на нихъ имъ будетъ швымъ временемъ, а лока отпускаетъ ихъ на подворье. Требуемаго отвѣта послаамъ пришлось ждать очень доаго — слашкомъ годъ.

Тѣмъ временемъ было изготавлено патріархомъ опроверженіе на возраженіе королевича; можно предполагать что опроверженіе было составлено при содѣйствіи каючара Услѣнскаго собора Ивана Насѣдки и случившихся тогда въ Москвѣ греческихъ архимандритовъ Анеима и Паревенія. У думнаго дьяка Григорія Львова, который принесъ (23 мая) королевичу опроверженіе, * Вальдемаръ сначала не бралъ его, но когда дьякъ отказывался взять его назадъ и уломывалъ о великой чести оказанной у насъ графу, то онъ принялъ его. Такъ какъ возраженіе Вальдемара распадалось на 21 отдѣлъ или главу, то въ послаавіи патріарха давались опроверженія каждаго изъ существенныхъ положеній Вальдемара. Патріархъ опять находилъ необходимымъ для королевича предъ бракомъ креститься въ православную вѣру. Приводимое Вальдемаромъ изреченіе Ап. Павла: *святится мужъ нестренъ о женѣ стрнѣ*, патріархъ изъяснялъ въ томъ смыслѣ что оно относится къ живущимъ въ сулружествѣ и

* Авторъ *Отношеній протестантизма къ Россіи* (102) опять перенутываетъ факты, разказывая будто это послааніе было присаано рамѣ попытки Вальдемара къ бѣгству: попытка была 9 мая, а послаавіе доставлено 23 мая, и Михаилъ Θεодоровичъ, по поводу бѣгства, прямо укорялъ Вальдемара зачѣмъ онъ дожидается патріаршаго отвѣта.

дозволяетъ лишь не расторгать супружескаго союза, а не вступать въ бракъ развѣрнымъ. „А что вы пишете намъ, смиренному патріарху, что у васъ христіанская вѣра вся полна, и какъ вамъ та предана отъ святыхъ пророкъ и апостолъ написано въ вашихъ вѣрныхъ статьяxъ; и въ томъ къ вамъ нашъ отвѣтъ: не совершенна ваша вѣра, но превратна въ Крещеніи, приношеніи Святаго Причастія, постахъ, служеніи церковномъ, поставленіи еписколовъ, половъ и прочее. Истинно исповѣдуете, когда пишете намъ объ утвержденіи Апостольскаго символа на семи соборахъ и что Духъ Святыи исходитъ отъ единого Отца, а не отъ Сына. Когда же хвалитесь что взяли вѣру и ученіе лучше насъ, отъ Сіона и Іерусалима, то затѣмъ сами же себя изобличаете сознаваясь что вамъ досталась несовершенная вѣра и что держались ея пока не взялись вы за Святую Библію при королѣ Карлѣ V и изъ нея опять не научились старинной пророческой и апостольской вѣрѣ: вы слѣдовательно приняли вѣру не отъ Св. апостоловъ и не отъ Іерусалима, а отъ Рима, и пребывали въ ней до Лютера, который самъ себя называлъ вашимъ учителемъ и сталъ у васъ законоположителемъ, возносился надо всѣмъ Божественнымъ Писаніемъ и Десятословіе толкуя по своему разуму, не по Божественному Писанію, и всѣ учите его законъ больше словъ Христовыхъ“. Раскрывъ высоту православія въ сравненіи съ протестантствомъ, патріархъ заключаетъ: „весьма удивляюсь, государь, тебѣ, не знаю какаѣ боязнь возмущаетъ умъ твой что и по сіе время не хочешь быть сообщникомъ въ царствіи Христовомъ благочестивому царю Константину и князю Владиміру, который, когда восхотѣлъ взять въ жену сестру греческихъ царей, скоро крестился. Послушай, государь, нашего смиренія, о Христѣ молю тебя и все говорю къ твоей пользѣ: прами Святое Крещеніе въ три погруженія, и такъ просвѣтися душою и тѣломъ, и самъ уразумѣши истину и будешь сынъ свѣта“.

Продолжать полемику королевичъ поручилъ своему пастору Фальгоберу, которому немаловажную помощь оказалъ одинъ изъ московскихъ пасторовъ, приславъ на королевичевъ дворъ большой сундукъ съ книгами. Съ нашей стороны полемику повели благовѣщенскій протопопъ Никита, протопопъ церкви во имя Черниговскихъ мучениковъ Михаилъ, ключарь Успенскаго собора Иванъ Настѣдка, строитель костромской Геннадіевой пустыни Исаакій, греческіе архимандриты

Анѣмъ и Паревнѣй, князь Дмитрій Албертосъ Далматскій и другіе. Въ ихъ спорахъ были подробнѣе развиты мысли высказанныя въ перелискѣ между Вальдемаромъ и патріархомъ. Соглашенія олатъ не послѣдовало. Отецъ Вальдемара Христіанъ обратился къ Польскому королю, этотъ къ Молдавскому воеводѣ Василю, который въ свою очередь къ Константинопольскому патріарху Паревнѣю съ просьбой разсудить, признавать ли лютеранское и кальвинское крещеніе или нѣтъ. На соборѣ созванномъ патріархомъ рѣшили что лютеранъ надобно перекрещивать. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, по ходатайству Польскаго короля, просилъ патріарха послать къ Московскому государю славившагося тогда въ Греціи своею ученостію Мелетія Сирига съ мнѣніемъ объ измѣнности крестить второй разъ Вальдемара. Ходатайство не было уважено. Объ этомъ царь получилъ (25 марта 1645 года) три письма, одно изъ нихъ отъ Мелетія, который приписалъ что соборъ еще не конченъ: думаютъ собрать архіереевъ бѣльшее число. Извѣстіе это еще сильнѣе поддерживало энергію московскихъ ревнителей.

Вмѣшался въ дѣло польскій посолъ Стемпковскій. За обѣдомъ у графа онъ сказалъ ему: „Я не уѣду отсюда пока не добьюсь для графа чего-нибудь хорошаго, чтобы либо сыгралъ свадьбу, либо отпустили его вмѣстѣ со мною или вскорѣ послѣ меня“. Графъ принялъ это съ благодарностію. Посолъ игралъ нѣсколько двуличную роль: предъ Русскими онъ выставлялъ себя ихъ доброжелателемъ, въ сношеніяхъ съ королевичемъ онъ сообщалъ ему всѣ тайны какія ему удавалось узнавать при Дворѣ; самъ принадлежа къ католической вѣрѣ, онъ прислалъ въ Посольскій приказъ трактатъ въ пользу лютеранскихъ положеній о крещеніи. Разчитывая на услуги посла, Вальдемаръ написалъ ему (13 мая 1645 года) длинное и необычайно рѣзкое письмо по адресу московскихъ ревнителей и самого государя, наказавъ послу перевести письмо возможно точнѣе, и какъ только придетъ къ нему думный дякъ, прочитавъ ему, все высказать и не скулиться на усердіе. „Графъ, говорилось въ письмѣ, никакъ не намѣренъ уступить Русскимъ больше чѣмъ объявилъ имъ за годъ до того: посты съ ними держать, дѣтей крестить посредствомъ погруженія, иногда даже носить русское платье въ честь царскаго величества, а иногда, если ему захочется, и свое, и дѣлать все пріятное царю безъ оскорбленія совѣсти

и нарушенія вѣры и договора. Больше же онъ не уступитъ ни въ чемъ и не посмотритъ на царскія угрозы. Захочетъ царь сослать его въ Сибирь—воля его; захочетъ убить его—пусть дѣлаетъ и это: онъ положилъ лучше умереть съ чистою совѣстью чѣмъ жить въ почетѣ съ преступною“ и т. д. Ни о ссылкѣ, ни о казни королевича, конечно, никогда у нашего правительства не было и мысли, и Михаилъ Ѳеодоровичъ разгадалъ весь напускной тонъ письма. Черезъ своего врача служившаго тайнымъ посредникомъ между посломъ и королевичемъ посолъ сообщалъ Вальдемару что государь самымъ настоятельнымъ образомъ проситъ его еще разъ побесѣдовать серьезно о вѣрѣ. Королевичъ отпѣкивался, настаивая на отлукѣ, и 25 июня чрезъ Марселиса извѣстилъ правительство что онъ крайне боленъ: что ни съѣсть, все назадъ; если не лодать скорой помощи, можетъ и помереть. Домашній образъ жизни его былъ хорошо извѣстенъ у насъ не только при Дворѣ, но и въ народѣ. Авторъ *Повѣсти о княгининой кончинѣ Михаила Ѳеодоровича* утверждаетъ (л. 12) что королевичъ со своими людьми, живя на отведенномъ дворѣ, „бѣсовалася“ по своему обычаю чуть не каждый день, играла тамъ постоянно музыка, а объ „пномъ срамъ и писати“, но царь съ царицей не возбраняли ему, надѣясь ублажить его и принять потомъ какъ сына. Потому не особенно-то повѣрили у насъ извѣстію Марселиса и навели справки. 25 числа, по словамъ постельнаго сторожа Миши, королевичъ кушалъ въ саду вмѣстѣ со своими ближними людьми и всѣ пили, ѣли и веселились попрежнему; послѣ ужина королевичъ долго гулялъ тамъ, а маршалокъ, позвавъ къ себѣ другихъ дворянъ, угощалъ ихъ виномъ, ромашеей и другими питьями до втораго часу ночи, всѣ были пьяны, играли въ цымбалы, докторъ на королевичевъ дворъ не приходилъ. Когда хитрость не удалась, Вальдемаръ согласился присутствовать при диспутѣ его пастора съ протопопами Михаиломъ и Иваномъ Настѣдкой и строителемъ Исаакиемъ. Не признавая лютеранскаго крещенія, наши старались доказать пастору что лютеранская вѣра много хуже католической. „Хотя Римляне и еретики и прокляты отъ Святыхъ Отецъ, но и у нихъ лучше вашего: у нихъ есть поставленіе отъ папы кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, а у насъ, люторы, и того худаго ничего нѣтъ, не именуется: какъ же вамъ другихъ людей святить и крестить когда вы сами ни

отъ кого не освящены? Прежніе браки, на которые вы ссылаетесь, не примѣръ. Великій князь Иванъ Васильевичъ выдалъ свою дочь за Польскаго короля ради мира, и она во всю свою жизнь оставалась въ греческой вѣрѣ; Грозный царь выдалъ лаемьяницу за Магнуса всаждствіе опалы что отецъ ея ни въ чемъ ему добра не хотѣлъ; а что Борисъ призывалъ въ Москву Голштинскаго князя не говоря ему о вѣрѣ и крещеніи, то онъ же послалъ для договору о томъ во всѣ города за всѣми властями, митрополитами, архіепископами и епископами, но они не услѣли еще съѣхаться къ Москвѣ, какъ Яганъ преставился“.

Это засѣданіе было послѣднимъ. Оно было 4 іюля 1645 года, а чрезъ нѣсколько дней не стало (12 іюля) въ живыхъ царя Михаила Феодоровича. Мягкая душа Михаила не могла вывести тѣхъ безлокойствъ и мученій которыя выпали ему на долю во время пребыванія въ Москвѣ Вальдемара. Сынъ его Алексѣй, заваявъ престолъ, тотчасъ велѣлъ извѣститъ королевича чтобъ онъ былъ спокоенъ за свою безопасность и сдѣлалъ еще попытку склонить его на бракъ при условіи перекрещиванья. Получивъ отрицательный отвѣтъ, новый царь, посоветовавшись съ высшимъ духовенствомъ и боярами, рѣшилъ отпустить гостя домой. Когда онъ сообщалъ объ этомъ своей матери, та, и безъ того больная отъ горя, теперь окончательно слегла въ постель, и чрезъ пять недѣль отошла (18 августа) въ вѣчность за своимъ супругомъ.

Наканунѣ ея смерти была (17 августа) прощальная аудіенція Вальдемару, гдѣ было объявлено ему что государь, поживъ дѣло о бракѣ на судѣ Божій, отпускаетъ теперь его съ честию и въ надеждѣ что дружба между Христіаномъ и Московскимъ государемъ продолжится какъ была она прежде. Съ королевичемъ представлялось семнадцать человекъ. Всѣ они были милостиво одарены, даже „дворовой проповѣдникъ“ Фильгоберъ получилъ 80 рублей. Кромѣ 20 сороковъ дорогихъ соборей поднесенныхъ на аудіенціи, Вальдемаръ незадолго предъ тѣмъ получалъ въ даръ 3.615 рублей и 7.000 на содержаніе и дорожные расходы его свѣты; дозволено было взять съ собою и всѣ прежніе подарки. Въ 2 часа пополудни 20 августа по Москвѣ, въ направленіи къ Тверскимъ воротамъ, медленно двинулася громадный обозъ иноземцевъ, подводъ въ четыреста, въ сопровожденіи бояръ и тысячи полаты стрѣльцовъ.

„Точно по смерть самодержца и самодержицы онъ, окаянный королевичъ, приходилъ къ намъ, разсуждаетъ автор *Повести о внезапной кончинѣ Михаила Феодоровича*. И онъ живъ и здоровъ остался и никакой тщеты не сотворилосъ ему, только намъ, православнымъ христіанамъ, не благо явилосъ. Приходилъ не съ войной и не для взятія города, и везаю истощилъ не менѣе иной рати; могъ бы царь и всѣ люди поднять много войска и стоять противъ супостатовъ, что онъ, окаянный, живши истощилъ и изгубилъ в своихъ обиходахъ. Принимая отъ царя, царицы и отъ прочихъ людей подарки и честь, во благочестіи не сталъ, царской воли не сотворилъ, нашимъ Крещеніемъ не крестился онъ, злодѣй, невѣрія своего ради, умоумъ своимъ отемнѣлъ. И такъ пошелъ въ свое отечество съ великимъ богатствомъ набравшись здѣсь царской милости, взявъ съ собою множество серебра, золота и всякихъ драгоценныхъ вещей. Вѣрою и нечестивъ онъ, но счастіемъ одаренъ былъ. Если кто скажетъ: не онъ виноватъ, но мы, потому что мы сами звали его, такому нашъ отвѣтъ: всякій разумный мужъ не хочетъ себя худа, но добра; такъ и блаженныя памяти царь и царица не худа себя хотѣли, но добра что повелѣли призвать къ себѣ такого нечестиваго врага. Они хотѣли сотворить сугубое добро: вопервыхъ, невѣрнаго отъ тьмы привести на свѣтъ и освятить Святимъ Крещеніемъ, вовторыхъ сочетать законнымъ бракомъ со своею царскою дочерью и соличестъ ко своему царскому достоинству. Но если корень золъ и горекъ, то и отрасль горька, и не можетъ своей горести превратить въ сладость и останется въ своемъ естествѣ: такъ и сей окаянный не возмогъ въ свѣтъ быть, и въ своей темнотѣ восхотѣлъ остаться, еще же сказать, и все за грѣхи наши благое случается и не исполняется наш хотѣніе“.

Впрочемъ, въ томъ что королевичъ не крестился и не женился на царевнѣ, авторъ находилъ и утѣшительное. „Еслибъ нечестивый Ваадемаръ ото всего своего сердца захотѣлъ креститься по нашему русскому обычаю и сочетаться съ царскою дочерью законнымъ бракомъ, то мы бы всѣ радовались и были бы благодарны царской радости, царь и царица жили бъ безъ печали и все бы было мирно и безъ кручины. Но тьма не терпитъ свѣта и бѣжитъ отъ него. Нельзя бытъ травѣ въ чистой пшеницѣ, заглушить ее, или мутной водѣ

войти въ чистую, возмутить ее; такъ нельзя нечестію войти въ благочестіе, велика будетъ бѣда и крамола всѣмъ православнымъ христіанамъ. Не безъ причины всевидящій Богъ не допустилъ Вальдемара до Крещенія. Отъ него, когда бы онъ крестился и женился законнымъ бракомъ съ царскою дочерью, велика была бы бѣда и крамола всему православному христіанству и всему великому государству смута и раздоръ. Лишь бы отошелъ Михаилъ Θεодоровичъ, какъ этотъ, жедая больше добра себѣ нежели Алексію Михайловичу и Россіи, захотѣлъ бы захватить съ своими логаными Нѣмцами больше власти, и произвелъ бы великую у насъ смуту. По крещенію сей невѣрный врагъ Божій и человѣческій не отсталъ бы отъ своего яда и держалъ бы его внутри себя тайно, до времени пока можно было бѣ ему обратиться къ своему невѣрію. Потому надобно благодарить всемилостиваго Бога что этотъ невѣрный, не войдя въ благочестіе, не владѣеть теперь нами, а владѣеть Алексій Михайловичъ, который любъ намъ, какъ царская отрасль и царь православный.“

Такія откровенно печальныя и критическія повѣсти, какъ данная, были у насъ тогда не въ обычаѣ. Это понималъ самъ авторъ. Чтобъ оправдать себя почему онъ взялся разказать исторію приведшую къ гибели двухъ самодержавныхъ лицъ, онъ ссылается на Библію, Степенную книгу и на Повѣсть о смутномъ времени, гдѣ много разказывается печальнаго; главное же, онъ тѣмъ хотѣлъ да дѣлъ показать какъ опасно намъ дружить съ иноземцами, тѣмъ болѣе вступать съ ними въ бракъ. „Нѣтъ и не должно быть общенія вѣрному съ невѣрнымъ“, вотъ къ какому выводу пришелъ благочестивый Москвитянинъ, а съ нимъ, конечно, и громадное большинство его современниковъ. Вопросъ о бракахъ съ протестантами замолкъ почти на три четверти столѣтія. Дѣло Вальдемара произвело слишкомъ тяжелое впечатлѣніе чтобы можно было поднимать вопросъ снова; широкая полемическая литература, возникшая во время длинныхъ споровъ, долго служила источникомъ нашихъ знаній о протестантствѣ.

Но всему свое. Когда протестантизмъ мало-по-малу утрачивалъ свою завлекающую живучесть и для борьбы съ нимъ и католицизмомъ выросло на Востокѣ другое, кромѣ религіи, орудіе,—образованіе: Московскій соборъ 1667 года, въ присутствіи восточныхъ іерарховъ, отмѣнилъ прежнюю временную

мѣру, постановленіе Московскаго собора 1620 года о перекрещиваньи иновѣрцевъ обращающихся въ православіе; крестникъ Ирины Михайловны, великій Петръ, разсѣкъ гордіевъ узелъ связывавшій вопросъ о бракахъ православныхъ съ иновѣрцами. Допустивъ бракъ для лицъ царскаго рода и для подданныхъ съ лицами католическаго и протестантскаго міра, самъ онъ однако, какъ царь, то-есть какъ, вмѣстѣ со своею супругой, живое, по мнѣнію народному, олицетвореніе и высшій носитель священныхъ народныхъ началъ, былъ женатъ на иновѣркѣ обращенной въ православіе. Его заветъ крѣпко хранится до сихъ поръ.

